Г.Н. Гарустович, В.А. Иванов

Огузы и печенеги в Евразийских степях

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УФИМСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
Институт истории, языка и литературы

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН
Отделение гуманитарных наук

Г.Н.ГАРУСТОВИЧ, В.А.ИВАНОВ

ОГУЗЫ И ПЕЧЕНЕГИ В ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЯХ

Издательство «Гилем»
УФА — 2001

ББК 63.4
Г 20
УДК 621.382

Гарустович Г.Н., Иванов В.А. Огузы и печенеги в евразийских степях. Уфа: Гилем, 2001 . 212 с.

ISBN 5-7501-0233-5

Монография посвящена анализу археологических источников тюркоязычных племен огузов и печенегов, заселявших степи Восточной Европы и Заволжья в конце IX — второй половине XI в. Значительное место в работе уделено характеристике этногенеза и политической истории огузов и печенегов, отраженных в письменных источниках восточных, византийских и русских авторов.

Книга предназначена для археологов, историков и студентов исторических факультетов вузов.

Ил. 32. Табл. 5.

Редколлегия:

канд. ист. наук **В.Н.Васильев** (отв. ред.),
Г.Р.Зарипова

Рецензенты:

д-р ист. наук **В.С.Горбунов,**
канд. ист. наук **И.Б.Васильев**

ISBN 5-7501-0233-5

© Издательство «Гилем», 2001
© Г.Н.Гарустович, В.А.Иванов, 2001

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 4

Глава I. ОГУЗЫ И ПЕЧЕНЕГИ В СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКАХ **8**

Глава 2. ИСТОРИОГРАФИЯ РАССЕЛЕНИЯ ОГУЗОВ И ПЕЧЕНЕГОВ **33**

Глава 3. ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ ОГУЗОВ И ПЕЧЕНЕГОВ. СРАВНИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ **66**

Глава 4. ОГУЗЫ И ПЕЧЕНЕГИ В ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЯХ (ПУТИ И ЭТАПЫ ЗАВОЕВАНИЯ) **97**

Заключение **124**

Иллюстрации **127**

Приложение. СПИСОК КУРГАНОВ И ПОГРЕБЕНИЙ ОГУЗОВ И ПЕЧЕНЕГОВ **162**

ВВЕДЕНИЕ

О роли печенегов и огузов (гузов, торков) в истории Великого пояса степей Евразии в отечественной и зарубежной исторической науке сказано столь много, что добавить к этому что-либо новое – задача чрезвычайно трудная Простой обзор имеющейся литературы показывает, что исследователями в основном освещены все ключевые вопросы этнической и социально-политической истории этих племен, начиная от их выхода из глубин Центральной Азии (П.Б.Голден) и кончая образованием огузского (сельджукского) государства в Передней Азии (А.Н.Курат, В Гордлевский), трансформацией печенегов и огузов в новое этнокультурное образование союз Черных Клобуков (С.А Плетнева) и инфильтрацией печенегов в центрально-европейскую этнокультурную среду (А Палоци-Хорват)

Вместе с тем бросается в глаза явная неравномерность в формировании и осмыслении источниковой базы по истории огузов и печенегов и прежде всего в ее археологическом аспекте Средневековые письменные источники вполне определенно повествуют о пребывании и достаточно активной военно-политической деятельности этих народов на просторах азиатских степей, но мы не имеем ни малейшего представления об археологической культуре огузов ни в Средней, ни в Передней Азии Вопрос об этногенезе печенегов (кангаров, кенгересов) по-прежнему остается на уровне керамических коллекций, собранных С П.Толстовым в конце 40-х годов на городищах нижней Сырдарьи Многочисленные документальные и топонимические свидетельства расселения печенегов в Венгрии не могут быть проиллюстрированы соответствующим археологическим материалом.

В настоящее время огузы и печенеги остаются едва ли не единственными кочевыми народами, которые, образно говоря, пройдя насквозь всю Евразийскую степь и перекроив ее этнокультурную и этнополитическую карту, оставили после себя материальный след лишь на одном малюсеньком (в масштабах степной Евразии) «пятачке» – между Доном и Прикарпатьем

Открытием печенежских и огузских памятников (если под этим подразумевать не столько полевое накопление материала, а его этнокультурную интерпретацию) археологическая наука обязана С.А.Плетневой и Г.А.Федорову-Давыдову, впервые на довольно ограниченном материале разработавшим хронологию и морфологические признаки этих памятников. Труды названных исследователей, увидевшие свет более 30 лет тому назад, охватывали весь имеющийся в то время интересующий нас материал, а потому легли в основу всех последующих разработок, касающихся археологии средневековых кочевников вообще и печенегов и огузов – в частности.

За последние десятилетия, сопровождавшиеся ростом источниковой базы по археологии средневековых кочевников евразийских степей, в плане рассматриваемой темы выделились два региона, где процесс накопления материала сопровождался качественно новым «рывком» в его осмыслении. степи Заволжья и Южного Приуралья, на территории которых В.А.Кригер, опираясь на разработки предшественников, выделил группу собственно огузских погребений, и расположенное на западной окраине Великого Пояса евразийских степей северо-западное Причерноморье, где А.О.Добролюбский построил типохронологическую шкалу кочевнических древностей эпохи средневековья, основу которой составили памятники огузо-печенежского времени.

При всех их бесспорных достоинствах работы названных исследователей имеют выраженный региональный характер, а потому несут на себе печать явной недосказанности. В.А.Кригер обходит молчанием этнокультурную принадлежность соседних и типологически близких огузским курганы северной периферии волго-уральских степей, а А.О.Добролюбский, дав подробнейшую и детальную типологию и социальную стратификацию рассматриваемых погребений, заключает ее традиционным выводом об их «огузо-печенежской» этнокультурной принадлежности

Исходя из того, что заволжско-приуральские материалы как бы открывают процесс внедрения огузов и печенегов в Восточную Европу, причерноморско-прикарпатские – документируют его завершение, а между ними лежат памятники бассейна Нижнего Дона и Днепра, количество которых по сравнению с 1950 – 60-ми годами, как показали архивные изыскания и знакомство с публикациями, выросло на несколько порядков, авторы настоящей работы решили объеди-

нить их в единую аналитическую систему и рассмотреть в контексте решения следующих источниковедческих и интерпретационных задач·

– дать сравнительно-типологическую характеристику всего имеющегося массива погребальных памятников огузо-печенежского времени (X–XI вв.) от Урала до низовьев Дуная;

– выявить комплекс этномаркирующих признаков, позволяющих осуществить этнокультурную дифференциацию собственно-огузских и печенежских памятников;

– на основании полученных результатов дать реконструкцию пути проникновения, динамики и масштабов расселения рассматриваемых племен по восточно-европейским степям, выяснить роль каждого из них в формировании этнокультурной карты степной Евразии в X–XI вв ,

– показать степень аутентичности нарративных сведений об огузах и печенегах и археологических данных

В исследовании были использованы как опубликованные, так и неопубликованные (при общих статистических расчетах) данные по погребальным памятникам X–XI вв., собранные в архивах Москвы, Санкт-Петербурга и Киева, а также в многочисленных статьях и монографиях коллег-археологов В иллюстративных таблицах использован только уже опубликованный материал.

Анализ материала производился статистическими методами, широко применяемыми в современных археологических исследованиях.

Структуру книги составляют четыре главы, из которых первая представляет собой своеобразную антологию опубликованных на русском языке сведений об огузах и печенегах в сочинениях арабо-персидских и европейских авторов эпохи средневековья. В совокупности с результатами анализа археологического материала эти сведения формируют представления о всем корпусе данных по истории рассматриваемых племен.

Во второй, собственно историографической главе, акцент делается на освещение взглядов предшественников на ход и масштабы освоения огузами и печенегами евразийских степей, не касаясь вопросов их социально-экономической структуры

Третья глава – источниковедческая, где приводятся результаты статистического анализа археологического материала и даются выводы относительно его этнокультурной принадлежности

В четвертой, заключительной, главе, на основе корреляции данных средневековых письменных источников и археологии, излагается наше видение хода печенежской и огузской экспансии в Восточную Европу и ее последствия. Насколько убедительно это у нас получилось – судить читателю.

Все иллюстрации к книге выполнены художником отдела археологии ИИЯЛ УНЦ РАН Г.Р.Зариповой, за что авторы выражают ей свою глубокую признательность

Глава I

ОГУЗЫ И ПЕЧЕНЕГИ В СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКАХ

Поскольку вся отечественная и зарубежная историография огузов и печенегов, о которой речь пойдет в следующей главе, за редким исключением чисто археологических исследований и публикаций, построена на анализе и толковании сведений средневековых авторов об указанных народах, мы считаем необходимым начать свое исследование с суммарного изложения этих сведений. Причем, следует оговориться, что мы ставим перед собой достаточно скромную задачу не будучи специалистами, мы, естественно, не можем заниматься текстологическим анализом нарративных источников; источниковедческий разбор сочинений средневековых авторов на предмет их аутентичности – это тема специального исследования, которое, после классических работ В В.Бартольда, И.Ю.Крачковского, С.Г.Кляшторного и других исследователей, также должен проводить специалист Но поскольку абсолютное большинство интересующих нас сведений опубликованы, ниже мы попытаемся составить своеобразную антологию средневековых данных об огузах и печенегах в Евразии, опираясь при этом на уже имеющиеся трактовки тех или иных этнонимов, географических понятий и историко-политических событий Подобная «узкая» антология, до сих пор, насколько нам известно, не составлявшаяся, вместе с анализом археологических источников позволит, во-первых, лучше представить всю источниковую базу по интересующей нас теме, а во-вторых, даст возможность более объективной оценки имеющейся на сегодняшний день огузо-печенежской историографии

Если исходить из известных ныне письменных источников и общепринятой среди исследователей идентификации этнонима «кангар» – «кенгерес» – «печенег», то самые ранние сведения о локализации, и отчасти образе жизни древних печенегов (или протопеченегов), принадлежат перу китайских хронистов и датируются рубежом I II вв. до н.э Здесь имеются в виду написанные до 99 г до н.э «Исто-

рические записки» Шы-Цзи, Сыма Цяня, в которых идет речь о кочевом владении Кангюй, расположенном к северо-западу от Давани (Фергана) и к юго-востоку от кочевого же владения Яньцай или Аланья, лежащем «при большом озере, которое не имеет высоких берегов» (т.е. Северном или Каспийском море)[1]. Судя по предлагаемой исследователями идентификации географических ориентиров, границы «владения Кангой» включали в себя территории бассейна Сырдарьи, от Ташкента в сторону Хорезма.

Из «Истории Северных Дворов» (соч. Ли Янь-шеу), охватывающей период с 386 по 618 гг., мы узнаем, что какое-то время Кангюй находился в зависимости от правителей «владетельного Дома Йеда» (эфталитов), а в 641 г. был завоеван войсками Дуло-хана, правителя Западнотюркского каганата[2].

По сообщениям китайских хроник первой половины I тыс.н.э., излагающих по существу одни и те же сведения, кангюйцы – кочевники («... следуя за скотом, перекочевывают с места на место»), придерживающиеся обычаев и образа жизни, сходных с хунгами, аланами и эфталитами.

Следующую группу сведений по интересующим нас народам, касающихся в основном огузов, составляют древнетюркские руничесские памятники первой половины VIII в. (надписи в честь Кюль-Тегина, Могиляна, Тоньюкука). В этих текстах огузы и печенеги (кенгересы) представлены как два отдельных народа – ближайшие соседи и политические противники «голубых тюрков», с которыми тюркские каганы воевали в течение ряда лет. Так, из надписи в честь Кюль-Тегина (умер в 732 г.) мы узнаем, что его отец Ильтериш-каган несколько раз ходил походами на «народ токуз-огузов под начальством Баз-кагана», жившего к северу от тюрок, и в итоге покорил его («В честь моего отца-кагана во главе вереницы могильных камней поставили "балбалом" Баз-кагана»)[3]. Затем сам Кюль-Тегин совершает поход на запад, за реку Йенчу (Сырдарья), где силами подвластных ему тюргешей воюет с кенгересами (печенегами). Судя по изложению дальнейших событий, поход этот для тюрок не был удачным и им пришлось отступить. Тем более, что в тылу у тюрок восстали покоренные ими ранее огузы. «Народ токуз-огузов был мой собственный народ; так как небо и земля пришли в смятение, он стал моим врагом». Последние годы жизни Кюль-Тегина были посвящены в общем-то безуспешным попыткам вновь подчинить себе огузов[4]

Более точные сведения о территории расселения огузов в VII–VIII вв содержатся в надписях в честь Тоньюкука, хана Могиляна (ум в 735 г.), и уйгурского хана Моюн-Чура (ум в 757 г.) Первый из перечисленных правителей сражался с огузами у р. Тоглы (в современной Монголии правый приток Орхона – р Тола)[5] , хан Могилян, разгромив объединенное огузо-табгачское войско, преследовал отступающего противника, двигаясь вниз по р. Селенге[6] , а хан Моюн-Чур, очевидно, властвовал над «народом девяти огузов», жившим у р Орхон, и в 747 г во главе их сражался против тюрков (и части отколовшихся огузов и татар) на берегах той же Селенги[7]

Таким образом, из сведений древнетюркских письменных памятников следует, что в VII–VIII вв. огузы и печенеги (кенгересы) – два отдельных самостоятельных народа – жили на востоке Великого пояса евразийских степей, на значительном удалении друг от друга, будучи разделенными территорией Тюркских каганатов.

Однако, подобная же ситуация, очевидно, была известна и арабским географам середины IX в. В частности, в «Книге картины земли», написанной арабским ученым Мухаммадом ал-Хваризми между 836 и 847 гг на основании географических данных Птолемея[8], о кенгересах – печенегах – речь вообще не идет, а что касается огузов, то они выступают в данном труде под собирательным именем «земля ат-тугузгуз» (Т.М Калинина) с координатами, значительно восточнее Хорезма, Бухары и Самарканда[9].

Арабские авторы второй половины IX в (Ибн-Хордадбех, аль-Якуби) называют огузов и печенегов среди других кочевых тюркских племен Средней Азии (кимаков, карлуков, токузгузов, киргизов и кипчаков), правда, без обозначения конкретных границ их расселения[10]. Но зато два других автора. аль-Балазури (ум в 892 г.) и ат-Табари (ум в 923 г) – в своих трудах повествуют о том, что в 820 – 821 гг. токуз-огузы совершили набег на Усрушану (район современных Ташкента, Ферганы и Самарканда), а правитель Хорасана Абдаллах ибн-Тахир, вероятно, в ответ на это в 824 г отправил свое войско в поход на «страну Гуззия» (последнее, впрочем, не абсолютно достоверно)[11] Как бы то ни было, но сам факт появления огузов за 3 000 км к западу от Орхона и Селенги, в верховьях Сырдарьи, свидетельствует о том, что к началу IX в локализация этих племен на территории евразийских степей существенным образом изменилась и с этого времени они становятся ближайшими соседями печенегов

Соседство это, в итоге, вылилось в серию войн между печенегами и огузами, карлуками и кимаками за земли «вокруг моря Джурджан» (Аральского), о которых мы узнаем из сочинения аль-Масуди (сер. X в.). И хотя подробности этих войн в письменных источниках не освещены, результатом их явилось вытеснение печенегов из бассейна Сырдарьи и Приуралья сначала в степи Волго-Уральского региона, а затем – и далее на запад Так, Ибн-Русте, писавший не позже 912 г., сообщает о «земле печенегов», расположенной в 10 днях пути от «земли хазар», между печенегами и жившими на Волге «болгарскими эсегелями, рядом с первым из краев маджарским» То, что в данном случае речь идет уже о восточно-европейских печенегах, следует из краткого описания пути от печенегов к хазарам («. Торного пути или больших дорог нет, впрочем, между упомянутыми землями, а пробираются из страны Печенежской до самой земли Хазарской, как сказано, лесистыми и болотистыми местами»), которого, как известно, к востоку от Волги мы нигде не найдем, а также из указания о южной границе «маждарского края», выходящей к Румскому (Черному) морю[12].

Сведения Ибн-Русте дополняются сведениями русских летописей о походе печенегов, согласно договору с Византией, на Дунай против болгарского царя Симеона в 915 г («В лето 6423 Приидоша Печенези первое на Русскую землю и створише мир с Игорем, идоша к Дунаю В си же времена приде Семеон, пленяя Фракию Греци же послаша по Печенегы Печенегом же пришедшим и хотящим на Семеона, расваришася Грецкыя воеводы Видевше Печенези, яко сами на ся рать имуть, отидоша во свояси ... »)[13]

Огузы и какая-то часть печенегов оставались в это время за Волгой, в Прикаспии и бассейне Яика. Об этом имеются вполне определенные сведения у Ахмеда Ибн-Фадлана, в 922 г проезжавшего через огузские кочевья печенегов на берегу оз Шалкар в современном Западном Казахстане. Записки Ибн-Фадлана являются наиболее полным собранием сведений об образе жизни, религии и социальном устройстве заволжских и прикаспийских огузов X в Из них мы узнаем, что огузы – «. кочевники, у них дома волосяные (из кошмы) и они останавливаются или уезжают Ты видишь их дома то в одном месте, то такие же в другом, как делают кочевники в своих переселениях» Они язычники («Вместе с тем они как блуждающие ослы, не изъявляют покорности Аллаху, не обращаются к разуму и не поклоняются ничему И я слышал, как они говорили "Нет бога, кроме

Аллаха, Мухаммад пророк Аллаха", стараясь приблизиться этими словами к тем мусульманам, которые проезжают у них, но не веря в это»), причем достаточно воинствующие («Первый из них царей и главарей, кого мы встретили, – Янал (йынал) младший. Он прежде уже принял было ислам, но ему сказали: "Если ты принял ислам, то ты уже не наш глава." Тогда он отказался от своего ислама»). Социальное устройство огузов, по сведениям Ибн-Фадлана, выглядит как военная демократия («И управляет ими совет между ними. Но только пока они потратятся на что-либо или решаться на что-либо, приходит затем самый ничтожный из них и самый жалкий и уничтожает то, на чем они уже сошлись.») с элементами верховной раннефеодальной власти («Царя турок огузов называют Ябгу или, вернее, это – название повелителя, и каждый, кто царствует над этим племенем, этим именем называется. А заместителя его называют Кударкин. И таким образом, каждый, кто замещает какого-либо их главаря, называется Кударкин»). О том, что власть эта не была ещё в полном смысле феодальной, свидетельствует, на наш взгляд, описанная Ибн-Фадланом реакция одного из огузов («с потрепанной внешностью, щуплого вида, с жалким существом»), остановившего караван арабского посольства, на сообщение арабов о том, что они «друзья Кударкина».

По некоторым приводимым в рассматриваемой книге фактам можно судить о том, что отношения между огузами и их западными соседями хазарами были враждебными[14].

Ибн-Фадлан ничего не сообщает о территории расселения огузов Более подробные сведения на сей счет содержатся в сочинении современного ему автора аль-Истархи, где «пределы страны гузов» помещены к западу от Мавераннахра, «между хазарами и кимаками, страной карлуков и булгар и границами мусульманских стран от Джурджана до Фараба и Исбиджаба»[15] На современной карте это получается довольно обширная территория от верховьев Сырдарьи на востоке до Северного Прикаспия и Нижней Волги – на западе (рис. 1, 2). В этих же пределах очерчивает границы расселения огузов и Ибн-Хаукал (70-е годы X в.)[16].

Определенные данные о восточной части «земли гузов», расположенной между кимаками и «тагазгазами» (токуз-огузами-уйгурами) содержатся в географическом сочинении Абу-Дулафа, в 942 г совершившего путешествие из Бухары в Китай и Индию[17]. В отличие от названных выше авторов, огузы у Абу-Дулафа представлены

оседлым народом, имеющим город, занимающимся земледелием, скотоводством и торговлей» ... Город их построен из камня, дерева и тростника; есть у них и храм, но без идолов. Царь их весьма могущественен. Ведут торговлю с Индией и Китаем. Питаются только пшеницей и мясом баранов и серн; одеваются в одежды из льна и верблюжьего волоса, шерстяных же одежд не носят»[18].

Западной границей расселения огузских племен в X в., судя по сообщениям арабских авторов, являлась р.Волга (Итиль, Атил), Хазарская река. Наиболее конкретные (хотя и достаточно запутанные) данные на сей счет приведены в уже упоминавшемся сочинении Аль-Масуди (ум. в 956 г.). Из него, во-первых, следует, что огузы кочевали в Северном Прикаспии, между устьями двух больших рек, впадающих в Каспийское (Хазарское) море. У Масуди это Черный Иртыш и Белый Иртыш, фактически, очевидно, соответствующие Яику и Эмбе[19]. Затем, на зиму огузы собираются к Волге (Хазарской реке) и, перейдя ее по льду, нападают на хазар: «... После 300 года гиджры случилось, что около 500 кораблей, из коих на каждом было 100 человек (из Русов) вошли в рукав Найтаса (Черное море), соединяющийся с Хазарскою рекою. Здесь же хазарским царем поставлены в большом количестве люди, которые удерживают приходящих этим морем, также приходящих сухим путем с той стороны, где полоса Хазарского моря соединяется с морем Найтас. Это делается потому, что Туркские кочевники – Гуззы приходят в этот край и зимуют здесь; часто же замерзает вода, соединяющая р. Хазарскую с рукавом Найтиса, и Гуззы переплавляются по ней со своими конями ... и приходят в страну хазар. Иногда выступает им навстречу хазарский царь, когда поставленные им люди слишком слабы, чтоб удержать Гуззов, препятствовать им в переправе по замерзшей воде и удалять их от его государства. Что же касается лета, то Турки не имеют тогда дороги для переправы по ней»[20]. Следует отметить, что в данном сообщении Масуди отнюдь не все ясно: ясно, что Волга (Хазарская река) служила границей между огузами и хазарами, но совершенно непонятно, что это за «рукав Найтиса», соединяющийся с р. Хазарской, в районе которого огузы переходили в пределы страны хазар? Поскольку исследователями-источниковедами на сей счет также не высказано никаких соображений, остается предполагать, что, возможно, у Масуди имеется в виду район современного г.Волгограда, где Дон («Рукав Найтиса» ?) и Волга близко подходят друг к другу и где сей-

час известны огузские погребения X в , о чем подробнее будет сказано в следующих главах настоящей работы

Аналогичные рассмотренным выше сведения о территории расселения огузов содержатся в анонимном географическом сочинении «Худуд ал-Алам» («Картины мира»), сопоставленном в 982 – 983 гг путем сбора и систематизации данных из других географических работ X в.[21] Автор этого сочинения также помещает огузов к западу от Аральского моря и к юго-востоку от Волги («Восточнее этой страны лежит пустыня гузоя и города Трансоксианы; южнее нее — части пустыни Хазарского моря; западнее и севернее – река Атил»), характеризуя их, как кочевников-воинов и торговцев (« .. И летом и зимою они кочуют по пастбищам. Их богатство – кони, коровы, лошади, оружие и немного дичи. Среди них много купцов . . У гузов нет городов, но народ, обитающий в юртах, очень многочисленный. Они владеют оружием и орудиями труда и храбры в войне. Они беспрерывно нападают на земли ислама, уничтожая все, что ни есть на пути, и отступают, как только сочтут это возможным. Некоторые из их племен имеют своего вождя на случай споров между ними»)[22].

Последнее датированное упоминание об огузах на Волге – это сообщение русских летописей о походе князя Владимира на болгар в 985 г.. «В лето 6493. Иде Володимир на Больгары с Добрынею, уем своим в лодьях, а Торкы берегом приведе на конех, и тако победи Болгары»[23] Следует отметить, что тождество «торки-огузы» из содержания русских летописей не вытекает и здесь современные исследователи полностью принимают предположение предшественников (в частности, В.В.Бартольда) о том, что огузы «... вероятно, торки русских источников; вместе с торками русские летописи упоминают ещё и берендеев – вероятно, огузский род баюндур»[24]. В данном же случае имеется несколько фактов, указывающих на то, что в приведенном отрывке из Ипатьевской летописи речь идет именно о поволжских кочевниках и именно – об огузах. Во-первых, объект похода Владимира и Добрыни – болгары. У исследователей как будто бы нет сомнений в том, что – волжские, тем более, что накануне, т.е. в 984 г., «иде Володимир на Радимици (радимичи)», от которых шел прямой и удобный путь по Оке и Волге к болгарам «на лодьях». Во-вторых, обращение Владимира к торкам (огузам), с точки зрения его внешней политики было вполне логично, поскольку кочевавшие у южных границ Киевской Руси печенеги представляли в это время опасную силу, союзнические отношения с которой были весьма зат-

руднены, а торки-огузы, кочевавшие в Поволжье и не имевшие прямых контактов с Русью, воспринимались более лояльно Не говоря уже о том, что подобные русско-торческие союзнические отношения, вероятно, к рассматриваемому времени уже имели прецедент, так как, по мнению С.П.Толстова, князь Святослав в 965 г громил Хазарский каганат не без помощи торков-огузов[25].

Сообщение русской летописи о походе торков на Волжскую Болгарию – это, собственно, последнее свидетельство о более или менее активных действиях огузов на границах Восточной Европы в X в и об их пребывании в Поволжье. В XI в вся военно-политическая деятельность огузских племен концентрируется на завоевании Малой Азии, о чем достаточно подробно повествуют два источника: мемуары газневидского чиновника Абу-ль-Фазля Бейхаки, занимавшего в 1030 – 1041 гг. заметный государственный пост при дворе султана Масуда, и «История огузов» («Огуз-наме»), изложенная Фазлаллахом Рашид ад-Дином (ум. в 1318 г) в его знаменитом «Сборнике летописей».

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что оба эти источника, повествующие, фактически, об одном и том же событии, хотя и дополняют друг друга, но весьма своеобразно. Так, Бейхаки, бывший очевидцем первого переселения (пока еще мирного) огузов-туркмен с берегов Амударьи в Северный Хорасан в 1025 – 1026 гг довольно подробно освещает основные этапы последующего завоевания туркменами этой территории с указанием дат взятия того или иного города и живоописанием различных военно-политических коллизий, сопровождавших этот процесс В целом, по данным Бейхаки и Ибн-аль-Асира (1160 – 1234 гг.), наверняка пользовавшегося мемуарами Бейхаки, вырисовывается следующая схема завоевания огузами-туркменами Хорасана и образования здесь огузо-туркменского (Сельджукского) государства. переселившиеся из-за Амударьи туркмены «занялись разбоем», за что были наказаны султаном Махмудом, т.е. изгнаны в юго-восточный Прикаспий, в Балханские горы и далее в Азербайджан. Однако, в 1035 г. они вновь появляются в хорасанских пределах и на сей раз попытка газневидов выдворить их военным путем закончилась полной неудачей. В результате последовавших за тем переговоров и мирного соглашения, туркмены получили в свое владение земли в юго-восточном Прикаспии: Дихистан, Несу и Фараву, что, впрочем, не остановило их натиск на газневидов, и весной 1037 г. туркмены захватывают Мерв (совр Мары

в Туркмении) и образовывают свое суверенное государство. Это был последний шаг на пути падения Хорасана под копыта туркменских коней. Летом 1038 г. пал Нишапур – столица Хорасана, а весной 1040 г. в битве при Денданекане (Ташрабат) войска последнего газневида Масуда потерпели сокрушительное поражение и «Хорасан перешел окончательно в руки сельджукских султанов, немедленно поведших дальнейшее наступление на запад»[26]. Такова общепринятая схема завоевания огузами-туркменами-сельджуками Малой Азии, прочно вошедшая в современное востоковедение[27].

Однако, в изложении «Огуз-наме» эта схема представляется иной. К сожалению, в истории огузов отсутствуют какие-либо хронологические данные, поэтому основным временным ориентиром в данном случае является последовательность походов Огуз-хана «для завоевания Вселенной». В корреляции с данными других источников картина получается достаточно четкая. В начале сообщается о походах огузов по Памиру и попытке их проникновения в Хорасан с востока («Во исполнение повеления Огуза его люди обратили в иль и захватили страну Гур и Гарчистан вплоть до пределов Газны, Забила и Кабила» в верховьях Мургаба и Балха)[28]. По времени это, очевидно, 40-е годы IX в., время первого появления огузов у границ исламского мира. «... После этого они все вместе переселились в области северных стран (подчеркнуто нами – Г.Г., В.И.) и направились в сторону «К.Р.Л. (?) и Башгурда»[29]. Судя по сообщению «Огуз-наме», путь туда лежал через верховья Сырдарьи («местность Ак-кая близ Алмалыка»). Несмотря на то, что жители «страны К.р.л. и Башгурд» были «весьма необузданными и коварными», они были покорены Огузом, «стали илем и обязались выплачивать дань»[30]. Из текста неясно, где находилась «страна К.р.л. и Башгурда», но сказано, что выйдя из этой страны, огузы оказались в безводной пустыне, пройдя которую «они добрались до местности Ак Урук Кара Кул, расположенной на р. Атил (Итиль)»[31]. Ясно, что р. Атил (Итиль) – Волга, куда, как известно, огузы пришли в конце IX – нач. X в. Где-то поблизости от Волги, к северу от мест обитания огузов («в темной стороне света»), находилась страна Кыл- Барак, жители которой (мужчины) «... темнокожие, некрасивые и похожи на собак» оказались непобедимы для огузов (якобы из-за того, что покрывали свое тело тремя слоями белого и черного клея, делавшими их неуязвимыми), и в первом же сражении рассеяли войско Огуз-хана. В конце концов они

также были покорены, но только благодаря подсказке кыл-баракских женщин, пленившихся красотой огузских воинов

После двадцатилетнего отдыха и восстановления своего разогнанного кыл-баракцами войска Огуз-хан «пошел на находившуюся поблизости Страну Мрака», которая, естественно, тоже была завоевана[32].

После этих «полу-сказочных» рассказов, из которых можно только предположить, что будучи в Поволжье, огузы предпринимали походы в какие-то северные области, дальнейшее повествование о завоеваниях Огуз-хана вновь приобретает должную конкретность: после покорения «... бескрайней пустынной страны, которая расположена между Кыш-Бараком и Утилем» (?), огузы перекочевали в сторону Хазарского Дербенда, который сдался после восьмимесячной осады. Наложив на дербендцев соответствующую дань (шихну), Огуз-хан «двинулся на Ширван и Шемаху»[33]. Взяв штурмом и разграбив Шемаху, огузы форсировали Куру и распространились по Аррану (междуречье Куры и Аракса) и Муганской степи. Арран стал огузским «илем» и местом зимовок («кышлау»), тогда как для летовок («яйляу») огузы захватили горные пастбища в Сабалане (окрестности Ардебиля), Алатаке и Агдибери (южнее оз Ван)[34]

Далее следует описание походов Огуз-хана против Грузии, Рума (Византии), «франков» (надо полагать – малоазиатских владений крестоносцев), о завоевании им Дамаска, Багдада и Исфахана[35].

Маршрут возвращения Огуз-хана на родину, т е. в области Уртак и Куртак, проходил через города Мазендерана, некоторые из которых «он взял силой оружия, некоторые приобрел, расположив добросердечием к себе жителей, а некоторые стали илем по своему желанию и просьбе»[36]. Круг замыкается покорением Джурджана и Хорасана : «Отсюда они (тюрки) проследовали в Хорасан и обратили в иль и подчинили жителей Исфараина и Себезвара Только жители Нишапура не склонили головы, стали сопротивляться и, решив сражаться, не вышли за городские стены.

Огуз зазимовал в этой стране, а когда пришла весна, он направился в Нишапур и Тус и взял эти города.

Проведя там весну, он зимой направился в сторону Абиварда, Сарахса и Мерва и подчинил себе эти вилайеты. Он полностью получил с них подати за три года вперед»[37].

Изложение дальнейших событий, последовавших за смертью Огуз-хана, в значительной степени повторяет содержание мемуаров Бехаки. Так, там также фигурируют огузские племена, обитавшие на берегах р Сейхун (Амударья), которые, будучи возмущенными безнравственным поведением Шах-Мелика – сына одного из многочисленных потомков Огуза – Али-хана, правившего в те времена «огузским илем», восстали, переправились через Амударью и соединились с племенами огузов, жившими в районе Мерва и Серахса Затем огузскне беки «отправили посланцев в Герат, Газну, Керман и другие вилайеты Хорасана и потребовали подати. Естественно, что народ не выполнил их требования»[38] Тогда огузы во главе с Тогрул-беком вторглись в Хорасан, разбили и казнили Шах-Мелика, от чего Али-хан заболел и умер с горя, а « султанат перешел к Тогрулу. Он отправил в соседние страны и края послов и создал государство на основе справедливости, правдивости и доброты. Он стал собирать подати со всех концов света». Вероятнее всего, в данном сюжете в эпической форме изложены события, связанные с первыми попытками захвата огузами Хорасана и образованием самостоятельного огузского-туркменского государства на его северных границах. Далее в «Огуз-наме» наблюдается хронологическая путаница так, сообщается, что «он (Тогрул) отправил своего старшего брата Дукака править Газной и тамошними землями. Младшего брата Арслан-шаха он назначил беком Рума и соседних с ним земель. Он (Арслан-шах) отправился в Рум и, сражаясь, захватил всю страну Рум Он ежегодно отправлял дань в Мерв своему брату, султану Тогрулу»[39].

Заканчивается же «Огуз-наме» рассказом о войне Сельджукидов («потомки и соплеменники Кынык Сечука и Чагры – бек Давуда») с газневидским султаном Масудом, которая представлена здесь, как междоусобица потомков Огуз-хана, поскольку, согласно огузской родословной, Масуд выступает как правнук Серенк-хана, являвшегося, в свою очередь, правнуком Тогурмыша из рода Кайы – одного из многочисленных внуков Огуза[40].

Но, по сообщениям армянских историков XI – XII вв. (Аристакэс Ластиверци и Маттеос Урхаеци), поход Тогурл-бека на Византию и Армению состоялся в 1048 г (« В тот год над нашей страной разверзлись врата небесного гнева Из Туркастана двинулось огромное войско, и кони их стремительны, как орлы, с копытами, подобными твердым камням Их луки натянуты, стрелы заострены, они туго опоясаны, и не разорвать ремней на их сапогах Они проникли в га-

вар Васпуракан и напали на христиан, подобно изголодавшимся волкам. Они дошли до гавара Басеан, до дастакерта, который зовется Валаршаван; мечом, огнем и взятием в полон разорили 24 гавара»)[41], а поход Алп-Арслана (Арслан-шаха) в эти же края состоялся и того позже, в 1064 г. (« . В 513 году армянского летоисчисления персидский царь султан Алп-Арслан, брат султана Тогрила, который после смерти брата взошел на царский престол, набрал войско из персов, тюрков из всего Хужастана до Сагастана (Восточный Иран и Афганистан – Г.Г., В И) и с великой яростью, подобно взбушевавшемуся морю или вышедшей из берегов реке, и как кровожадный зверь, во главе огромного войска дошел до Армении и вторгся в Агванк и предал население мечу, многих угнал в плен »)[42]

Война же туркменов-сельджуков с Масудом, как о том повествует Бейхаки, происходила за двадцать с лишним лет до описываемых событий.

Таким образом, эпическое сказание «Огуз-наме» едва ли может рассматриваться как подлинная хроника огузских завоеваний Тем более, что в нем, как считает Р.М.Шокурова, нашли отражение разновременные события, начиная с VII–VIII вв.н.э [43], и в частности тюркские набеги на Кавказ в VII–VIII вв н.э., подробно освещенные в «Истории Агван» Моисея Каганкатваци (X в)[44]. Однако, как определенная система координат, обозначающих пункты перемещения огузских племен по евразийским степям, рассматриваемое сочинение вполне может быть использовано, поскольку, например, сюжет о приходе Огуз-хана к Итилю и о переправе через Итиль присутствует, практически, во всех известных вариантах «Огуз-наме» «. После этого Огуз-каган свернул свой шатер, пошел дальше и увидел, что перед войском движется огромный сивогривый, сивовласый волк. Сзади, следуя за тем волком, двигались все Через несколько дней сивовласый, сивогривый, огромный волк остановился. Остановился с войсками и Огуз. Здесь простирались воды реки, называемой Итилем. У берега Итиля, около черной горы, началась битва. Сражались стрелами, копьями и мечами. Между войсками произошло много сражений. В сердцах людей стало много печали. Схватки, сражения были такими жестокими, что воды Итиль-реки стали красными-красными, подобно киновари. Огуз-каган победил » (уйгурский вариант, содержащий, по мнению А М Щербака, древнейшую версию сказания об Огузе)[45]

События 1070 – 71 гг (битва при Манцикерте), положившие начало окончательному покорению сельджуками Малой Азии, с позиции византийцев изложены в «Хронографии» Михаила Пселла (1018 – ?). Из содержания этого отрывка встает очень яркая картина резкого контраста между целенаправленными и хорошо продуманными действиями Алп-Арслана и очевидной полководческой беспомощностью византийского императора Романа IV Диогена, оказавшегося в конце концов, в плену у сельджуков[46].

Практически, одновременно с началом огузо-туркменского натиска на восточные владения Византии и Закавказье в русских летописях появляются свидетельства об огузах-торках у границ Киевской Руси. Правда, если в персидских, армянских и византийских хрониках огузы-туркмены Малой Азии предстают грозной, всесокрушающей силой, то торки Восточной Европы, с точки зрения русских летописцев, были еще одним, не очень существенным эпизодом в многотрудной истории взаимоотношений Руси с кочевой степью: «В лето 6563 (1055) .. В тое же лето иде Всеволод на Торкы зиме воиною и победи Торкы» Правда, через пять лет, очевидно, будучи обеспокоенными скоплением и активизацией торков у границ Руси, в 1060 г. князья Изяслав, Святослав, Всеволод и Всеслав «... совокупившие воя бещислены и поидоша на коних и в лодьях бещисленное множьство на Торкы, и се слышавше Торци, убоявшеся, пробегоша и сего дни и помраша, бегающе, Божиим гневом гоними. Овии от зимы, друзии же гладом, инии же мором, судом Божиим. И так Бог избави крестьяны от поганных»[47].

Последнее же сообщение о торках на страницах русских летописей датируется 1080 г . «В лето 6588. Заратиша Торци Переяславлестии на Русь. Всеволод же посла на не сына своего Володимера Володимер же шед побил Тороки»[48].

Параллельно с огузами, средневековые письменные источники излагают сведения о печенегах, правда, в отличие от первых, более «сухие» и сжатые. Из сочинения Ибн-Фадлана, русских летописей (о чем уже упоминалось выше) и Масуди следует, что в начале X в. печенежские кочевья в евразийских степях располагались как к востоку, так и к западу от Волги. Так, Ибн-Фадлан, двигаясь от огузских кочевий на север, переправившись через реки Джам (Эмба), Джахыж (Сагыз), Узил (Уил), Эрден и Варыш (Кандагайты и Оленти), Анхаты и Вабна (Большая и Малая Анкаты, впадающие в озеро Шалкар), прибыл к печенегам: « И вот они остановились у воды,

События 1070 – 71 гг. (битва при Манцикерте), положившие начало окончательному покорению сельджуками Малой Азии, с позиции византийцев изложены в «Хронографии» Михаила Пселла (1018 – ?). Из содержания этого отрывка встает очень яркая картина резкого контраста между целенаправленными и хорошо продуманными действиями Алп-Арслана и очевидной полководческой беспомощностью византийского императора Романа IV Диогена, оказавшегося в конце концов, в плену у сельджуков[46].

Практически, одновременно с началом огузо-туркменского натиска на восточные владения Византии и Закавказье в русских летописях появляются свидетельства об огузах-торках у границ Киевской Руси. Правда, если в персидских, армянских и византийских хрониках огузы-туркмены Малой Азии предстают грозной, всесокрушающей силой, то торки Восточной Европы, с точки зрения русских летописцев, были еще одним, не очень существенным эпизодом в многотрудной истории взаимоотношений Руси с кочевой степью. «В лето 6563 (1055) ... В тое же лето иде Всеволод на Торкы зиме воиною и победи Торкы» Правда, через пять лет, очевидно, будучи обеспокоенными скоплением и активизацией торков у границ Руси, в 1060 г. князья Изяслав, Святослав, Всеволод и Всеслав «... совокупившие воя бещислены и поидоша на коних и в лодьях бещисленное множьство на Торкы, и се слышавше Торци, убоявшеся, пробегоша и сего дни и помраша, бегающе, Божиим гневом гоними. Овии от зимы, друзии же гладом, инии же мором, судом Божиим. И так Бог избави крестьяны от поганных»[47].

Последнее же сообщение о торках на страницах русских летописей датируется 1080 г.. «В лето 6588. Заратиша Торци Переяславлестии на Русь Всеволод же посла на не сына своего Володимера. Володимер же шед побил Тороки»[48].

Параллельно с огузами, средневековые письменные источники излагают сведения о печенегах, правда, в отличие от первых, более «сухие» и сжатые. Из сочинения Ибн-Фадлана, русских летописей (о чем уже упоминалось выше) и Масуди следует, что в начале X в. печенежские кочевья в евразийских степях располагались как к востоку, так и к западу от Волги. Так, Ибн-Фадлан, двигаясь от огузских кочевий на север, переправившись через реки Джам (Эмба), Джахыж (Сагыз), Узил (Уил), Эрден и Варыш (Кандагайты и Оленти), Анхаты и Вабна (Большая и Малая Анкаты, впадающие в озеро Шалкар), прибыл к печенегам «. И вот они остановились у воды,

похожей на море, не текущей, и вот они темные брюнеты с совершенно бритыми бородами, бедны в противоположность гуззам»[49].

Одновременно Аль-Масуди фиксирует печенегов в Причерноморье и у границ Византии, объясняя и причину их миграции с востока: « . Должно быть, по мнению тех астрономов, которые составили астрономические таблицы, и других древних мудрецов, что море Бургара, Руса, Баджны, Баджнака (печенеги) и Баджгурда – они же суть три рода из Турка – есть то же, что море Нейтас (Черное)», «... Они завоевали многочисленные из пяти «бунуд» (обозначение византийских провинций). После 932 г. они раскинули свои шатры здесь и перекрыли путь из аль-Кустантиния в Румийю . . В книге «Фумун аль-Маариф ва маджра фи ад-Духур ас-Савалиф» («Сорта знания и что случилось в прошлом») мы отмечали причину появления этих четырех тюркских племен с востока, это – войны и постоянные стычки между ними и огузами, карлуками и кимаками вокруг моря Джурджан»[50].

Этим же обстоятельством (т.е. войной с огузами) объясняет причину переселения печенегов к западу от Волги и Константин Багрянородный (умер в 959г.). «Должно знать, что Печенеги первоначально имели место жительства на реке Атиле, а также на реке Гейхе (Волга и Урал), имея соседями Хазаров и так называемых Узов. Пятьдесят лет тому назад Узы, войдя в соглашение с Хазарами и вступив в войну с Печенегами, одержали верх, изгнали из их собственной страны, и ее заняли так называемых Узы. Печенеги же, бежав оттуда, стали бродить по разным странам, нащупывая себе место для поселения. Прийдя в страну, ныне ими занимаемую, и найдя, что в ней живут турки (в данном случае под «турками» К.Багрянородный подразумевает мадьяр – Г Г., В.И.), они победили их в войне, вытеснили, поселились сами в этой стране и владеют ею, как сказано, до сего дня в течение 55 лет»[51]

Вообще сочинение Константина Багрянородного является наиболее емким источником по истории европейских печенегов первой половины X в. Из него, в частности, мы узнаем о значительной роли печенегов в восточно-европейской политике X в , что выражалось, например, в необходимости поддерживать союзнические отношения с печенегами, с тем, чтобы через это пресекать попытки русов, болгар и «турков» нападать на Византию[52].

Константин Багрянородный приводит довольно точные координаты расселения печенегов в степях восточной Европы, от низовьев

Дуная («... печенеги близки к булгарам») и северных пределов «турков» (мадьяр), живших в то время в бассейнах рек Тимиссий, Тутис, Морисий, Крис и Тица (соответственно, Темеш, Бегу, Марош, Кёрёш и Тисса в восточной Венгрии) до хазарской крепости Саркела, по берегам рек Варух (Днепр), Куву (Буг), Трулл (Днепр), Врут (Прут) и Серет[53]. Причем, на этой территории печенеги жили восемью «округами», четыре из которых располагались по правобережью Днепра (Гиазихопон, Гила, Харовои и Явдиертим), а остальные – по левобережью (Кварципур, Сирукалпеи, Вороталмат и Вулацоспон): «Должно знать, что четыре колена Печенегов, именно округа Кварципур, Сирукалпеи, Вороталмат и Вулацоспон, лежат за рекою Днепром, будучи обращены к восточной и северной сторонам – к Узии, Хазарии, Алании, Херсону и прочим климатам, а другие четыре рода расположены по сю сторону реки Днепра, к западной и северной сторонам, именно, округ Гиазихопон соседит с Булгарией, округ нижней Гилы соседит с Туркией, округ Харовои соседит с Русью, а округ Явдиертим соседит с подвластными Русской земле областями, именно с Ултинами, Деревленинами, Лензенинами и прочими Славянами Печенегия отстоит от Узии и Хазарии на пять дней пути, от Алании на шесть дней, от Мордии на десять дней пути, от Руси на один день, от Туркии на четыре дня и от Булгарии на полдня пути. Она очень близка к Херсону, но ещё ближе к Воспору»[54]. (Рис. 32-А).

Интересно приводимое в рассматриваемой книге подтверждение аутентичности этнонима «печенег – кангар», как бы перекликающееся со сведениями восточных письменных источников: «... Между тем Печенеги, раньше называвшиеся Кангар (ибо это наименование применялось у них в отношении к благородству и доблести), двинувшиеся войною на Хазар и разбитые ими, принуждены были покинуть свою землю и заселить землю Турков. В Войне, возникшей между Турками и Печенегами, тогда называвшимися Кангар (тогда – это, по тексту Константина Багрянородного, в конце IX в.) войско Турков было разбито ...»[55]. Причем, чуть выше автор подчеркивает, что «... Печенеги именуются Кангар, но не все, а только народ трех округов. Явдиирти, Кварцицура и Хавуксингила, как храбрейшие и благороднейшие из других, ибо это обозначает прозвание «Кангар»[56]. Следует полагать, что к таким «храбрейшим и благороднейшим» племенам принадлежали племена, живущие в центральной части европейской Печенегии, т.е. по берегам Днепра (округ Явдиертим соседит с областями, подвластными русам).

Сообщает Константин Багрянородный и о той группе печенегов, которая осталась жить на востоке, за Итилем, по соседству с огузами и под их властью: «... Должно знать, что в то время, когда Печенеги были изгнаны из своей земли, некоторые из них по собственному желанию и решению остались там, поселились вместе с Узами и доселе остаются из них, имея следующие признаки для того, чтобы отличаться от них и показывать, кто они такие и как им довелось оторваться от своих; верхние одежды укорочены до колен и рукава обрезаны, начиная от предплечий; этим они показывают, что они отрезаны от своих сородичей и соплеменников»[57].

Сведения о двух группах печенегов («тюркских» и «хазарских») содержатся в книге «Худут ал-Алам», написанные на основе более ранних сочинений Балхи, Истахри, Ибн-Хордадбеха, Джайхани и Ибн-Хаукаля (В.В.Бартольд, И.Ю.Крачковский)[58]. То, что в данном случае речь идет именно о двух группах печенегов, следует из приводимых автором координат их расселения «тюркские печенеги» – «Восточнее этой страны – границы гузов; южнее их – буртасы и барадасы; западнее их – маджары и русы; севернее их – река Рута. Эта страна сходна с кимаками и воюет со всеми своими соседями. У печенегов нет городов; их вождь – один из них.»; «печенеги хазарские – Восточнее их – гора хазар; южнее их – аланы, западнее – море Гурз; севернее – мирваты. Этот народ составлял группу тюркских печенегов, они пришли сюда, завоевали эту страну и поселились здесь. (Подчеркнуто нами – Г.Г., В.И.). Они имеют шатры, юрты, скот и овец Они кочуют по лугам, расположенным в Хазарских горах. Хазарские рабы, поступающие в страны Ислама, большей частью происходят оттуда»[59].

Описание территории, вероятнее всего, «тюркских печенегов» приводит в своей книге «Зайн ал-ахбар» («Украшение известий») персидский историк XI в. Гардизи (1050 – 1052 гг.), глава которой о тюрках составлена на основании данных Ибн-Хордадбеха, ал-Джайхани, Ибн-Русте[60]. «Что касается печенегов, то дорога к ним идет от Гурганджа к Хорезмийской горе и дальше в страну печенегов. Дойдя до Хорезмийского озера, оставляют его по правую сторону и идут дальше. Приходят в безводную землю и степь, по которой идут 9 дней; каждый день или каждые два дня приходят к колодцу, опускаются туда на веревке и достают воду для лошадей. На десятый день достигают источников, где есть вода и всякого рода дичь, из птиц и антилоп; травы немного По этой местности идут 16 дней; на 17-й

день приходят к шатрам печенегов Владения печенегов простираются на 30 дней пути. С каждой стороны к ним примыкает какой-нибудь народ, с востока – кипчаки, с юго-запада – хазары, с запада – славяне . Эти печенеги владеют стадами, у них много лошадей и баранов, также много золотых и серебряных сосудов, много оружия. Они носят серебряные поясы»[61]

Последнее сообщение обращает на себя внимание тем, что оно противоречит сведениям других средневековых авторов о бедности печенегов и об их зависимости от огузов (Ибн-Фадлан, Константин Багрянородный). И оно, это известие, перекликается с аналогичным сообщением Абу-Дулафа о воинственности и независимости печенегов («беджнаков»): « .. пришли мы в землю народа, называемого Беджнак. Этот народ имеет длинные бороды, а также бородки над губами (т.е.усы). Они завистливы и часто ведут войны между собою (здесь и ниже подчеркнуто нами – Г.Г., В.И.). Пнтаются только просом С женщинами сообщаются публично. По их земле мы проходили 12 дней. Они нас известили, что их земля простирается к северу до владений Славян (ассакалиба) и что дани никому не платят»[62].

Аналогичные сведения о территории и образе жизни печенегов и огузов содержатся в книге ал-Марвази – врача при дворе сельджукских султанов – «Таба и ал - хайаван» («Природа животных»), написанной в первой четверти XII в., опять-таки на основании более ранних данных Джайхани[63] «Печенеги – народ странствующий, который переселяется в те места, где выпадает дождь и где есть пастбища. Земли печенегов как в длину так и в ширину на 30 дней пути. Со всех сторон они окружены многочисленными народами. Севернее их находится страна кипчаков, на юго-западе – страна хазар, на востоке – страна огузов, а на западе – страна славян. Эти народы нападают на печенегов, а печенеги нападают на них. Печенеги богатые, у них есть верховые животные, овцы, пожитки, золото, серебро, оружие, знамена и значки»[64].

Относительно огузов, ал-Марвази не только сообщает сведения, о территории их расселения, взятые им у Джайхана (« Одни из них живут в городах, другие живут в степях и пустынях, владея палатками и юртами. Их степи граничат со страной Мавераннахра, а часть их примыкает к землям Хорезма»), но и дополняет их новыми данными, относящимися уже к XI в (« . Когда они стали соседями мусульманских стран, часть из них приняла ислам Они стали называться туркменами») и, в частности, объясняет причину переселе-

ния огузов в Восточную Европу («.. Тогда куны переселились на зем-
лю шаров, а шары ушли в землю туркменов. Туркмены перемести-
лись на восточные земли гузов, а гузы переместились в землю пече-
негов, поблизости от берега Черного моря»)[65].

Область печенегов («баджинак») обозначена также на карте мира,
оставленной Махмудом Кашгарским в 1074 г. (самой старой карте),
где она помещена к северо-западу от Дербенда (что, в целом, соот-
ветствует тогдашним историческим реалиям) и к западу от областей
«сакалиба» и «рус»[66].

Сочинения ал-Марвази и М.Кашгарского – это, пожалуй, самые
поздние упоминания о печенегах в трудах восточных авторов эпохи
редневековья, что, впрочем, вполне понятно, поскольку ко времени
оставления указанных работ печенеги в основной массе переселили-
лись в степи Восточной Европы, где становятся объектом внимания
русских и византийских хронистов.

На протяжении столетия, с 920 по 1034 гг. Русские летописи 13
раз фиксируют участие печенегов в политических событиях Киевс-
кой Руси, причем, только единожды (944 г.) – как союзников киевс-
кого князя: «В лето 6452. Игорь совокупи воя многы: Варягы и Русь,
и Поляны, и Словены, и Кривичи, и Тиверцы, и Печенегы ная, и тали
в них поем, поиде на Грекы в лодьях и на конех .. », но и то, откуп у
византийцев Игорь брал отдельно: «... и повеле Печенегом воевати
Болгарьскую землю, а сам взем у Грек *злато* и паволохы на вся воя,
възвратится вспять и приде к Киеву въ свояси»[67].

Все остальные летописные рассказы – это, по сути, своеобраз-
ный реестр печенежских набегов на Киев (968, 988, 993, 1015,
034 гг.), Василев и Белгород (996, 997 гг.) и свидетельства участия
печенегов в междоусобицах киевских князей, ставшее наиболее ак-
тивным в начале XI в. (980, 1016, 1019 гг.).

Осада печенегами Киева в 1034 г., закончившаяся их полным
разгромом дружиной князя Ярослава (Мудрого) («... и бе сеча зла и
ледва одолев к вечеру Ярослав, и побегоша Печенезе раздно, и не ве-
дахуся камо бежаче, и овии бегающе топяху вы Ситолми, инеи же во
инех реках, и тако погибоша. А прок их погребоша и до сего дни.»)[68] –
это было последнее зафиксированное летописью крупное столкно-
вение Руси с печенегами.

Следующее двадцатилетие, до 1055 г. когда «... приходи Блушь
Половцы и створи Всеволод мир с ними ..»[69] – время, когда ко-
чевники южнорусских степей на страницах летописей не фигури-

руют. Связано это было с тем, что, теснимые огузами-торками, печенеги уходят от границ Киевской Руси на запад, где предпринимают несколько попыток прорваться через дунайские границы Византии. Первая такая попытка была сделана ими зимой 1046 – 1047 гг., когда печенеги, предводительствуемые Тирахом, перешли по льду Дунай. Об этом событии вспоминает на страницах своей «Хронографии» Михаил Пселл, называя печенегов «мисами», а теснивших их огузов-торков – «гетами»: «Почтив память усопшего назначением достойного мужа, царь (Константин IX Монамах) сначала утихомирил восточных варваров (это дело не доставило ему больших хлопот), а потом со всем войском выступил против западных, которые в старые времена звались мисами, а нынешнее наименование получили позже. Они обитали в землях, которые от Ромейской державы отделяются Истром, но неожиданно снялись со своих мест и перешли на наш берег. Причиной же для этого был народ гетов, которые с ним граничили, разоряли и грабили их страну и вынудили к переселению. Поэтому они, как по суше, перешли по замерзшему Истру на наш берег, всем народом навалились на наши границы и с тех пор не могли заставить себя жить в мире и оставить в покое соседей»[70]

Далее Пселл подробно описывает вооружение и тактику печенегов, характеризуя их войско, как легкую конницу, стремительно нападающую на неприятеля и, в случае неудачи, также стремительно отступающую «Хотя мисы телом не сильны и духом не отважны, сражаться и воевать с ними трудней, чем с каким-либо другим народом Они не носят панцирей, не одевают поножей, не защищают головы шлемом, в руках не держат щита . и не вооружены даже мечами, имеют при себе только копья, и это единственное их оружие Они не разделяют войско на отряды, в сражениях не следуют никакой военной науке, не признают ни фронта, ни левого, ни правого флангов, не разбивают лагерей, не окружают их рвами, а, сбившись в кучу, сильные своим презрением к смерти, с громким боевым кличем бросаются на неприятеля. Если враг отступает, они обрушиваются на него, как башни, преследуют и безжалостно истребляют, но если неприятельский строй выдерживают напор и не рассыпается под варварским натиском, сразу же поворачивают назад и спасаются бегством»[71]

В изложении Михаила Пселла именно таким образом печенеги в 1059 г. избежали решительного сражения с войсками императора

Исаака I Комнина. И хотя император чувствовал себя победителем, но угроза повторного нападения печенегов на придунайские провинции Византии окончательно снята не была. Более того, в 1085 – 1086 гг., разразилась самая настоящая печенежско-византийская война, подробности которой изложены в сочинении Анны Комниной, дочери императора Алексея I Комнина. Война эта, судя по сообщению названного автора, шла для печенегов с переменным успехом. Вступив в соглашение с Татом (Татосом) – «вождем дунайских поселенцев» – владевшим Доростолом (Силистрия), печенеги беспрепятственно форсировали Дунай и заняли несколько придунайских местечек, где и зазимовали. Весной 1086 г. объединенное печенежско-мадьярское войско под командованием печенежского вождя Челгуя в количестве 80 тыс. человек вторглось в глубь Византийских провинций, но было отбито подоспевшими византийскими войсками, предводительствуемыми самим императором Алексеем I Комниным[72]. Но и сами византийцы, преследуя отступивших к Дунаю печенегов, потерпели поражение у стен Доростола и отошли к Провадию (между современными городами Варна и Шумен). Печенеги взяли много пленных и богатую добычу, которая и явилась причиной раздора между ними и Татом, прибывшем в окрестности Доростола в сопровождении нанятых им половцев (команов) Тат потребовал свою долю добычи, но получил отказ. Следствием этого конфликта явилось изгнание печенегов в Валахию. Обеспокоенный появлением у границ Византии новой силы – половцев-команов, император заключает с печенегами союз, который, правда, продержался недолго, поскольку оправившиеся от нанесенного им поражения печенеги вновь занялись грабежом западных византийских провинций « Скофы, которых было бесчисленное множество, рассыпавшись по западу, все грабили, и ничто, встречавшееся с ними, не останавливало неудержимой их дерзости. Иногда они брали и небольшие города, не щадили даже близких к столице местечек и простирались до самого потока, называемого Вафис»[73] (р.Марица на юге Болгарии). Здесь в окрестностях г.Хирина, 29 апреля 1091 г. Алексей I Комнин с помощью подоспевших отрядов половецких ханов Тогортака и Маниака нанес окончательное поражение печенегам, остатки которых были рассеяны по Балканам[74].

Последние упоминания об огузах-торках и печенегах в русских летописях относятся к первой половине XII в , когда оба эти народа уже пребывали в вассальной зависимости от Киева (под 1093 г , на-

пример, летопись упоминает «Торческий град» на р.Рось), а на южных границах Руси в полном разгаре шла борьба с новым врагом – половцами. Под 1116 г. летопись четко фиксирует факт прихода печенегов и торков «под руку» киевского князя « ... в се же лето бишася с Половцы и с Торки и с Печенегы оу Дона и секошася два дни и две нощи И придоша в Русь ко Владимеру Торци и Печенези»[75]. Правда, через пять лет, в 1121 г., в силу каких-то неясных причин, «прогна Володимер Береньдичи (по В.В.Бартольду – огузское племя баюндур) из Руси, а Торци и Печенези сами бежаша... »[76].

Однако, начиная с 40-х годов XII в., на протяжении 30 лет торки, берендеи и печенеги, как три отдельных племени фигурируют на страницах русских летописей в качестве постоянных союзников киевских князей в их внутренних усобицах и в борьбе с половцами.

1142 г. – «... и посла Всеволод оу Переяславля Лазоря Саковского с Печенегы и с вои Вячеславо в помочь»[77].

1151 г. – «... Вячеслав же, Изяслав и Ростислав, послушавше дроужины своея и Киян и Черных Клобуков и тако отрядиша Володимера, брата свое по веже с Торкы и с Кооуи, и с Берендеи, и с Печенегы, а сами поидоша к Треполю...»[78].

1161 г – «Том же лете посла Ростислав к Святославу, река ему пусти ко мне детя Олга, ать поз Кияны лепшия и Берендиче, и Торкы .. В тот же день приде к нему Ярослав, сыновец его, с братом Ярополком, а Андрееви еха к Торческому и к Берендеем, и к Торком ...»[79].

1162 г. – «В лето 6670. Приде Мстислав и Володимиря полком своим с Гальчискою помочью, а Рюрик поиде ис Торцьского с Володимером с Андреевичем и с Василком с Гюргевичем, и с Берендеи, и с Куи, и с Торкы, и с Печенегы ...»[80].

1169 г. – «... и снимася Мьстислав с Ляхы, с Ярославом Галичьским, и поиде Мьстислав Киеву на стол, и Галичьских полков пять да ему Ярослав. И Мьстислав Всеволодвкович с ним же, и приде к Микулину, и ту придоша ему Берендичи вси и Торци, и Печенези, и весь Черный Клобук, и водив е роте, и пусти брата своего пред собою с Берендичи, а сам поиде по нем ...»[81].

1173 г. – «...Тое же зимы придоша Половци на Кыевскую страну и вземша множьство сел за Кыевом с люми и скоты, и с коньми, и поидоша со множеством полона в Половьце... Михалько же и Всеволод послушлива сыи идоста вборзе по Половьцех и зьгониша я за рекою Богом с Береньдеи и с Торкы, с воеводою своим Володиславом наехаша дорогу их и поехаша по дорозе по них и устретоша я с

полоном и бишася с ними ...»[82]. Это – последние летописные упоминания о печенегах, торках и берендеях, как об отдельных племенах Далее они окончательно вытесняются собирательным и ничего в плане этнической принадлежности не говорящим «этнонимом» – черные клобуки

Таким образом, собранные свидетельства средневековых письменных источников об огузах и печенегах дают возможность составить объективное представление об информационном потенциале этого корпуса данных. А поскольку именно на их основе построены все известные на сегодняшний день реконструкции этнической и этнополитической истории рассматриваемых племен, далее мы попытаемся показать, насколько эти реконструкции адекватны объему содержащейся в письменных источниках информации и как осуществлялся процесс их осмысления и критической оценки.

---

1. *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т.2. М., Л., 1950. С. 150–151 , 260–261.

2. *Он же.* Собрание сведений . Т.1. М.; Л., 1950. С. 287 ; Т.2. С.269.

3. *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности. М., Л., 1951. С.38.

4. Там же. С.42.

5. Там же. С.66.

6. *Он же.* Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л., 1959. С.22.

7. Там же. С.12.

8. *Калинина Т.М.* Сведения ранних ученных Арабского халифата. М.,1988. С.12.

9. Там же. С.48, 97.

10. *Материалы* по истории туркмен и Туркмении. Т.1. М.; Л., 1939 С.149–150; Ибн-Хордадбех. Книга путей и стран / Пер. и комм. Н.Велихановой. Баку, 1986. С.

11. *Golden P.* The migrations of the oguz // Archivum Ottomanicum IV. 1972. P.55.

12. *Хвольсон Д.А.* Известия о хазарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и русских Ибн-Даста, арабского писателя начала X века // ЖМНП, 1868. Ч.140. СПб. С.665–666, 669–670.

13. ПСРЛ. Т.2. Ипатьевская летопись. М., 1962 С 31

14 *Путешествие* Ибн-Фадлана на Волгу / Под ред. И.Ю.Крачковского М ; Л , 1939 С 60–65.

15. *Караев О* Арабские и персидские источники IX–XII веков о киргизах и Киргизии Фрунзе, 1968. С.36; *Материалы* по истории туркмен ... Т.1 С.167.

16 *Пантусов Н.Н.* Сведения арабских географов с Средней Азии // Известия общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Т.XXV, Вып. 5. Казань, 1909. С 152.

17 *Крачковский И.Ю.* Избранные соч. Т. IV. М.; Л., 1957 С.186–188

18. *Пантусов Н.Н.* Сведения арабских географов ... С 130.

19. *Материалы* по истории туркмен ... Т.1. С.166.

20. *Гаркави А.Я.* Сказания мусульманских писателей о славянах и руссах. Спб , 1870. С.131.

21. *Бартольд В.В.* Худуд ал-Алем. Рукопись Туманского. Л., 1930. С.5–6 ; *Новосельцев А.П.* «Худуд ал-Алам» как источник о странах и народах Восточной Европы // История СССР. 1986. № 5. С.92.

22. *Minorsky V.* Hudud al-Alam The regions of the World. L , 1937. P 100–101.

23. ПСРЛ. Т.2. Ипатьевская летопись ... С.71.

24 *Бартольд В.В.* Тюрки // Соч. Т.5. М., 1968. С.589.

25. *Толстов С.П.* По следам древнехорезмийской цивилизации. М., Л. 1948. С.252.

26. *Заходер Б.Н.* Хорасан и образование государства сельджуков // ВИ. 1945. № 5–6. С.137-141 ; *Якубовский А.* Сельджукское движение и туркмены в XI веке // Изв. АН СССР. Отделение общественных наук. 1937. № 4. С.942–943

27. *Гордлевский В* Государство сельджукидов Малой Азии М.; Л , 1941; *Еремеев Д.Е.* Этногенез турок. М., 1971. С.74–75; *Гуссейнов Р.А.* К истории тюрок XI–XII вв. // Тр. Института истории. Т 12. Баку, 1957 С.101–103.

28 *Фазлах* Рашид ад-Дин. Огуз-наме / Пер. и комм Р М Шокюровой. Баку, 1987. С.31.

29. Там же. С.31.

30 Там же. С.32

31 Там же. С 32–33.

32 Там же С.34–37

33 Там же С.38–39

34 Там же. С.39–41.
35. Там же С 43–57.
36. Там же. С.59.
37. Там же. С.59.
38. Там же С.92
39. Там же. С.93–94.
40. Всю эту родословную можно восстановить по огузской генеалогии в «Огуз-наме»(с.10–13) и по: *Кононов А.Н.* Родословная туркмен. М., Л., 1958. С
41. *Тер-Мкртчян Л.Х.* Армянские источники о Средней Азии VШ–XVШ вв. М., 1985, С.19.
42. Там же. С.62.
43. *Фазлах* Рашид ад-Дин. Огуз-наме... С.14.
44. *Каганкатваци М.* История Агван. Спб.,1861. С.109–110,119.
45. *Щербак А.М.* Огуз-наме. Мухаббат-наме. Памятники древнеуйгурской и староузбекской письменности. М.,1959. С. 38–40.
46. *Михаил Пселл.* Хронография. Перевод, статья и примечания Я.Н. Любарского. М., 1978. С.180–182.
47. ПСРЛ. Т.2. ... С.151–152.
48. Там же. С.196.
49. *Путешествие* Ибн-Фадлана на Волгу ... С.65.
50. *Гаркави А.Я.* Сказания мусульманских писателей .. С.127 ;
51. *Константин Багрянородный.* Об управлении государством // ИГАИМК. Вып. 91. М., Л., 1934. С.15.
52. Там же. С.6.
53. Там же. С.18–20.
54. Там же. С.16.
55. Там же. С.17.
56. Там же. С.17.
57. Там же. С.16.
58. *Бартольд В.В.* Худуд ал-Алем. Рукопись Туманского . . С.15–16 ; *Крачковский И.Ю.* Избр. Соч. Т.IV... С.226.
59. *Minorsky V.* Hudud al-Alam...
60. *Крачковский И.Ю.* Указ соч. С.262.
61. *Бартольд В.В.* Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью 1893-1894 гг. СПб , 1897 С.119–120.
62. *Пантусов Н.Н.* Сведения арабских географов .. С 125–126.
63. *Храковский В.* Шараф ал-Заман Тахир Марвази // Тр. сектора востоковедения АН Каз.ССР. Т 1. Алма-Ата, 1959 С 209.

64. Там же. С.214.
65. Там же. С.211–212.
66 *Крачковский И.Ю.* Указ соч. С 269. рис 36.
67 ПСРЛ. Т.2 . . С.34–35
68 Там же С.139.
69. Там же. С 151.
70. *Михаил Пселл.* Хронография . . С.160.
71. Там же. С.161.
72. *Анна Комнина.* Сокращенное сказание о делах царя Алексея Комнина. СПб., 1859. С.310–315.
73. Там же. С.372.
74. Там же. С 388.
75. ПСРЛ. Т 2. С.284.
76. Там же. С. 286.
77. Там же. С.311.
78. Там же. С. 427.
79. Там же. С.512.
80. Там же. С.517.
81. Там же. С.533.
82. Там же С.562.

Глава 2

ИСТОРИОГРАФИЯ РАССЕЛЕНИЯ ОГУЗОВ И ПЕЧЕНЕГОВ

Поскольку настоящая работа является исследованием сугубо хеологическим, соответственно определяется и круг задач, подле-щих решению, на основе имеющегося материала – объекта иссле-вания. Среди этих задач одной из первостепенных в настоящее емя нам представляется реконструкция основных этапов и дина-ки расселения огузов и печенегов по просторам Великого пояса разийских степей. Решение этой задачи, в свою очередь, открыва-широкие возможности для воссоздания этнической карты степ-й Евразии в более объективном и независимом от письменных ис-чников, (зачастую субъективных или компилятивных) виде. Если есть, что сама по себе эта задача представляется достаточно ем-й, а в освещении истории средневековых кочевников авторы от-дь не считают себя пионерами, то возникает естественная необ-димость изложить взгляды предшественников именно на пробле-расселения огузов и печенегов, на историю завоевания ими евра-йских степей Тем более, что по некоторым важным вопросам, та-у, как например, политическая история печенегов, торков и по-вцев, уже имеется специальное историографическое исследование[1].

Характеризуя состояние «позднекочевнической» историографии, А.Плетнева 30 лет тому назад писала «Несмотря на большую роль, торую играли печенеги, торки и половцы в жизни Русского госу-рства, в русской историографии им принадлежит очень скромное сто»[2]. Изучая литературу в процессе подготовки настоящей рабо-, мы убедились, что данное высказывание исследователя, приме-тельно, во всяком случае, к огузам и печенегам, сохраняет свою тивность и по сей день. Объясняется это, на наш взгляд, недоста-чным уровнем обобщения материалов по археологии и истории едневековых кочевников, накопленных за последние полтора – два сятилетия в различных районах степей Евразии (восточных преж-

де всего). Что касается традиционного набора сведений об огузах и печенегах, содержащихся в средневековых письменных, византийских и арабо-персидских источниках, то, «кочуя» из исследования в исследование, он способствовал созданию довольно устойчивой схемы расселения и перемещения этих племен по Великому поясу евразийских степей, истории формирования которой и посвящается данная глава.

Впервые вопрос о локализации огузов и печенегов в евразийских степях был затронут В Н.Татищевым в первом томе его «Истории Российской». Опираясь на сведения, почерпнутые у Константина Багрянородного, первый отечественный историограф помещал огузов («узов» или «усов») « . выше Алании. . в середине между Доном и Волгою», а древнюю область печенегов – между Волгой и Яиком (Уралом)[3]. Не обошел В Н.Татищев вниманием и вопрос об этнической принадлежности печенегов (пацинацитов), которые, по его мнению, « .. по обстоятельствам были сарматы и близ русских стран по Дону и Донцу, а некогда по Днепру и за Днепр обитали. Они многия нападения в Русь чинили, но последи в половцы переменились, ибо как оные в тех же местах явились, тогда имя печенег у русских историков угасло. Историк наш хотя от половцев особым родом имянует, но сие ошибка»[4]

Конечно, к приведенному высказыванию автора «Истории Российской», с одной стороны, привычнее относиться, как к «чистой» историографии, но с другой обращает на себя внимание отождествление В Н Татищевым печенегов с сарматами «по обстоятельствам». Что здесь имел в виду автор: только ли кочевой образ жизни этих двух народов или, опираясь на какие-то, только ему известные источники, подразумевал этногенетическую связь печенегов с индоиранским миром? Последнее представляет особый интерес, поскольку подобные предположения высказывались исследователями уже в наше время на основании более широкого круга данных лингвистических и антропологических.

Довольно пространный сюжет о печенегах и огузах, также построенный, преимущественно на разборе сочинения Константина Багрянородного, содержится в «Истории государства Российского» Н М.Карамзина. Прежде всего автор более или менее определенно обозначает исходную территорию этих племен: «Восточная сторона нынешней Российской монархии, где текут реки Иртыш, Тобол, Урал, Волга ..» Затем вполне определенно указывает на тюркскую этни-

ческую принадлежность огузов (узов) и печенегов «единоплеменники Туркоманов». И наконец, опираясь на сведения Константина Багрянородного, объясняет причину продвижения печенегов на западную оконечность евразийских степей. « ... первые (узы – Г Г , В И.), обитая между Волгою и Доном в соседстве с Печенегами, вытеснили их из степей Саратовских: изгнанники устремились к Западу»[5] Границы печенежских кочевий на западе евразийских степей Н М.Карамзин очерчивал следующим образом: «... начали господствовать от реки Дона до самой Алуты*, составив 8 разных областей, из коих 4 были на восток от Днепра, между Россиянами и Козарами, а другие на западной стороне его, в Молдавии, Трансильвании, на Буге и близ Галиции, в соседстве с народами славянскими, подвластными Киевским Государям»[6].

В отличие от своих предшественников, П.Ф.Сум, посвятивший печенегам специальную книгу, в которой в основном рассматривал социально-политическую историю этих племен, границы западных областей расселения печенегов реконструировал весьма подробно[7]. Свои выводы автор строил преимущественно по данным европейских хроник X–XII вв , поэтому он практически ничего не говорит о печенегах на востоке евразийских степей, а об огузах вообще не упоминает, но зато подробно освещает историю проникновения печенегов в Центральную Европу, очерчивает территорию их расселения здесь и освещает характер их взаимоотношений с соседями.

Опираясь опять-таки на сведения Константина Багрянородного, П.Ф.Сум делит печенегов (пацинаков) на западных и восточных Границы территории западных печенегов автор проводит от устья Дуная до р.Олт (Алута), затем по течению этой реки до восточной Трансильвании, далее по восточным предгорьям Карпат до р Сан на юге современной Польши, и, наконец, через восточную Галицию до Киева, « ... от которого она лежала на юг на расстоянии 1 дня езды или 6 миль» Восточная граница кочевий западных печенегов, по мнению автора, «... простиралась вдоль Днепра до впадения его в Черное море, а потом вдоль Черного моря до впадения в него Дуная»[8] Днепр был границей между западными и восточными печенегами Область расселения последних П.Ф Сум очерчивает довольно схематично (о чем, кстати, и предупреждает читателя на страницах своей книги): «... Пацина-

---

* Река Олт – левый приток Дуная в современной Румынии

ки занимали землю запорожских Казаков, всю Украину, где лежит Полтава, потом земля их от Киева простиралась на северо-восток и заключила в себя некоторую часть Северии и Воротынска*, ибо там она могла повернуть на север от Дона, и, наконец, простиралась прямо к Дону и охватывала собою великие пустыни или степи с обеих сторон»[9].

Как мы могли заметить, П Ф.Сум западную границу печенежской ойкумены проводил по Карпатам, что, очевидно, объяснялось отсутствием у исследователя сведений из западных, в частности венгерских, хроник. Дополнительные сведения, значительно расширившие границы расселения печенегов на запад, почерпнутые из статей венгерского историка Эрни, приводит в своей большой работе «О Торкских Печенегах и Половцах по мадьярским источникам с указанием на новейшие исследования о черноморско-торкских народах от Атиллы до Чингисхана» А.А.Куник Согласно этим сведениям первые печенежские поселенцы в восточных районах современной Венгрии, в междуречье Тисы и Мроша, появляются еще во времена князя Гезы и его сына короля Стефана I Святого (конец X в.). Затем «значительнейшею массой» печенеги расселяются по западным рубежам Венгерского государства, «... на границах к Австрии и Штирии, от Пресбурга до окрестностей Дравы», где они исполняли обязанности пограничной стражи. В целом же, «меньшими массами по деревням» печенеги, как считал Эрни, были расселены практически по всей территории Венгрии[10].

Таким образом, в середине XIX в., благодаря анализу средневековых европейских письменных источников, были очерчены границы печенежских кочевий на западе евразийских степей. По мере расширения корпуса средневековых письменных источников, и прежде всего за счет перевода на европейские языки сочинений восточных авторов, в исторической литературе начинают ставиться вопросы о древней прародине кочевников эпохи средневековья. К числу первых таких работ, безусловно, следует отнести вышедший в 1851 г. первый том «Истории России с древнейших времен» С.М.Соловьева, пятую главу которого автор посвящает причинам появления печенегов у южных границ Руси. Древней родиной печенегов С.М.Соловьев вполне определенно называет Среднюю Азию, где они были

---

* Южная часть Сеймо-Деснинского междуречья

известны под именем «турецкого племени хангаров». К сожалению, автор «Истории России» в данном случае не указывает на источники, из которых он берет те или иные сведения, касающиеся печенегов. Вероятнее всего, это была книга Ш.Френа, на которую С.М.Соловьев неоднократно ссылается в своем *сочинении*[11]. Что касается печенегов до их выхода в степи Восточной Европы, то, по мнению автора, основанному на сочинении Константина Багрянородного, до VIII–IX вв., они кочевали в заволжских степях между «козарами» (хазарами) с запада и «узами» (огузами) с востока. Постоянные набеги печенегов на Хазарию вынудили хазар заключить союз с огузами и с двух сторон ударить на печенегов, в результате чего «. . большая часть последних оставила свое прежнее отечество, двинулась на запад, ударила и погнала перед собою угров, поданных козарских, которые и побежали далее на запад»[12].

Эти же источники (т.е. сочинения Константина Багрянородного и арабо-персидских авторов в изложении Ш.Френа) легли в основу книги П.В.Голубовского «Печенеги, торки и половцы до нашествия татар» (1884 г.). Основную часть указанной книги занимает реконструкция истории взаимоотношений Киевской Руси со степняками по данным русских летописей. Однако небольшой раздел отведен вопросам этнической истории кочевников, перечисленных в заглавии. Анализируя сведения арабо-персидских авторов, П.В.Голубовский приходит к выводу об идентичности «узов» европейских хроник, летописных «торков» и среднеазиатских «гузов», известных арабским историкам начиная с X в. Что касается печенегов, то они, по мнению автора, суть «колено канкли» (канглы), которые, в свою очередь, вместе с кипчаками составляли колена гузов или огузов[13]. Конечный вывод П.В.Голубовского: «... прежде чем явиться в Европу, наши Печенеги, Торки, Половцы кочевали в степях Средней Азии и составляли одно целое»[14].

Составляя «одно целое», печенеги и узы – торки, как считал В.О.Ключевский, и к западу от Волги появились тоже одновременно, в первой половине IX в.[15]

Таким образом, к концу XIX в., еще до начала археологических исследований средневековых кочевников евразийских степей, в исторической литературе уже сложились достаточно четкие представления о границах расселения печенегов на просторах степной Евразии и об их исходных территориях, расположенных где-то в Средней Азии. А поскольку основными источниками для освещения истории

восточно-европейских кочевников эпохи средневековья являлись сочинение императора Константина Багрянородного и русские летописи, то и этнокультурная интерпретация курганов и курганных могильников, исследованных в 80–90-е гг прошлого столетия Н Е Бранденбургом, Д Я Самоквасовым, О Н.Макаревичем на Украине осуществлялась прежде всего через призму сведений, содержащихся в этих документах Характерной особенностью этих курганов, в основной своей массе сконцентрированных на территории тогдашней Киевской губернии, в междуречье Днепра и Руси, являлась западная ориентировка погребенных и скелет или части скелета взнузданного и оседланного коня, уложенные слева от человека на дно могилы или на специальную ступеньку. Определив дату этих курганов в пределах VIII–XI вв н.э. и сопоставив ее с данными письменных источников о расселении кочевых племен в X–XI вв , Н.Е. Бранденбург – основной исследователь и первый интерпретатор поросских курганов – определил их как печенежские[16].

Однако, данная точка зрения сразу же была подвергнута сомнению со стороны А.А.Спицына, который, во-первых, предложил более узкую дату курганов в бассейне Роси и Россавы – X–XII вв. и, соответственно, с опорой на сведения русских летописей, высказал предположение о том, что «... главную массу населения данной части Поросья в это время, по всей вероятности, составляли торки»[17] (т е огузы). Основанием для такого предположения послужило упоминание в русских летописях Заруба, как места переправы половцев во время их нападения на торков в 1154 г. и г. Торческа, «главного города в Поросье», местоположение которого А.А.Спицын определял «где-нибудь на Россаве, например при впадении в нее Кагарлыка»[18]

Приложив классификационные признаки поросских погребений, выделенные А.А.Спицыным, к курганам, исследованным на Правобережье Северного Донца, В.А.Городцов выделил там еще одну группу торкских погребений (30 погребений, «по общему характеру вещей», датированных X–XIII вв). Свою точку зрения на этнокультурную принадлежность рассматриваемых памятников автор подтверждает результатами историко-географических изысканий, которые, по его мнению, «точно установили» тождество города Славянска с древним Тором Правда, В.А.Городцов тогда еще не мог дать более детальной дифференциации исследуемых памятников и интерпретировал их как торческо-половецкие[19].

Одновременно с началом археологического изучения торков (огузов) и печенегов в южнорусских степях в историческую науку, благодаря планомерным и масштабным изысканиям В.В.Бартольда, вводятся многочисленные письменные источники арабо-персидского происхождения, раскрывающие дотоле неизвестные страницы истории «турецких» народов Азии, огузов и печенегов – в том числе. Исходя из содержания исследуемых документов, В.В.Бартольд на страницах своих работ основное внимание уделяет реконструкции политической истории азиатских кочевников, совершая вместе с тем довольно частые экскурсии в этническую историю «турков». В частности, опираясь на содержание орхонских надписей VI–VIII вв., прочтенных В.В.Радловым, автор высказывает предположение о том, что сам этноним «турк» появился не раннее VI в. н.э. для обозначения именно огузов[20]. Огузы или «турки», по мнению В.В.Бартольда, разделились на несколько народностей, среди которых были и печенеги, довольно рано (т.е. до IX в.) отделившиеся от огузов[21].

Первоначально государство огузов В.В.Бартольд (со ссылкой на китайские хроники) помещал в Монголии, откуда в 745 г. они были вытеснены уйгурами[22]. Движение огузов на запад распадалось на несколько ответвлений и направлений. Часть огузских племен – печенеги – в конце IX в. ушли в сторону Волги и это было самое раннее проникновение огузов в Европу, повторившееся затем в XI в. движением узов или торков[23]. Другая часть огузов через Баласагун и Бухару двинулась на завоевание мусульманских областей[24].

Со ссылкой на Истархи, В.В.Бартольд очерчивает границы расселения огузов в X в. «... от Джурджана на Каспийском море до Фараба и Асбиджаба в области Сырдарьи, на западе их земля граничила с областями хазар и болгар, на востоке с областью карлуков, на севере – с областью каймаков (кимаков).. Границей между гузами и каймаками была р. Итиль в ее верхнем течении, т.е. Кама»[25]. Впрочем, в своем последнем утверждении исследователь позже усомнился[26].

Сравнивая «этнографические последствия» огузских завоеваний в Европе и Азии в XI в., В.В.Бартольд подчеркивал, что в первом случае огузы не оставили сколь-нибудь заметного следа в этнической карте средневековой Европы, будучи уничтоженными болгарами и печенегами. И напротив, благодаря походам восточных огузов, происходит тюркизация северных областей Ирана и всей Малой Азии[27].

Обозначенные В В Бартольдом основные этапы тюркизации Средней и Малой Азии более детально были разработаны в статьях и книгах его последователей А Ю Якубовского, Б Заходера, В Гордлевского Работы названых исследователей также строились в основном на результатах анализа историко-географических сочинений средневековых арабо-персидских авторов, поэтому преимущественное внимание в них уделено освещению политических причин огузских походов и завоеваний в X–XI вв , а вопросы трансформации огузских этнических территорий решались попутно в контексте этих походов

Так, А Ю Якубовский в своей большой статье 1937 г , подробно рассматривая этапы и направления движения огузов по землям Средней Азии накануне их похода на Иран и Византию, вслед за В В Бартольдом территорию расселения огузов-туркмен в конце X – нач XI в очерчивает долинами Зеравшана и Сырдарьи, также опираясь при этом на сочинения арабских авторов X в Равенди, Гардизи, Якуби и др [28] Основное внимание исследователь уделяет освещению политических коллизий, заставивших туркмен уйти в начале в Балханские горы (южная часть плато Устюрт), а затем вернуться назад, в Мервский оазис, где в 1040 г , возглавляемые султанами-сельджукидами, они нанесли сокрушительное поражение войскам газневидского султана Масуда и открыли тем самым дорогу в Хорасан и далее в Малую Азию[29]

Фактическим продолжением статьи А Ю Якубовского явилась вышедшая в 1945 г статья Б Заходера «Хорасан и образование государства сельджуков», в которой подробно рассматривается ход завоевания туркменами-сельджуками Хорасана, с особым упором на политические перипетии этого процесса Для нас, в частности, особый интерес представляет заключение автора о том, что первые походы огузов-туркмен в глубь Малой Азии в 20-е – начале 30-х гг XI в не оказали сколь-нибудь заметного влияния на ход этнической и политической истории этого региона и только вторая половина 30-х годов XI в стала временем «выхода туркмен на широкую историческую арену», следствием чего явилось образование туркмено-сельджукской державы и завоевание ими всей Малой Азии[30]

Процесс этот подробно освещен уже в книге В Гордлевского «Государство сельджукидов Малой Азии» Отмечая рубежи стремительного продвижения огузов на запад (40-е гг XI в - Эрзерум, Малатья, Тартус, через тридцать лет - р Кызылирман), автор раскрывает при-

чины этих триумфальных успехов и их этнические последствия для населения полуострова К числу первых В Гордлевский относит одновременный натиск огузов на Византию как с востока (туркмены-сельджуки), так и с запада (гузы, печенеги), приводя в качестве примера сражение при Малазкирте (северное оз Ван) в 1071 г , исход которого решило объединение огузов-сельджуков и гузов, служивших в войсках византийского императора[31]

Говоря об этнических последствиях огузского завоевания Малой Азии, автор, опираясь на данные малоазийской этнонимии и топонимии, очерчивает районы наиболее плотного расселения огузских племен (Анкарский, Карский, Конийский вилайеты), практически, охватывающие всю территорию полуострова, на основании чего делает вывод о постоянном свежем притоке огузов в Малую Азию и ассимиляции ими туземного населения[32]

Проблему огузо-туркменского этногенетического родства А.Ю.Якубовский рассматривает в специальной статье, вышедшей в 1947 г и построенной исключительно на результатах анализа сведений средневековых авторов (Ал-Беларузи, Масуди, Макдиси, Истархи и др) Прежде всего исследователь выделяет три этапа проникновения огузов на территорию современной Туркмении. первый – перв полов. IX в., когда огузы в основной своей массе кочевали по среднему и нижнему течению Сырдарьи и в степях севернее Устюрта, в долинах Эмбы и Яика, откуда они и начали продвигаться на юг и юго-запад, в современную Туркмению Это, по мнению Якубовского, была первая волна огузского переселения, причины и обстоятельства которого нам неизвестны[33]

Вторую волну огузского нашествия автор датирует 90-ми гг IX в. и связывает ее с огузо-печенежскими войнами (по Марвази), в результате которых разбитые печенеги уходят на запад, за Волгу, а огузы становятся полными хозяевами Хорезма и начинают свое дальнейшее продвижение на юг[34].

Сравнивая описание внешности огузов, данное ал-Масуди, с внешним видом современных туркмен, А Ю Якубовский отмечает их несхожесть и на этом основании высказывает предположение о том, что «огузы в сложении туркменского народа были весьма важным компонентом, сыгравшим исключительную роль, однако далеко не единственным»[35] Другим этническим компонентом, существенно определившем антропологический тип туркменов, автор считает (на основании разбора данных ал-Бируни) аланов и асов, живших в рай-

оне Сарыкамыша[36] С учетом отсутствия для того времени антропологических данных с рассматриваемой территории, заключение А Ю Якубовского интересно уже тем, что оно связывает в единую логическую схему вывод В В Бартольда о центрально-азиатской прародине огузов Средней Азии с выводом других исследователей об этногенетическом родстве этих огузов с огузами-туркменами, завоевавшими в XI в Малую Азию (третья огузская волна по А Ю Якубовскому)

Одновременно с рассмотренной статьей А Ю Якубовского увидела свет большая статья С П Толстова «Города гузов» – первая и до сего дня едва ли не единственная работа по археологии среднеазиатских огузов В этой сложной по своей структуре работе автор поднимает сразу несколько вопросов этнической истории огузов Прежде всего им делается попытка совмещения в пространстве сведений ал-Идриси о наличии у огузов большого числа укрепленных городов с городищами левобережья приустьевой части Сырдарьи, обследованными Хорезмской экспедицией осенью 1946 г (городища янгикентской группы) На трех осмотренных С П Толстовым городищах Джакент, Куюк-Кескен-кала и Большая Куюу-кала (раскопки там не проводились) были собраны коллекции керамики, разделенные исследователем на три этнокультурные группы, каждую из которых он связывает (по аналогиям в орнаментике, подчас весьма отдаленным) с хорезмийской, какой-то местной («туземная керамика первой группы») и древнетюркской азиатской («туземная керамика второй группы») культурами[37]

Оперируя столь ограниченным материалом, исследователь приходит к естественному и единственно верному выводу о том, что «точная хронологическая атрибуция обеих основных групп (керамики – Г Г , В И) пока, без раскопок, довольно затруднительна»[38], что, впрочем, не явилось основанием для сомнения в «бесспорности» принадлежности городищ нижней Сырдарьи носителям местной культуры, потомками которой являлись огузы X в , ведшие «по меньшей мере полуоседлый, если не просто оседлый образ жизни»[39]

Далее С П Толстов также развивает идею о смешанном этническом составе приуральских огузов, среди которых, наряду с аланами (основной субстрат, выявленный им по данным китайских хроник, сообщавших об области Яньцай – Аланья – Судэ), он выделяет еще и племена монгольского происхождения (кайы и баят)[40]

Сопоставляя структуру и наименования огузских племен в Средней Азии и у границ Киевской Руси (по сведениям русских летописей), автор показывает их полное тождество и на этом основании делает вывод о том, что «... огузы Сырдарьи и Восточной Европы до середины XI в. представляли единый союз племен или варварское государство, жившее общей жизнью. Огузский ябгу, резидировавший в Янгикенте, был, по всей видимости, правителем всего этого обширного, хотя, судя по дальнейшим событиям, и не особенно прочно сколоченного, политического объединения»[41]

Резюме рассматриваемой статьи содержит ряд выводов, из которых главными представляются

наличие у присырдарьинских огузов укрепленных городов, свидетельствующих, по мнению автора, об их оседлом скотоводческо-рыболовно-земледельческом хозяйстве,

- сложный этнический состав огузов и оценка их как этнополитического конгломерата различных по своему происхождению племен (аланских, тюркских и монгольских),

политическое могущество огузских ябгу, в X–XI вв. простиравших свою власть от Сырдарьи до южных границ Руси[42]

Гипотеза об участии аланского (иранского) субстрата в этногенезе огузов, высказанная С. П. Толстовым в тезисной форме, дальнейшее свое развитие получила в его следующей большой статье, опубликованной в 1950 г. Поскольку новых материалов с территории Приуралья в это время не появилось, свои выводы автор построил на результатах этимологического анализа этнонимов «огуз» и «печенег», возводя первый к имени массагетского племени аугасии, второй – к имени родственных аугасиям апасиаков или «водных саков»[43]

Весьма любопытную сводку сведений об огузах и печенегах, содержащихся в средневековых византийских и арабо-персидских письменных источниках, находим мы в книге турецкого историка А. Н. Курата «История печенегов», вышедшей в 1937 г. По широте охвата тем, касающихся самых различных аспектов политической истории печенегов, эта книга и по сей день выглядит достаточно фундаментально. Широко оперируя сведениями византийских историков, А. Н. Курат очень подробно рассматривает динамику печенежско-византийских отношений, начиная с периода императора Константина Багрянородного (сочинение которого и лежит в основе многих рассуждений автора) и до конца XI в.[44] Гораздо схематич-

оне Сарыкамыша[36] С учетом отсутствия для того времени антропологических данных с рассматриваемой территории, заключение А Ю Якубовского интересно уже тем, что оно связывает в единую логическую схему вывод В В Бартольда о центрально-азиатской прародине огузов Средней Азии с выводом других исследователей об этногенетическом родстве этих огузов с огузами-туркменами, завоевавшими в XI в Малую Азию (третья огузская волна по А Ю Якубовскому)

Одновременно с рассмотренной статьей А Ю Якубовского увидела свет большая статья С П Толстова «Города гузов» – первая и до сего дня едва ли не единственная работа по археологии среднеазиатских огузов В этой сложной по своей структуре работе автор поднимает сразу несколько вопросов этнической истории огузов Прежде всего им делается попытка совмещения в пространстве сведений ал-Идриси о наличии у огузов большого числа укрепленных городов с городищами левобережья приустьевой части Сырдарьи, обследованными Хорезмской экспедицией осенью 1946 г (городища яныкентской группы) На трех осмотренных С П Толстовым городищах Джакент, Куюк-Кескен-кала и Большая Куюу-кала (раскопки там не проводились) были собраны коллекции керамики разделенные исследователем на три этнокультурные группы, каждую из которых он связывает (по аналогиям в орнаментике, но чаще весьма отдаленным) с хорезмийской, какой-то местной («туземная керамика первой группы») и древнетюркской азиатской («туземная керамика второй группы») культурами[37]

Оперируя столь ограниченным материалом, исследователь приходит к естественному и единственно верному выводу о том, что точная хронологическая атрибуция обеих основных групп (керамики I I , В И) пока, без раскопок, довольно затруднительна»[38], что впрочем, не явилось основанием для сомнения в «бесспорности» принадлежности городищ нижней Сырдарьи носителям местной культуры, потомками которой являлись огузы X в , ведшие «по меньшей мере полуоседлый, если не просто оседлый образ жизни»[39]

Далее С П Толстов также развивает идею о смешанном этническом составе приуральских огузов, среди которых, наряду с аланами составлявшими субстрат, выявленный им по данным китайских хроник, сообщающих об области Яньцай Аланья – Судэ), он выделяет еще и племена монгольского происхождения (кайы и баят)[40]

Сопоставляя структуру и наименования огузских племен в Средней Азии и у границ Киевской Руси (по сведениям русских летописей), автор показывает их полное тождество и на этом основании делает вывод о том, что «... огузы Сырдарьи и Восточной Европы до середины XI в. представляли единый союз племен или варварское государство, жившее общей жизнью. Огузский ябгу, резидировавший в Янгикенте, был, по всей видимости, правителем всего этого обширного, хотя, судя по дальнейшим событиям, и не особенно прочно сколоченного, политического объединения»[41]

Резюме рассматриваемой статьи содержит ряд выводов, из которых главными представляются

– наличие у присырдарьинских огузов укрепленных городов, свидетельствующих, по мнению автора, об их оседлом скотоводческо-рыболовно-земледельческом хозяйстве,

сложный этнический состав огузов и оценка их как этнополитического конгломерата различных по своему происхождению племен (аланских, тюркских и монгольских),

– политическое могущество огузских ябгу, в X–XI вв. простиравших свою власть от Сырдарьи до южных границ Руси[42]

Гипотеза об участии аланского (иранского) субстрата в этногенезе огузов, высказанная С. П. Толстовым в тезисной форме, дальнейшее свое развитие получила в его следующей большой статье, опубликованной в 1950 г. Поскольку новых материалов с территории Приуралья в это время не появилось, свои выводы автор построил на результатах этимологического анализа этнонимов «огуз» и «печенег», возводя первый к имени массагетского племени аугасии, второй – к имени родственных аугасиям апасиаков или «водных саков»[43]

Весьма любопытную сводку сведений об огузах и печенегах, содержащихся в средневековых византийских и арабо-персидских письменных источниках, находим мы в книге турецкого историка А. Н. Курата «История печенегов», вышедшей в 1937 г. По широте охвата тем, касающихся самых различных аспектов политической истории печенегов, эта книга и по сей день выглядит достаточно фундаментально. Широко оперируя сведениями византийских историков, А. Н. Курат очень подробно рассматривает динамику печенежско-византийских отношений, начиная с периода императора Константина Багрянородного (сочинение которого и лежит в основе многих рассуждений автора) и до конца XI в.[44] Гораздо схематич-

[illegible] основном пересказом и комментариями сюже-
[illegible] летописи, освещает автор историю печенежско-русских
[illegible] XI вв[45]

[illegible] безусловно, больший интерес представляют рассуж-
[illegible] А Н Курата, касающиеся динамики и масштабов расселения
[illegible] по районам степной Евразии В частности, коррелируя
[illegible] Константина Багрянородного (Порфирогенета), Гардизи,
[illegible] Аджем», автор очерчивает границы печенежских кочевий
[illegible] IX – нач X в в междуречье Яика и Волги«. от горо-
[illegible] на Идиле, до реки Самары, включая среднее течение Яика
[illegible] таких рек, как Сакмар и Илек А в засушливые годы мес-
[illegible] становились подножия Уральских гор»[46]

Что касается огузов (узов), то вопрос об их локализации автор
[illegible] строго следуя сведениям Масуди, Гардизи и Константина
Багрянородного Соответственно, в огузо-печенежских войнах он
[illegible] причину появления этих племен в Волго-Уральских степях,
[illegible] постоянно давя на печенегов с востока, к середине X в.
[illegible] находят к берегам Яика и Идиля[47].

Вообще процесс освоения тюркоязычными кочевниками евразий-
[illegible] А Н Курат трактует как следствие перманентных войн
[illegible] племенами, начавшихся еще задолго до их появле-
[illegible] на сцене европейской истории «И если в древности одной из
главных причин выхода тюрков из Средней Азии была засуха, то в
средневековье – политические события поднимали тюрков в дорогу.
На движение аланов, хуннов, аваров на запад, конечно, в некоторой
степени оказывала влияние и борьба внутри Средней Азии, но вот
причиной похода печенегов на запад стало в первую очередь давле-
ние хазаров и узов. Особенно же заслуживает внимания тот факт,
что узы преследовали печенегов до самого Дуная и – пройдя сквозь
печенегов вышли на Балканы»[48]. Это событие, датированное 1064–
1065 гг., автор излагает по сочинению византийского историка Ат-
талиата, оценивая его как первую попытку огузов (торков) прорвать-
ся в пределы Византийской империи По мнению А.Н Курата, по-
пытка эта хотя и закончилась неудачей (наступившие холода, эпи-
демия и удары печенегов фактически расселяли огузские войска),
но сыграла важную роль для этнической истории Балкан «. . их по-
томками здесь являются гагаузы, сохранившие тюркский язык и
фольклор»[49]

В 50-е годы начинается качественно новый этап в осмыслении огузо-печенежских древностей восточно-европейской степи Толчком к этому послужили материалы раскопок кочевнического могильника у Саркела – Белой Вежи, проводимых С А Плетневой в 1949–1951 гг [50] Эти материалы, а также материалы других курганов и курганных могильников, раскопанных в конце XIX – нач XX в на юге России, легли в основу диссертации, а затем – и монографической статьи, опубликованной автором в 1958 г [51] Данная работа, являясь первым археологическим исследованием огузо-печенежских древностей восточно-европейских степей, сохраняет свое значение и по сей день, поскольку в ней впервые были выделены основные морфологические признаки и устойчивые критерии археологической культуры огузов и печенегов к западу от Волги Прежде всего, опираясь на признаки погребального обряда, С А Плетнева все известные ей памятники кочевников IX–XII вв , разделяет на три группы, различающиеся между собой количественно и, в известной степени, территориально

Для первой группы (в общей сложности – 48 погребений) характерной особенностью являются преобладание впускных погребений, западная ориентировка погребенного, уложенного в дощатый гроб, и наличие в могиле черепа и костей ног коня, в анатомическом порядке лежащих слева от человека, а среди погребального инвентаря – наличие железных удил без перегиба[52]

Вторая группа, насчитывающая только три погребения, отличается наличием в могилах деревянного перекрытия поверх человеческого костяка[53]

Характерным в третьей группе, самой многочисленной (150 погребений, из которых 88 локализованы в бассейне р Рось), является наличие в могилах целого остова коня и отсутствие удил без перегиба[54]

Этнокультурную принадлежность погребений первых групп исследователь устанавливает методом исключения, а именно сравнивая погребальный обряд курганов второй группы с обрядом погребения гуза, описанным Ибн-Фадланом, С А Плетнева приходит к выводу об их детальном совпадении и соответственно к заключению о том, что эти погребения (у ст Торской на Северном Донце) принадлежат огузам-торкам[55]

Погребения первой группы автор, в отличие от своих предшественников (А А Спицын, В А Городцов, Н Д Мец), связывает с пе-

печенегами, привлекая в качестве одного из основных доказательств факт отсутствия удил без перегиба в памятниках Средней Азии - «исконной территории гузов-торков»[56] Учитывая, что в то время на территории Средней Азии погребения средневековых кочевников практически не были известны, такой вывод исследователя можно было бы считать слишком рискованным Впрочем, применительно к памятникам огузо-печенежского времени и типа, положение не изменилось и сейчас Зато по-прежнему сохраняет свою наглядность результат картографирования С А Плетневой удил без перегиба, район локализации которых, действительно, лежит ближе к лесостепным областям Заволжья и Приуралья, где, как считает исследователь, и обитали печенеги в IX- XII вв (ссылаясь при этом на сведения средневековых авторов)

Такая локализация печенегов позволила исследователю поддержать идею Д П Европеуса, переводившего этноним «печенег» с помощью угорских наречий, как «лесные люди»[57] Следует заметить, что тем самым С А Плетнева, фактически, возразила С П Толстову, хотя сильную европеидность печенегов исследователь также объясняет их «сарматизированностью», достигнутую, по ее мнению, за счет поздних сарматов, включенных в печенежский союз племен[58]

Что касается собственно гузов-торков, то по поводу возможности обнаружения или выделения их погребений в степях Восточной Европы автор была настроена достаточно скептически, мотивируя свои скептицизм постоянным притоком в состав гузов «чуждых народностей», к числу которых она относит и печенегов[59]

Погребения третьей группы IX–XII вв С А Плетнева связывает с кочевниками, составившими черноклобуцкий (печенего-торческий) союз племен с синкретической культурой и погребальным обрядом[60]

Сразу же вслед за работой С А Плетневой выходит статья А М Щербака «Знаки на керамике и кирпичах из Саркела – Белой Вежи», один из разделов которой посвящен описанию расселения печенегов по южнорусским степям, в основе которого лежат сведения арабо-персидских и византийских источников, а также данные топонимии Автор с полным доверием относится к данным средневековых авторов, поэтому границы печенежских кочевий в X XI вв реконструирует с соответствии с этими данными Со ссылкой на Истархи, «Худуд-ал-Алем» и Конст Багрянородного, А М Щербак южную границу Печенегии проводит по низовьям Дона, северному побережью Азовского и Черного морей до низовьев Дуная Западную границу –

вслед за своими российскими предшественниками – по Днепру и Карпатам На севере и северо-востоке автор помещает печенегов несколько южнее линии Тамбов Куйбышев, т е приблизительно на широте Воронежа[61]

Восточную границу печенежских кочевий автор реконструирует, полагаясь на сведения «Худуд-ал-Алем.» А поскольку определяемая в этом сочинении восточная граница печенегов - Хазарские горы – не поддается точной идентификации, то А М Щербак в решении этого вопроса ограничивается предположением о возможности распространения печенежских кочевий до Уральских гор[62], т е , присоединяясь к этнографической схеме А Н Курата. хотя и не упоминая ее В целом же предлагаемая автором схематическая карта расселения печенегов[63] практически полностью совпадает с картой печенежско-торческих кочевии, представленной в рассмотренной выше работе С А Плетневой

Эта статья, в сущности, почти на 10 лет оставалась единственным словом археолога в освещении этнической и социально-экономической истории печенегов в восточно-европейских степях Те же исторические исследования по средневековым кочевникам евразийских степей, которые выходили в первой половине 60-х годов, содержали только отдельные сюжеты об огузах и печенегах, касающиеся преимущественно этимологии этих этнонимов Например, Л Н Гумилев в одной из своих статей этого времени фактически поддержи-вает идею С П Толстова о первоначально собирательном значении имени «огуз», означавшем просто племена или объединения племен и только позже ставшим этнонимом[64]

С Г Кляшторный, анализируя этноним «кангар – печенег» с помощью данных Аль-Якуби и рунического памятника в честь Кюль-тегина, приходит к выводу о том, что область расселения «кангаров кенгересов» в начале VIII в находилась в районе среднего течения Сырдарьи (область Кангу-Тарбан в древнетюркских надписях)[65], где, в отличие от Маркварта, В В Бартольда и С П Толстова, автор и помещает печенегов, отождествляя их имя с именем народа «кангар» у Константина Багрянородного[66] Идею о Волго-Уральской прародине печенегов (Бартольд, Немет) С Г Кляшторный полностью отвергает[67]

Следующий этап в осмыслении и этнокультурной интерпретации средневековых кочевнических древностей, обусловленный не только появлением нового материала из восточных районов Велико-

го пояса степей (работы Сталинградской археологической экспедиции в 1951–1957 гг и археологические раскопки в Башкирии и Оренбургской области)[68], но и разработкой новых методов анализа археологического материала, был обозначен вышедшей в 1966 г монографией Г А Федорова-Давыдова «Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов» Основное внимание автор уделяет источниковедческому анализу археологического материала, применяя для этого принципиально новый метод статистической корреляции взаимовстречающихся типов вещей[69] С помощью этого метода Г А Федоров-Давыдов разрабатывает новую, более четкую, нежели существовавшие прежде, систему датировки средневековых кочевнических комплексов, на основании чего им вносятся существенные коррективы в этнокультурную схему степей Восточной Европы в X–XIV вв В контексте нашей работы, наибольший интерес представляет предлагаемая Г А Федоровым-Давыдовым этнокультурная интерпретация и локализация памятников X–XI вв (1-ый период по Г.А Федорову-Давыдову) , основная масса которых (32 из 41 погребения) оказываются расположенными в степях Нижнего Поволжья и Приуралья[70] могильники Быково 1 и II, верхне-Погромное, Заплавное, Калиновка, Молчановка, Старица, Три Брата и другие Соответственно, как считает автор, «. именно эти степные территории были наиболее многолюдными в 1 период, и основные массы печенежско-торческого населения концентрировались в восточной части южнорусских степей (в Поволжье и Заволжье) Но они были неизвестны византийским писателям, в частности Константину Багрянородному Поэтому западные печенежские земли, менее заселенные и игравшие, видимо, в жизни всякого печенежского торческого населения меньшую роль, оказались характеризованными современниками более полно»[71]

Торческие археологические комплексы в восточно-европейских степях, по мнению исследователя, выделить также чрезвычайно трудно, что объясняется этногенетическим родством торков (огузов) и печенегов[72]

По поводу датировки и этнокультурной принадлежности погребений Нижнего Дона и Поросья Г А Федоров-Давыдов не согласен с С А Плетневой. памятники эти исследователь датирует XII в (II период) (Зеленки, Кагарлык, Забара, Шандры, Бурта, хут Попов и другие) и связывает их появление в указанных районах с перемещением

сюда торческо-печенежских племен, вытесненных из Поволжья новыми хозяевами евразийских степей – половцами[73].

В 1969 г. выходит книга С.Г.Агаджанова «Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв.» – первый и пока единственный труд, где на основе текстологического анализа средневековых письменных источников реконструируются территория расселения, хозяйство и социальная структура огузских племен до начала их массового движения на запад. Одним из ключевых вопросов своего исследования автор ставит историко-географический обзор страны огузов в X–XI вв., опираясь при этом на результаты дешифровки географических названий, приведенных в сочинении Идриси, и подкрепляя их аналогичными сведениями, извлеченными из трудов других арабо-персидских авторов эпохи средневековья. Первая глава рассматриваемой книги целиком посвящена идентификации географических названий у Идриси с современной картой Средней Азии и Казахстана[74]. В результате С.Г.Агаджанову удалось детально очертить границы территории, занятой огузскими племенами в X в. Правда, эта детализация несколько уменьшается по мере удаления к северу и западу от Приуралья и бассейна Сырдарьи, что, очевидно, может быть объяснено отмеченной автором неравномерной плотностью расселения огузов в азиатских степях. Со ссылкой на сочинения средневековых мусульманских авторов, исследователь считает районом наибольшей концентрации огузских племен степи вокруг Аральского и Каспийского морей[75]. Кроме того, одну из групп огузов автор помещает в долине р.Чу, где по его мнению, они имели свой центр – крепость Хийам, расположенную на правом берегу этой реки. Другая группа, со ставкой в городе Дахлане, кочевала по левобережью среднего течения Сырдарьи в предгорьях Каратау. Только группу огузов исследователь помещает в области Кенджде (Кенджиде), в среднем течении р.Арысь. Наконец, еще одних огузов, со ссылкой на сведения Ибн-Хаукаля, С.Г.Агаджанов находит в пределах Шашской и Исфиджабской областей[76].

Одним словом, если мы нанесем все эти данные на современную карту, то получим довольно компактную территорию по правобережью Сырдарьи, от Ташкента до Кзыл-Орды, что, по сути, подтверждает точку зрения Бартольда и Якубовского на локализацию огузских кочевий в конце X в. Что касается причин появления печенегов и огузов в Восточной Европе, то здесь автор присоединяется к тради-

ционному для отечественной историографии мнению, объясняющему этот процесс огузо-печенежскими войнами[77]

Менее четко в рассматриваемом исследовании очерчены западные границы огузской территории С традиционной ссылкой на сочинения Масуди, Ибн-Русте, «Худуд-ал-Алем» С Г Агаджанов проводит западные границы расселения огузов через Нижнее Поволжье и предгорья Южного Урала, где ближайшими их соседями называет буртасов и башкир В подтверждение последнего тезиса исследователь привлекает материалы Старо-Мусинских курганов на территории Башкирии, интерпретированных Н А Мажитовым как древнебашкирские[78]

Неравномерное распределение археологического материала по кочевникам огузо-печенежского времени на территории евразийских степей следствием своим имело то обстоятельство, что в исследованиях, увидевших свет в 70-е гг , с одной стороны, продолжалась более углубленная разработка археологического материала с территории «южнорусских степей», тогда как этноисторические построения, касающиеся районов к востоку от Волги, по-прежнему базировались исключительно на данных традиционных нарративных источников

Наглядным образцом последних является вышедшая в 1972 г в Турции большая статья американского ученого П Б Голдена «Миграции огузов» (на англ яз), в которой автор, в очередной раз суммируя сведения средневековых письменных источников (как восточных, так и европейских), рисует развернутую картину основных этапов движения огузских племен в Восточную Европу Статья состоит из шести абзацев или параграфов, каждый из которых посвящен какому-то конкретному вопросу этнической и социально-политической истории огузов во время их пребывания в азиатских степях Разбирая этимологию этнонима «огуз», П Голден присоединяется к точке зрения сторонников первоначально собирательного значения этого этнонима, означавшего племя или народ вообще[79] Прародину огузов автор статьи, вслед за В В Бартольдом, помещает в Монголии, откуда они, по его мнению, уходят в конце VIII в (между 775–783 гг) под влиянием событий, сопутствующих распаду Второго Тюркского каганата[80]

Что касается границ расселения огузов в IX в , то при их определении автор осторожно довольствуется ссылками на весьма схематичные, а главное, поздние сведения Рашид- ад-Дина и Абу-ал-Гази*

Присырдарьинских и приаральских огузов П Голден, вслед за нашими отечественными исследователями, представляет конгломератом различных по языку и происхождению племен, равно как и в определении этнических корней печенегов, сложившихся, по его мнению, в результате симбиоза иранского и древнетюркского населения оазисов Мавераннахра (Кангюи)[81] Автор, таким образом, присоединяется к точке зрения В В Бартольда, С П Толстого и других исследователей

Причины миграции печенегов в Восточную Европу П Голден традиционно объясняет их воинами с огузами, кимаками и карлуками вокруг моря Джурджан (Аральского), точно так же, как причины появления огузов к западу от Волги он обусловливает нажимом на последних половцев (команов) - кыпчаков с востока

Пересказом сведений, содержащихся в сочинении Константина Багрянородного, в основном ограничено изложение истории печенегов в восточно-европейских степях А Барты «Венгерское общество в 9 10 вв » (Будапешт, 1975, на англ яз) В контексте нашей работы особый интерес представляет попытка автора выяснить время и причины венгеро-печенежской воины на западе «южнорусских» степей, в Этельке зе В освещении «заволжского периода» в истории печенегов А Барта ограничивается кратким упоминанием сочинений Ибн-Русте и Гардизи, повествующих о постоянных стычках печенегов с соседствующими с ними хазарами и огузами (узами), закончившихся изгнанием печенегов из Поволжья и расселением на их местах огузов[82]

Время хазаро-огузо-печенежских воин автор устанавливает, исходя из времени строительства каменной крепости Саркел на правом берегу Дона (около 830 г) и предположения о том, что разгромленные на Волге печенеги были насильственно переселены на запад Хазарского каганата, в области, до того занятые венграми и кабарами Последние, как считает исследователь, в конце VIII в объединились, восстали против хазарского господства и ушли из пределов Хазарии на запад В начале IX в на Дон были переселены печенеги, «с целью сбалансировать последствия ухода кабаров и венгров», явившиеся первыми обитателями и первым гарнизоном Саркельской крепости В этом своем заключении А Барта опирается на результаты

---

*Следует отметить, что приводимые в статье П Голдена карты движения и расселения огузов и других тюркских племен в Средней Азии отличаются крайней схематичностью

исследования С А.Плетневой кочевнического могильника Саркела – Белой Вежи[83]

Так печенеги «отрываются» от своих извечных противников огузов и вступают в период войн с новым противником – древними венграми, – начало которым было положено венгеро-печенежской войной за Этелькезе, произошедшей, как считает автор, в 896 г.

Работу по источниковедческому анализу археологических памятников огузо-печенежского времени в южнорусских степях С.А.Плетнева продолжила в книге «Древности черных клобуков», вышедшей в 1973 г. Хотя в целом эта книга посвящена публикации материалов из раскопок Н.Е.Бранденбурга в 1888–1908 гг. в Поросье, но, как подчеркивает и сам автор, не менее важное место занимает в ней исследование темы о черных клобуках. Естественно, расширенная тема исследования потребовала и расширения соответствующей источниковой базы. Поэтому, кроме материалов Н.Е.Бранденбурга, автор широко использует материалы и из раскопок других дореволюционных исследователей: Д.Я.Самоквасова, Е.А.Зноско-Боровского, Э.К.Витковского.

Рассматриваемая работа С.А.Плетневой по сути своей является ответом на точку зрения Г.А.Федорова-Давыдова, рассматривающего поросские курганы как результат переселения туда кочевников торческо-печенежского объединения из Поволжья, поэтому анализ археологического материала автор проводит в сопоставлении с методом анализа, предложенным Г.А.Федоровым-Давыдовым. Так, характеризируя погребальный обряд рассматриваемых памятников, С.А.Плетнева использует признаки, лежащие в основе классификации названного исследователя. ориентировка человека, наличие или отсутствие костей коня, общее строение могильной ямы. В результате в Поросье ею выделены 10 групп погребений, из которых наиболее многочисленны погребения 1-й группы (захоронения человека без коня в позе вытянуто на спине, головой на запад, в гробу или без него) – 37 погребений, и погребения 2-й группы (захоронения человека в позе вытянуто на спине, головой на запад, слева – череп и кости ног коня, уложенные в анатомическом порядке) – 43 погребения[84].

С сомнением относится автор и к хронологии поросских памятников, установленной Г.А.Федоровым-Давыдовым (XII–XIV вв.), а потому вновь обращается к этому вопросу, особое внимание уделяя

датировке удил и стремян – наиболее многочисленной категории погребального инвентаря

Корреляция типов удил и стремян, проведенная исследователем, никаких положительных результатов не дала, поскольку, как отмечает автор, удила типов ГI и ГII (по типологии Г А Федорова-Давыдова, которую почти полностью принимает С А Плетнева), по единодушному мнению обоих исследователей, не поддаются датировке, одинаково часто встречаясь в комплексах с такими же недатируемыми стременами типа BI* Что касается стремян других типов, то, по данным С А Плетневой, удила типа *ГI* почти поровну встречаясь как со стременами ГI и ГII, датированными Г А Федоровым-Давыдовым XII в , так и стременами ДII (XIII–XIV вв) Стремена ДIII и ДIV (чаще встреченные с удилами ГII) у Г.А Федорова-Давыдова ни в один из датирующих комплексов не входят, а время их бытования он в общем определяет не раннее XII в , против чего не возражает и С А Плетнева[85]

Исходя из данного обстоятельства, исследователь предлагает свою схему датировки поросских комплексов, в основе которой лежит типология сабель Разделив все сабли (13 экз) на пять типов (А–Д), различающиеся между собой длиной и кривизной клинка, С А Плетнева, по аналогии с другими исследователями средневековых сабель, датирует их двумя отрезками времени первая половина XII в (сабли отделов Вии Г) – конец XII – первая половина XIII в (сабли отдела Д) Соответственно стремена Г, ДI и ДII, чаще всего встречающиеся с саблями В и Г, датируются, как считает исследователь, первой половиной XII в , а стремена ДIII и удила ГII– концом XII – нач XIII в (По саблям отдела Д)[86]

Окончательный вывод С А Плетневой. рассматриваемые комплексы курганов Поросья датируются в пределах XII – нач XIII в , и, вопреки мнению Г А.Федорова-Давыдова, среди них нет ни одного комплекса, датированного золотоордынским периодом

Последнее утверждение исследователя не представляется нам бесспорным, поскольку все погребения со стременами типа В I (Липовец, Бурты, Краснополка) едва ли могут быть датированы ранее второй половины XIII в (чему не противоречит и остальной инвен-

---

*Во всяком случае, ни у Г А Федорова-Давыдова, ни у С А Плетневой не приведены достаточно убедительные данные, позволяющие отнести этот тип стремян к какому-то отрезку времени

тарь из этих комплексов), так что в данном случае точка зрения Г А Федорова-Давыдова более предпочтительна

Что касается этнокультурной принадлежности поросских погребений, то здесь С А Плетнева убедительно показывает совпадение признаков погребального обряда, выделенных ею и Г А Федоровым-Давыдовым для печенегов (устойчивая корреляция земляных курганов, западной ориентировки погребенных и черепа и костей ног коня), и связывает с ними вторую группу рассматриваемых погребений Торческими (огузскими), по мнению исследователя, являются немногочисленные захоронения 3-й группы, для которых характерны кости коня, лежащие слева от человека на специальной приступке[87]

Вопрос о территории расселения огузов и печенегов в конце I тыс н э вскользь затрагивается в монографии К Ш Шаниязова, посвященной этнической истории кочевых узбеков Пользуясь теми же самыми источниками, что и его предшественники, автор предлагает довольно традиционную реконструкцию границ огузской и печенежской территорий, согласно которой печенежские кочевья в VIII–IX вв размещались к северу от прикаспийских степей, между Волгой и Уралом, доходя до предгорий Уральского хребта и Жигулей Восточными соседями печенегов в очерченном регионе являлись узы (торки), которых К Ш Шаниязов отделяет от собственно огузов Территорию расселения последних автор помещает в бассейне средней и нижней Сырдарьи и в приаральских степях. Кочевые племена Волго-Уральского региона находились, по мнению исследователя, в политической зависимости от огузов[88]

Идея об огузской прародине в Западном Семиречье свое дальнейшее развитие нашла в статье С Г Агаджанова «Огузская проблема и задачи ее изучения» (1975) Свою точку зрения автор подкрепляет ссылками (правда, очень скупыми) на данные исторической географии, огузские предания и результаты археологических исследований в указанном регионе (?). Последние представляют чрезвычайный интерес для всей огузо-печенежской археологии, и остается только пожалеть об отсутствии в рассматриваемой работе более развернутых характеристик археологических памятников ранних огузов[89]

Характеризируя огузов как результат сложного этнического синтеза пришлых восточнотюркских и местных печенего-кангарских племен, автор считает, что собственно огузские племена в конце I тыс н э « занимали в основном степную полосу нынешнего За-

падного Казахстана низовья Сырдарьи, Приаралье и Северный Прикаспий»[90]

Все эти положения затем были изложены в докладе, прочитанном С Г Агаджановым на второй тюркологической конференции в г Алма-Ате в 1976 г [91]

Точно так же, с традиционной ссылкой на сочинения Масуди, Истархи, «Худуд-ал-Алем», в степях у Каспийского и Аральского морей, по Иргизу, Эмбе, Уилу, Уралу и в предгорьях Мугоджар очерчивают границы огузских кочевий в X в авторы первого тома «Истории Казахской ССР»[92]

Что касается истории печенегов и огузов (торков) в западных областях Великого пояса евразийских степей, то здесь следует отметить книгу М В Бибикова «Византийские источники по истории Руси, народов Северного Причерноморья и Северного Кавказа», в одной из глав которой автор, сопоставляя сведения Ипатьевской летописи об изгнании из Руси кочевников в 1121 г князем Владимиром с рассказами византийских авторов XII в Иоанна Киннама и Никиты Хониата о последней византийско-печенежской войне, ставит оба эти события в прямую связь Конечный вывод исследователя сводится к тому, что набег печенегов и «узов» на Византию объясняется «антикочевническими» действиями князя Владимира[93]

Одним из следствий этого неудачного для печенегов и торков (узов) набега было, как явствует из сообщений Киннама и Хониата, расселение части пленненых кочевников в западных пределах Византии, т е в Подунавье[94]

В 80-е годы появляется серия работ, посвященных детализации отдельных аспектов «огузо-печенежской археологии» в евразийских степях Прежде всего, С А Плетнева в сжатом виде дает археологическую характеристику печенежско-огузских (печенежско-торческих) древностей южнорусских степей в одной из глав тома «Степи Евразии в эпоху средневековья» («Археология СССР») Здесь исследователь также выделяет две группы погребений X–XI вв , одну из которых, наиболее многочисленную, связывает с печенегами, вторую, предположительно – с торками (гузами) Различия между ними заключаются в основном в способе захоронения частей коня у печенегов – рядом с человеком, у торков – на приступке или в засыпи могилы, в отсутствии у торков кенотафов, а у печенегов – женских захоронений[95]

Интересные результаты анализа особенностей захоронения конских чучел у кочевников X–XIV вв получил А Г Атавин * По материалам 110 погребений исследователь выделяет три типа конских захоронений, из которых первый (отчленение ног по первые суставы, а иногда только одна голова) и второй (ноги, отчлененные по бабки или пясть лежат попарно параллельно друг другу) образуют устойчивую корреляцию с комплексами X–XI вв и должны быть связаны с кочевниками печенежско-торческого круга[96]

Практически одновременно появляются две работы, посвященные археологическому анализу памятников огузо-печенежского времени в Волго-Уральском регионе Автор одной из них – Е В Шнайдштейн, опираясь на признаки погребального обряда, разработанные для этого круга памятников Г А Федоровым-Давыдовым, выделяет в Нижнем Поволжье уже 71 погребение IX–XI вв и присоединяется к точке зрения названного исследователя о невозможности разделения печенежских и огузских племен на Нижней Волге по типологическим признакам[97]

Иной позиции придерживается в этом вопросе автор второй работы – В А Кригер Дополняя признаки погребального обряда памятников огузо-печенежского типа, разработанные предшественниками, результатами своих наблюдений над корреляцией этих признаков с такими характерными предметами, как бронзовые копоушки и стилизованные птицевидные подвески, В А Кригер разделяет все известные ему в Нижнем Поволжье и Приуралье памятники X–XI вв (93 погребения) на две, почти равные количественно группы Первую, где наблюдается устойчивое сочетание копоушек и подвесок с таким признаком, как помещение черепа и ног коня над погребенными в засыпи могилы, автор связывает с огузами, вторую, расположенную в более северных районах региона, где череп и кости ног коня лежат рядом с погребенным и преобладают впускные захоронения – оставляет без интерпретации[98].

Наконец, в последние годы вышли две книги, освещающие проблемы этнокультурной истории кочевников X–XI вв. в западных областях евразийских степей Одна из них – монография А О Добролюбского «Кочевники Северо-Западного Причерноморья в эпоху

---

*А Т Атавин выделяет 41 погребение, что, на наш взгляд, объясняется тем, что исследователь оперировал данными на 1977 г

Средневековья», представляющая собой «опыт регионального исследования истории средневековых степных кочевников в археологическом отношении» Опираясь на разработанную Г А Федоровым-Давыдовым типологию кочевнического погребального обряда, автор проводит сравнительно-типологическии анализ погребальных памятников средневековых кочевников западной периферии Великого пояса степей, по результатам которого делает попытку реконструкции этнического состава населения Днестро-Дунайского междуречья в IX–XIV вв

В имеющуюся типологию погребального обряда исследователь вводит определенную модификацию, суть которои заключается в отказе от ориентировки погребенного, как этнодиагностирующего признака, и в выделении в качестве такового «внутренних типологических характеристик погребения (состав, структура)»[99] Для периода IX–XI вв А О Добролюбский выделяет в Северо-Западном Причерноморье 212 погребении, среди которых, по его данным, преобладают погребения типа А I (в простой могильной яме, с западной ориентировкой и без костей коня) и погребения типов Б I Б III (западная ориентировка с частями конского скелета) Именно эти погребения, по мнению исследователя, документируют период господства печенегов в рассматриваемом регионе[100]

Коррелируя данные археологии со сведениями средневековых письменных источников об этническом составе кочевников Причерноморья в IX–XI вв , А О Добролюбский приходит к выводу о том, что археологический материал « не вносит сколь-нибудь существенных коррективов в информацию, даваемую письменными источниками для запада причерноморских степей Торческие древности от печенежских пока практически трудно отделить»[101] Присоединившись, таким образом, к точке зрения Г А Федорова-Давыдова и І В Шнайдштейн о невозможности археологического членения печенежских и огузских (торкских) погребений, автор соответствующим образом оценивает и этнокультурную ситуацию на западе евразийских степеи «Оценивая известный к настоящему времени материал, отметим, что ни типологические характеристики погребальных сооружений, ни облик инвентаря в I период (IX -XI вв І Г , В И) пока не дают оснований говорить о своеобразии степеи Северо-Западного Причерноморья в этнокультурном отношении по сравнению с другими территориями восточно-европейских степей»[102]

Фиксируемое археологически этнокультурное своеобразие рассматриваемого региона на общем фоне Евразийских степей отличает, по мнению А О Добролюбского, только в XII в , когда здесь концентрируется основная масса печенежско-торческого населения, согнанного из других районов степи половецким нашествием[103]

Тематически к рассмотренной выше книге примыкает вышедшая в 1989 г книга венгерского археолога А Палоци-Хорвата «Печенеги, куманы, ясы (степные народы в средневековой Венгрии)» (на англ яз), одна из глав которой полностью посвящена истории расселения печенегов к западу от Карпат

Следует подчеркнуть, что археологический материал в рассматриваемом исследовании использован крайне скупо (что, собственно говоря, отражает уровень археологического изучения средневековых кочевников на территории Венгрии), только как иллюстрация к тем или иным построениям автора, основанным на сведениях, подчеркнутых из византийских, европейских и собственно венгерских средневековых хроник

Опираясь на эти сведения, А Палоци-Хорват отмечает, что первые печенежские набеги за Дунай имели место уже в 30-е годы X в , когда печенеги участвовали в различных походах на болгарские и византийские территории[104]

Массовое переселение печенегов в Венгрию автор датирует серединой XI в и связывает его с прорывом огузов в Поднепровье[105] Район наиболее плотного расселения печенегов в Венгрии А Палоци-Хорват реконструирует с помощью печенежских (?) топонимов, сохранившихся в венгерском языке, и названия «Бесене», входящего в наименования ряда населенных пунктов. в основном это восточная Венгрия, бассейны рек Тиса, Раба, Зарвиц, Керес, Харангод и Марос, где печенеги благополучно доживают до XIV и даже XV в [106] Правда, никаких археологических характеристик печенежских поселений в Венгрии автор не приводит, а отсутствие (вернее, малочисленность) археологических следов печенежской культуры объясняет «исторической ситуацией», выразившейся в христианизации и быстрой ассимиляции печенежских мигрантов в венгерской этнокультурной среде[107]

Представления венгерского ученого о времени проникновения печенегов за Дунай перекликаются с выводами румынского исследователя Петру Дьякони, считающего, что в области Дунайского правобережья печенеги прорываются в 934 г , но это был только крат-

ковременный набег В основном же границы печенежских кочевий в середине X в, по мнению названного автора, проходили на западе по р Сирет (восточная Румыния) и по левобережью Нижнего Дуная[108] К концу X в печенеги завоевывают Валахию (левобережье Нижнего Дуная) и начинают совершать периодические набеги на северную Добруджу (это уже области, расположенные к югу от Дунайского устья) Факт этих набегов П Дьякони подтверждает ссылкой на археологические находки разоренных поселений в Добрудже со скелетами убитых людей[109] Набеги эти завершились закреплением части печенежских племен в северо-восточной Болгарии в середине XI в откуда они стали тревожить византийские земли, лежащие по западному побережью Черного моря (между Константинополем и устьем Дуная) Однако, через некоторое время (в 1064 – 1065 гг) туда же, в северную Добруджу, прорываются гонимые половцами гузы – узы, вызвавшие своим появлением новое движение печенежских племен, завершившееся печенежско-византийской войной 1085 1091 гг и окончательным падением военно-политического могущества печенегов на территории Карпато-Дунайского бассейна[110]

Характерно, что построения П Дьякони базируются исключительно на сведениях (византийских) письменных источников Константин Багрянородный, хроника Скилицы-Кедрена, Анна Комнина, Никита Хониат Археологический материал, отражающий пребывание печенегов к югу от Дуная фактически отсутствует, что, на наш взгляд, в целом отражает состояние источниковой базы по археологии средневековых кочевников за пределами России и бывшего СССР Те же комплексы, которые наши европейские коллеги используют для иллюстрации проникновения печенегов в Карпато-Дунайский бассейн, обнаружены по левому, северному, берегу Нижнего Дуная (Тангиру, Мовилица, Олтеница и др)[111]

Итог историографического обзора можно выразить в ряде выводов, отражающих, как нам кажется, современное состояние «огузо-печенежской археологии»

анализ сведений средневековых восточных и европейских хроник позволил очертить ареал прародины огузов в Центральной Азии и проследить основные пункты продвижения огузов и печенегов на юнад Великого Пояса евразийских степей,

по-прежнему только за счет письменых источников удается осветить историю продвижения и расселения огузов и печенегов до их прихода в Европу (В В Бартольд, А Ю Якубовский, С П Толстов,

С Г Агаджанов, П Голден) и после их вытеснения из «южнорусских степей» половцами-кыпчаками (П Дьякони, А Палоци-Хорват),

соотнеся данные погребальных памятников кочевников восточно-европейских степей с сообщениями русских летописей и арабо-персидских авторов об огузах-торках и печенегах, отечественные археологи разработали систему морфологических признаков печенежских и огузских погребений (Н Е Бранденбург, В А Городцов, А А Спицын, С А Плетнева, Г А Федоров-Давыдов, А Г Атавин, В А Кригер, А О Добролюбский), что позволило расширить археологически фиксируемые границы огузо-печенежской ойкумены до степей Волго-Уральского междуречья включительно,

однако, это не привело к формированию среди исследователей единой точки зрения относительно возможностей археологического материала в плане этнокультурной дифференциации печенежских и огузских памятников (ср точки зрения Федорова-Давыдова – Шнайдштейн – Добролюбского и Плетневой – Кригера),

не исключено, что последнее обстоятельство каким-то образом влияет и на «отсутствие» печенежских и огузских памятников на тех евразийских территориях, где пребывание этих народов зафиксировано документально (Карпато-Дунайский бассейн, Малая Азия),

не до конца ясным остается территориальное и временное соотношение ареалов расселения огузов и печенегов в тот период их истории, когда они попали в поле зрения средневековых хронистов

К сказанному следует добавить, что обобщающие работы предшественников в свое время были написаны на материалах довольно ограниченной источниковой базы (по причине отсутствия таковой в восточных и западных областях евразийских степей), а вышедшие в последние годы работы, напротив, имеют четко выраженный локальный характер Отсюда вытекает и основная задача нашего исследования – систематизировать имеющийся археологический материал по огузам и печенегам на всей территории его распространения и на основе полученных результатов дать свое представление об истории освоения огузами и печенегами Великого Пояса степей Евразии

---

1 *Мавродина Р М* Киевская Русь и кочевники Л , 1983

2 *Плетнева С А* Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // МИА, 1958 № 62 С 151

3 *Татищев В Н* История Российская Т I М , Л , 1962 С 189

4 Там же С 271–272

5 *Карамзин Н М* История государства Российского Т I Б/м, 1842 С 87–88

6 Там же С 88

7 *Сум П Ф* Историческое рассуждение о пацинаках или печенегах М , 1846

8 Там же С 14–15

9 Там же С 15

10 *Куник А А.* О Торских Печенегах и Половцах по мадьярским источникам с указанием на новейшие исследования о черноморско-торских народах от Атиллы до Чингисхана // Уч зап Имп Академии наук. Т 3 СПб , 1855 С 732

11 *Fraehn* Ch/ Ibn - Foszlan und anderer Araber Berichte St -Petersburg 1828

12 *Соловьев С М* История России с древнейших времен Т I М , 1959 С 149

13 *Голубовский П В* Печенеги, торки и половцы до нашествия татар Киев, 1884 С 56

14 Там же. С 57

15 *Ключевский В.О* Сочинения Т I М , 1956 С 130

16 *Бранденбург Н Е.* Какому племени могут быть приписаны те из языческих могил, в которых вместе с покойником погребены основы убитых лошадей? // Труды X АС Т I М , 1899

17 *Спицын А А* Курганы киевских торков и берендеев // ЗРАО Т II Вып 1/2 Нов серия СПб , 1899 С 156

18 Там же С 156.

19 *Городцов В.А* Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии 1901 года // Труды XII АС С 213-215

20 *Бартольд В В.* Сочинения Т 5 М , 1968 С 39–40

21 Там же. С 91.

22 Там же С 50

23 Там же С 91

24 Там же С 76–77

25 Там же С 524

26 *Бартольд В В.* Очерк истории туркменского народа Л , 1929 С 14.

27 *Бартольд В В* Сочинения Т 5 С 525

28. *Якубовский А Ю* Сельджукское движение и туркмены в XI веке // Изв АН СССР Отделение общественных наук 1937 № 4 С 928

29. Там же С 932 943

30 *Заходер Б.* Хорасан и образование государства сельджуков // ВИ. 1945 № 5/6 С.137 138

31 *Гордлевский В* Государство сельджуков Малой Азии М , Л , 1941 С.22 24

32. Там же С 44–45

33. *Якубовский А Ю* Вопросы этногенеза туркмен в VIII–X вв / СЭ. 1947 № 3. С 49

34 Там же С.50 52

35. Там же С 52

36 Там же С 54

37 *Толстов С П* Города гузов // СЭ 1947 № 3 С 66 70

38 Там же С 69

39 Там же С 70

40 Там же С 80

41 Там же С 87

42 Там же С 100 101

43 *Толстов С П* Огузы, печенеги, море Даукара // СЭ 1950 № 4

44 *Kurat A N* Peceneg tarım Istanbul, 1937

45 Там же С 81–105

46 Там же С 36

47 Там же С 37 и след

48 Там же С 40

49 Там же С 151

50 Материалы этих раскопок опубликованы в 1963 г *Плетнева С А* Кочевнический могильник близ Саркела – Белой Вежи // МИА 1963 № 109 С 216–259, Она же Печенеги и гузы на Нижнем Дону М , 1990

51 *Плетнева С А* Печенеги, торки и половцы С 151 226

52 Там же С 153–155

53 Там же С 161

54 Там же С 166

55 Там же С 162

56 Там же С 162

57 Там же С 162, сноска 2

58 Там же С 162

59 Там же С 165

60 Там же С 171 172.

61 *Щербак А М* Знаки на керамике и кирпичах из Саркела – Белой Вежи // МИА 1959 № 75 С 374

62 Там же С 374

63 Там же С 377, рис 5

64 *Гумилев Л Н* Орды и племена у древних тюрок и монголов // Географическое общество СССР Материалы по отделению этнографии Ч I Л , 1961 С 21 22

65 *Кляшторный С Г* Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии М , 1964 С 161–163

66 Там же С 164

67 Там же С 177

68 *Памятники* Нижнего Поволжья // МИА 1959 № 60, *Древности* Нижнего Поволжья // МИА 1960 № 78, *Садыкова М Х* Тюркоязычные кочевники на территории Южной Башкирии // Башкирский археологический сборник Уфа, 1959 С 152–169, *Федорова-Давыдов Г А* Погребение знатной кочевницы в Оренбургской области // Древности Восточной Европы М , 1969 С 262–266

69 *Федоров-Давыдов Г А* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов М., 1966 С 93–119

70 Там же С 115

71 Там же С 134 Таб 14

72 Там же С 141

73 Там же С 142–145

74 *Агаджанов С Г* Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии VIII–XIII вв Ашхабад, 1969 С 49–72

75 Там же С 77

76 Там же С 74–75

77 Там же С 76

78 Там же С 79, 80, 147

79 *Golden P B* The migrations of the oguz // Archivum Ottomanicum IV 1972 P 47

80. Там же. С 54.

81 Там же С 57–58

82 *Bartha A* Hungarian society in the 9 th and 10 th centuries Budapest,1972 P 60

83 Там же С 63–64

84 *Плетнева С А* Древности черных клобуков // САИ Вып Е 1 - 19 М , 1973 С 12–14

85 Там же С 15–17

86 Там же С 18

87 Там же С 21 -22

88 *Шаниязов К Ш* К этнической истории узбекского народа Ташкент, 1974 С 47–49

89 *Агаджанов С Г* Огузская проблема и задачи ее изучения // Тюркологический сборник М , 1975 С 11

90 Там же С 15

91 *Агаджанов С Г* К этнической истории огузов Средней Азии и Казахстана // Проблемы современной тюркологии Алма-Ата, 1980 С 344–348

92 *История* Казахской ССР Т I Алма-Ата, 1977 С 358–359

93 *Бибиков М В* Византийские источники по истории Руси, народов Северного Причерноморья и Северного Кавказа (XII–XIII вв) // Древнейшие государства на территории СССР Материалы и исследования 1980 М , 1981 С 111–112

94 Там же С.110

95 *Плетнева С А* Печенеги, торки, половцы // Степи Евразии в эпоху средневековья М , 1981 С 219

96 *Атавин А Г* Некоторые особенности захоронений чучел коня в кочевнических погребениях X–XIV вв // СА 1984 № 1 С 134 -143

97 *Шнайдштейн Е В* Печенежские памятники Нижнего Поволжья // Историческая этнография Л , 1985. С 84

98 *Кригер В А* Средневековые кочевники Заволжья // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья Саратов, 1986

99 *Добролюбский А О* Кочевники северо-западного Причерноморья в эпоху средневековья Киев, 1986 С 39–46

100 Там же С 50

101 Там же С 53

102 Там же С 53

103 Там же С 57

104 *Paloczi-Horvath A* Pechenegs, Cumans, Iasians Steppe peoples in medieval Hungary Budapest, 1989

105 Там же С 31

106 Там же С 32-33

107 Там же С 38

108 *Petze Diaconu* The Petchenegs on the Lowez Danube // Relations between the avtochthonous populations on the tezzitory ob Romania Bucuzesti,1975 P 237

109 Там же P 237-238

110 Там же P 239-240

111 *M Sampetzu* Jnmozmintazi Pecenege din cimpia Dunazii // Jstozie veche T 24 Bucuzesti, 1973 P 461

Глава 3

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ ОГУЗОВ И ПЕЧЕНЕГОВ. СРАВНИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Из содержания предшествующих глав мы могли убедиться в том, что сведения средневековых авторов, сколь бы многочисленны они ни были, не дают полной и объективной картины расселения огузов и печенегов по просторам Великого Пояса евразийских степей и не снимают всех вопросов, связанных с ролью этих народов в формировании этнокультурной карты раннесредневековой Евразии Данное обстоятельство весьма наглядно проявляется в результатах локальных этнокультурных реконструкций и анализа кочевнических памятников огузо-печенежского времени, когда разные исследователи, оперируя одним и тем же материалом, приходят к противоположным выводам относительно его этнокультурной принадлежности Причина одна - отсутствие системности в анализе археологического материала, выразившееся, прежде всего, по справедливому замечанию С А Плетневой, в недостаточной разработанности признаков собственно печенежского и огузского погребального обряда, что возможно сделать только при условии учета всего степного материала[1] Попытка решения этой задачи и составляет содержание этой главы

Следует подчеркнуть, что авторы рассматривают языческий погребальный обряд, как одну из основных этномаркирующих категорий. перемещающихся в пространстве и времени только вместе с носителями конкретного этноса В своем реальном проявлении погребальный обряд представляет собои совокупность традиционных деиствий, выработанных под воздействием факторов, как материальных (окружающая среда, образ жизни, хозяйственно-культурный тип), так и духовных (религиозное мировозрение, идеология, этические и эстетические нормы) В совокупности своей эти факторы обеспечивают устойчивость и известный консерватизм языческого по-

погребального обряда, выгодно (с точки зрения проблем этнокультурных реконструкций) отличающие его от прочих археологически фиксируемых категорий культуры и от обрядов, связанных с ортодоксальными религиями. Вместе с тем, следует постоянно иметь в виду, что обряд – это совокупность действий, каждое из которых имеет свой конкретный результат и его соответствующее материальное воплощение. Взятые в отдельности эти действия и их результаты (признаки обряда) никакой этнокультурной информации, практически, не несут, поскольку очень подвижны в пространстве и времени. Иное дело – их устойчивое сочетание или система, материальным воплощением которой является погребение.

Действия, сопровождающие и составляющие процесс захоронения, и их результаты, будучи многократно повторенными, образуют устойчивые сочетания, подчиняющиеся статистическим законам и доступные соответствующим методам анализа, смысл и цели которого заключаются в выявлении устойчивых связей и тенденции тех или иных признаков, недоступных визуальному наблюдению. Будучи статистически просчитанными, эти признаки дают объективный морфологический облик анализируемой выборки погребальных памятников, который с помощью сведений письменных источников позволяет дать их этнокультурную интерпретацию, а перенесение полученных результатов на другие территории, находящиеся вне сферы внимания средневековых авторов, позволяет восстановить динамику, направление и масштабы распространения того или иного этноса по территории, в данном случае, степной Евразии.

Применительно к нашей теме и рассматриваемым памятникам торцо-печенежского времени, метод статистического анализа полностью себя оправдывает, так как в настоящее время мы располагаем достаточно представительной выборкой из 552 погребений, охватывающих территорию Великого Пояса степей Евразии от Мугоджар на востоке до Прикарпатья и низовьев Дуная на западе. Как в силу объективно-исторических (направление и районы миграции), так и субъективных (интенсивность археологических исследований) причин, все известные погребения условно можно объединить в четыре территориальные группы:

1) степное Заволжье и Приуралье – 159 погребений (или 28,8%),

2) правобережье Нижнего Дона и Северского Донца – 120 погребений (21,7%),

3) левобережная Украина (включая Крым)* 91 погребение (16,5%)[2],

4) правобережная Украина (до низовьев Дуная) – 182 погребения (33,0%) (рис 1)

В свое время В А Кригером и В А Ивановым был разработан и опубликован перечень для статистической обработки погребального обряда курганов XII–XIV вв на Южном Урале[3], который, как показала последующая работа, оказался достаточно гибким и вполне пригодным (с некоторыми дополнениями и модификациями) для анализа обряда курганов огузо-печенежского времени Все зафиксированные признаки обряда были сгруппированы в фазы, последовательно отражающие восприятие погребального памятника в процессе полевого исследования от размеров и конструкции надмогильного сооружения (фаза А) до состава погребального инвентаря (фазы Ж и З)

Суммарная характеристика погребального обряда курганов степного Заволжья и Приуралья выражается в следующих представительных для имеющейся выборки признаках[4]

фаза А – захоронения под земляными курганами (94% погребений),

фаза Б – преобладают погребения впускные в более ранние насыпи (74,2%), хотя удельный вес основных погребений также достаточно высок (21,4%), абсолютное большинство курганов содержат по одному погребению (88%) и только 11,9% – по два и более одновременных захоронения,

фаза В – 60,4% погребений совершены в простых прямоугольных или овальных ямах, по 3,8% – в ямах со ступенькой вдоль длинной стенки (слева от человека) и в подбойных могилах, 26,4% могил перекрыты деревянным настилом, у 30,2% захоронений очертания могильных ям не прослежены,

фаза Г – свыше половины могил (62,9%) содержат ритуальные захоронения остатков конской шкуры (череп и кости ног, лежащие в анатомическом порядке) или только кости ног, слева от человека на

---

*Разделяя памятники Украины на две группы, мы имели в виду локализацию восьми печенежских племен у Константина Багрянородного

дне могилы (20,8%), чаще в засыпи или на перекрытии над человеком (30,8%),

фаза Д – преобладающая ориентировка погребенных – западная (42,8%) или юго-западная (35,2%), поза установлена достоверно, у 62,9% погребений – на спине с вытянутыми руками,

фаза Е – остатки гробовищ зафиксированы в 10,7% погребении, а древесной или камышовой подстилки – 17%, часть погребений (17,6%) в качестве остатков заупокойной пищи содержала кости барана,

фазы Ж и З – абсолютное большинство погребений (92,5%) содержали вещи принадлежности конской сбруи (стремена – 39%, удила – 33,3%), оружие (наконечники стрел – 40,9%, костяные обкладки лука – 22%, сабли – 11,9%), поясные наборы или их детали (пряжки, накладки) – 48,4%, нож (31,4%), кресало (11,3%), бронзовые птицевидные нашивки или копоушки с ажурным щитком (14,4%)

Курганы Нижнего Дона

фаза А – захоронения под земляными насыпями (97%), примерно поровну основных (51%) и впускных (49%), как правило, по одному погребению в кургане (94%),

фаза В – преобладают простые прямоугольные или овальные могилы (43%), однако известны могилы с подбоем (7%) или ступенькой слева от человека (7,5%), у 43% погребений очертания могильных ям не прослежаны,

фаза Г – ритуальные захоронения конской шкуры сопровождают 75% погребений, из них в 60% шкура в разостланном виде помещалась на дне могилы слева от человека и только в 7,5% над костяком в засыпи могилы, 7,5% – погребений конские захоронения человека кенотафы?),

фаза Д – преобладающая ориентировка погребенных западная (47%) и юго-западная (36%), у 7,5% погребений ориентировка не установлена, поза – на спине с вытянутыми руками (87%),

фаза Е – остатки гробов или колод зафиксированы в 7% погребений, древесная подстилка – в 7,5%, надмогильные перекрытия – у 27% погребений, а в 26% – кости барана в качестве остатков заупокоиной пищи,

фазы Ж и З – вещи содержат 92% погребений принадлежности конской сбруи (стремена – 68%, удила – 42,5%), оружие (наконечники стрел – 58%, костяные обкладки лука – 12%, сабли – 7%), поясные наборы и их детали – 21%, нож – 10%, кресало – 7,5%

Курганы Левобережной Украины

фаза А захоронения под земляными насыпями (95%),

фаза Б – абсолютно преобладают впускные погребения (86 %), но известны и основные (14%), под курганом, как правило, по одному погребению (84%), иногда по два (15%),

фаза В – 56% захоронений совершены в простых прямоугольных или овальных ямах (в остальных очертания могильных ям не зафиксированы или единицами встречены ямы с подбоем (8 случаев) или ступенькой (4 случая), 19% погребений перекрыты деревом,

фаза Г - ритуальное захоронение конской шкуры сопровождает 55% погребений, из них в 40% разостлана на дне могилы слева от человека,

фаза Д преобладающая ориентировка погребенных юго-западная (45%), западная (33%), реже северо-западная (12%), в позе на спине с вытянутыми руками,

фаза Е - в 40% погребений зафиксированы остатки гробов или колод, а в 34% – кости барана,

фазы Ж и З – 95% погребений содержат вещи принадлежности конской сбруи (стремена – 69%, удила – 49%), железные наконечники стрел – 56%, детали поясных наборов - 13%, сабли, обкладки луков, ножи и кресала встречены в единичных погребениях

Курганы Правобережной Украины

фаза А - 97% погребений под земляными насыпями,

фаза Б - абсолютно преобладают впускные погребения (85%), но известны и основные (15%), равно как преобладают курганы с одним захоронением (84%), хотя известны и с двумя (14%),

фаза В – 40% захоронений совершены в простых могилах, у 45% очертания могильных ям не прослежаны, 10 % могил перекрыты деревом,

фаза Г - ритуальные захоронения конской шкуры обнаружены в 43% погребений, причем из них преобладают растеленные на дне могилы слева от человека (27%), но известны и уложенные над человеком (10%),

фаза Д – преобладающая ориентировка – юго-западная (50%), западная (31%) и северо-западная (10%) в позе на спине с вытянутыми руками,

фаза Е остатки гробов или колод выявлены в 22% погребений, древесная подстилка – в 7%, а кости барана в 54%,

фазы Ж и З – вещи найдены в 85 % погребении принадлежности конской сбруи (стремена 44%, удила – 37%), оружие (наконечники стрел 46%, костяные обкладки лука – 7%, сабли – 7%, остатки поясных наборов – 12%, нож – 11%)

Таким образом, первое, что нам бросается в глаза при анализе погребального обряда курганов огузо-печенежского времени в Евразиских степях, это достаточно монотонный набор признаков (впускные или основные погребения под земляными курганами, захоронения в простых могилах, в позе вытянуто на спине, головой на запад, ритуальное захоронение конской шкуры рядом с человеком или над ним) и унифицированный ассортимент сопровождающего инвентаря (детали конской сбруи, оружие, поясные наборы или их детали, нож, кресало)

Однако отмеченные выше территориальные различия исследуемых курганов ставят перед нами вопрос о степени формально-типологического сходства и различия этих памятников Для ответа на него на основании 31 альтернативного признака (табл 1) высчитываем коэффициент типологического сходства ($С_з$) по формуле $С_з$= ха2/ I ı I, где а - количество признаков, общих (совпадающих) для двух сравниваемых объектов, I I – количество признаков, присутствующих на втором объекте[5] Произведенные расчеты показывают, что наибольшее типологическое сходство обнаруживают между собой курганы Волго-Уральского региона и Правобережной Украины ($С_з$=0,82), затем курганы Волго-Уральского региона и бассейна Нижнего Дона ($С_з$–0,77) и Левобережной и Правобережной Украины ($С_з$–0,77) (табл 2) Типологическая близость двух последних групп памятников вполне понятна, поскольку из письменных источников мы знаем, что в рассматриваемое время южнорусские степи были заселены этнически однородными племенами печенегов В принципе, обе эти выборки могут рассматриваться и как единый типологический массив Гораздо сложнее объяснить высокий коэффициент сходства между Волго-Уральским и Правобережным Украинскими памятниками, находящимися на противоположных концах рассматриваемой территории В качестве рабочей гипотезы, опять-таки основанной на данных средневековых письменных источников, можно предположить, что на этих территориях кочевали племена, также близ-

кие по своему этнокультурному составу, а именно огузо-печенежские Тогда и промежуточное положение донских памятников так же находит свое логическое объяснение там обитало население, хотя и близкородственное волго-уральскому и украинскому, но с преобладанием какого-то одного этнокультурного компонента, отличающего его и от тех, и от других

Таблица 1

Представительные признаки погребального обряда курганов огузо-печенежского времени в Евразийских степях (в %)

№ п/п	Фаза	Содержание признака	Заволжье и Приур	Нижний Дон	Левобер Украина	Правобер Украина
1	2	3	4	5	6	7
1	А	Земляные курганы	94,0	97,0	97,0	95 0
2	Б	Основные погребения	21,4	51,0	14,0	15,0
3		Впускные погребения	74,2	49,0	86,0	85,0
4		Одно погребение	88,0	94,0	84,0	84,0
5		Два погребения и более	11,9	—	15,0	14,0
6	В	Могила простая	60,4	43,0	56,0	40,0
7		Могила с подбоем	3,8	7,0	–	—
8		Могила со ступенькой	3,8	7,5	—	—
9		Очертания не прослежены	30,2	43,0	44,0	45,0
10		Перекрытие над могилой	26,4	27,0	19,0	10,0

Продолжение табл 1

1	2	3	4	5	6	7
11	Г	Наличие конской шкуры	62,9	75 0	55,0	43,0
12		Шкура слева от чел	20,8	60,0	40,0	27,0
13		Шкура над человеком	30,8	7 5	—	10,0
14		Конь без человека	—	7,5	—	—
15	Д	Ориентировка западная	42,8	47,0	33,0	31 0
16		юго западная	35,2	36,0	45,0	50 0
17		северо-западная	9,4	—	12,0	10,0
18	В	Остатки гроба, колоды	10,7	7,0	40,0	22,0
19		Остатки подстилки	17 0	7,5	—	7,0
20		Кости барана	17,6	26,0	34 0	54,0
21	Ж,З	Наличие вещей	92,5	92,0	95,0	85 0
22		Стремена	39,0	68,0	69,0	44,0
23		Удила	33,3	42,5	49,0	37 0
24		Наконечники стрел	40,9	58,0	56,0	46,0
25		Кост обклад ки лука	22 0	12,0	–	7 0
26		Сабля	11 9	7,0	–	7,0

Окончание табл 1

1	2	3	4	5	6	7
27		Поясной набор	48,4	21,0	13,0	12,0
28		Кресало	11,3	7,5		—
29		Нож	31,4	10,0		11,0
30		Копоушки, птицевидные нашивки	14,4		–	—
31		Погреб без вещей	7,5	8,0	—	—
		Всего погребений	159	120	91	182

Таблица 2

Коэффициенты формально-типологического сходства курганов огузо-печенежского времени в Евразийских степях

Регионы	Волго-Уралье	Нижний Дон	Левобережн Украина	Правобереж Украина
Волго-Уралье	--	0,77	0,67	0,82
Нижний Дон	–	—	0,54	0,74
Левобережн Украина	–	—	–	0,77
Правобереж Украина	—	—	-	

Поскольку разброс значений представительных признаков в рассматриваемых выборках подчас довольно значителен (например, конская шкура слева от человека от 27% в курганах Правобережной

Украины до 60% – в курганах Нижнего Дона или наличие костей барана от 26% в донских погребениях до 54% в погребениях Правобережной Украины и т д), да и сами сравниваемые выборки по своему объему далеко не равнозначны, возникает необходимость провести еще одну «селекцию» признаков и выяснить – какие из них являются действительно объединяющими (всеобщими), какие – группирующими (локальными) и какие – разъединяющими (частными) По существующему определению, всеобщим признаком является такой, разница между показателями которого на всех сравниваемых памятниках (в нашем случае территориальных группах памятников) несущественна Локальный – признак, разница между показателями которого несущественна как минимум на двух, максимум на всех (кроме одного памятника Частный признак – это такой, величина показателя которого на одном из сравниваемых памятников является наибольшей и в то же время существенно отличается от всех остальных показателей[6]

Результаты произведенных расчетов показывают, что из зафиксированных представительных признаков обряда относятся

к категории «всеобщие» земляные курганы и поза погребенного на спине с вытянутыми конечностями,

к категории «локальные»

а) впускные погребения наличие двух одновременных погребений под одной насыпью и северо-западная ориентировка умерших , характерные для курганов Левобережной и Правобережной Украины,

б) могилы со ступенькой вдоль длинной стенки, деревянное перекрытие, одно погребение в кургане, западная ориентировка покойных, наличие в составе погребального инвентаря костяных обкладок лука, кресала, ножа, характерные для курганов Волго-Уральского региона и Нижнего Дона,

в) наконечники стрел, стремена и удила для курганов Нижнего Дона и Левобережной Украины,

г) захоронения в могильных ямах простой конструкции для Волго Уральских и Левобережных Украинских курганов,

к категории «частные»

а) юго-западная ориентировка погребенных, кости барана в могиле и безынвентарные погребения – для курганов Правобережной Украины,

б) остатки деревянных гробов – для Левобережной Украины,

в) преобладание основных погребений, могилы с подбоем в длинной стенке, преобладание погребений с ритуальными конскими захоронениями, шкура коня, уложенная слева от человека и конские «кенотафы» – для курганов бассейна Нижнего Дона,

г) помещение конской шкуры над человеком на перекрытии или в засыпи могилы древесная подстилка, полные поясные наборы и птицевидные подвески и копоушки – для курганов Заволжья и Южного Приуралья

На последней группе признаков следует остановиться особо, поскольку они позволяют внести некоторую определенность в реконструкцию этнокультурного состава степной полосы Урало-Волжского региона в X XI вв Прежде всего, с помощью машинной корреляции* обнаруживается устойчивая связь таких признаков, как помещение конской шкуры над человеком (в засыпи могилы или на перекрытии) и присутствие в составе погребального инвентаря птицевидных подвесок – нашивок, копоушек и поясных наборов (имеются в виду ремни, украшенные накладками и пряжками, среди которых есть и уздечные наборы)

Наши расчеты, таким образом, подтверждают и несколько уточняют расчеты В А Кригера, согласно которым копоушки и птицевидные нашивки коррелируются с обрядом захоронения конской шкуры над человеком[7] Правда, у нас не наблюдается такой же устойчивой корреляции между указанными (этнографическими – по В А.Кригеру) и такими характерными, по мнению В А Кригера, для рассматриваемой группы погребений признаками, как впускные могилы, могильные ямы с уступами, деревянные перекрытия и западная ориентировка погребенных, распространенными как в Заволжье и Приуралье[8], так и на Нижнем Дону и даже западнее (см выше)

В наиболее полном сочетании конская шкура над человеком, копоушки, птицевидные нашивки и поясные наборы встречаются в следующих Волго-Уральских памятниках Увак, Тамар-Уткуль (к I), Кара-Су, Ченин, Ленинск, Киляковка, Сухая Саратовка, Быково I,

---

*Все расчеты производились научным сотрудником института математики БНЦ УрО РАН Г Р Гариповой по разработанной ею программе (см Приложение 2)

II, Верхне-Погромное, Бахтияровка, Рахинка, Эльтон, Новониколь-ское I, Средняя Ахтуба, Болгарка I (всего – 59 погребений)

Картографирование перечисленных памятников показывает, что все эти погребения, выделенные В А Кригером в «погребения I-й группы Заволжья и Приуралья», локализуются в южных, прикаспийских районах региона (рис 1, 2). Опираясь на рассказ Ибн-Фадлана о погребении огуза, исследователь трактует рассматриваемые памятники как огузские[9], что, на наш взгляд, подтверждается также сведениями других арабских авторов (Истархи, Ибн-Хаукал, Масуди) о границах огузских кочевий между Итилем (Волгой) и Джурджан (Аральским морем)

Погребения с аналогичным набором признаков известны и западнее Волго-Уральских степей на Дону – 18 погребений (Кривая Лука, Барановка, Никольское V, Саркел), Левобережной Украине – 9 погребений (Рясные Могилы, Филипповка, Чермалык, Марченко Ново-Каменка), Правобережной Украине – 7 погребений (Зеленки Рядовые Могилы, Градиштя) и на Дунае (погребение в Хистрии Румынии,[10] рис 2)

Перечисленные погребения сопровождаются устойчивым набором погребального инвентаря, в котором, кроме упомянутых птицевидных нашивок, колоушек и поясных наборов, часто присутствуют фалары и бляхи-решмы (рис 27, 8–9, 11–12, 37), перстни с крупной жуковиной (рис 30, 17 18), браслеты (рис 30, 26–28) и смоляные диски, покрытые золотой фольгой с оттиснутым на них узором (рис. 30, 29 33)

«Частным» признаком для курганов Нижнего Дона является ритуальное захоронение конской шкуры, уложенной в развернутом виде на дно могилы, слева, изредка – справа от человека. Этот признак, как показывают результаты статистической корреляции, обнаруживает устойчивую связь с удилами без перегиба, чаще всего встречаемых в зубах конского черепа Всего в Евразийских степях сейчас известно 216 подобных погребений, основная масса которых (36,1%) найдены на Дону (Кулешовка, Высочино, Кастырский, Саркел, Русский Колодец, Азов I, Старица, Зензели, Калмбазар и др) и на Правобережной Украине (Тузла, Антоновка, Мирное, Каменка, Кырнацены, Помазаны V, Каневка, Поток, «Аккерманские Сады» и др – 26,2 % от указанного количества погребений), т е именно в тех регионах, которые, по единодушному и неоднократно подтвержденному мнению исследователей, составляли печенежс-

кую ойкумену Известны такие же погребения на Левобережной Украине (что вполне естественно) (Благовка, Мухина Гора, Дымовка, Светлогорск, Первомаевка II, Симферополь, Колпаковка XXVI, Шандровка II и др всего 18,9 %) и столько же в Волго-Уральских степях (Алебастровая Гора, Джангала, Александровский, Покровский, Кировский III, Колычевский, Ханская Могила, Черная Падина и др см рис 1)

В А Кригер, выделив в Заволжье и Приуралье курганы, характеризующиеся указанными признаками, в особую, вторую группу, по поводу их этнокультурной принадлежности ничего определенного не говорит[11] На наш взгляд, для того чтобы внести в этот вопрос какую-то определенность, необходимо провести сравнительно-типологический анализ памятников рассматриваемого региона и аналогичных памятников западных областей Великого Пояса евразийских степей, оставленных, несомненно, печенегами напомним, что по типологии С А Плетневой, принятой всеми современными исследователями, одиночные погребения под небольшими земляными курганами в простой неглубокой яме со шкурой коня, уложенной слева от человека на дно могилы - печенежские[12]

Приняв указанные признаки в качестве этномаркирующего репера, попытаемся выяснить степень типологического сходства курганов, составляющих рассматриваемые территориальные группы, изъяв из анализа комплексы, характеризующиеся признаками погребального обряда, а также погребения без конских захоронений, которые, с точки зрения их этнокультурной принадлежности, выглядят достаточно аморфно И хотя оставшиеся выборки количественно не велики, мы имеем возможность сравнивать их по 18 альтернативным представительным признакам (табл 3) Значения коэффициента типологического сходства C_2, учитывающего сходство сравниваемых объектов не только по одновременно присутствующим, но и по одновременно отсутствующим признакам[13], показывают, что наибольшую типологическую близость обнаруживают между собой курганы «2-й группы» Заволжья и Приуралья и курганы Нижнего Дона (C_2–0,78), затем – курганы Нижнего Дона с курганами Правобережной Украины (печенежские) (C_2–0,67), а последние – с курганами Заволжья и Приуралья (C_2=0,67)

Аналогичные результаты дают коэффициенты типологического сходства рассматриваемых групп памятников C_3, учитывающие, как уже говорилось выше, сходство объектов только по одновременно присутствующим признакам наибольшее сходство между курганами Заволжья и Приуралья и печенежскими на Нижнем Дону (C_3=0,69), а также Заволжья и Приуралья и печенежскими на Правобережной Украине (C_3=0,55)

Исходя из того, что курганы «первой» (огузские) и «второй» типологических групп в Заволжье и Приуралье различаются между собой и первые идентифицируются с огузами, выясним степень типологического сходства между указанными группами, а также печенежскими курганами Дона, Левобережной и Правобережной Украины, исключая при этом из донской и украинских групп погребения с огузскими признаками обряда

Всего, таким образом, мы получаем пять статистических выборок, сравниваемых между собой по 29 альтернативным представительным признакам (табл 4) В результате произведенных расче-

Таблица 3

Представительные признаки обряда курганов X–XI вв.с конской шкурой, уложенной слева от человека

№ п/п	Содержание признака	Правобер Украина	Левобереж Украина	Нижний Дон	Заволжье и Приуралье
1	2	3	4	5	6
1	Погребения основные	22,0		40,5	42,5
2	Погребения впускные	78,0	88,9	59,5	57,5
3	Одно погр в кургане	93,0	90,7	71,4	92,5
4	Два погр и более			23,8	
5	Могила простая	31,4	64,8	85,7	32,5

Окончание табл 3

1	2	3	4	5	6
6	Ориентировка западная	73,2	66,6	64,3	67,5
7	юго западная	–	18,5	50,0	
8	северо-западная	15,1	–	–	—
9	Остатки гроба	31,4	25,9	—	—
10	Древесная подстилка	–	24,0	–	
11	Наличие стремян	26,7	37,0	57,1	45,0
12	Удила	41,8	63,0	61,9	50,0
13	Наконечники стрел	11,6	35,2	66,6	40,0
14	Кост обкладка лука		–	38 1	32 5
15	Железный нож	31,4	51,8	50 0	
16.	Кресало	19,7	—	26,2	
17	Сабля		20,4		
18.	Погребения из вещей	20,9		–	
	Всего погребечий	86	54	42	40
	% от общего количества погребений в регионе	47,2	59,3	35 0	29,6

тов полученные значения коэффициента C_2 показывают, что наибольшую типологическую близость обнаруживают между собой курганы «второй» группы Заволжья и Приуралья и Нижнего Дона (C_2=0,79), а наименьшую - огузские курганы Заволжья с печенежскими курганами Дона и Правобережнои Украины (C_2=0,58) (табл 5) Введя критерий значимости, равный 0,8 (что, учитывая громадный территориальный разброс анализируемых памятников, представляется вполне логичным)[14], строим граф типологического сходства, который, при наложении его на карту евразийских степей, наглядно показывает, что, во-первых, наиболее близкими типологически оказываются памятники, занимающие одну (огузские и курганы «второи группы» Заволжья и Приуралья) или соседние территории (печенежские курганы Левобережной и Правобережной Украины), а во-вторых, печенежские памятники Правобережнои Украины, Нижнего Дона и курганы второй группы Заволжья и Приуралья образуют замкнутый типологический блок с высокими связями (рис 32 Б)

Последний факт, таким образом, вкупе с приведенными выше результатами, вполне определенно указывает на этнокультурную принадлежность кочевников, оставивших в Заволжье и Приуралье курганы «второй типологической группы» и позволяет видеть в них представителей той самой печенежской миграционной волны, которая, как считает Р Г Кузеев, (вслед за С А Плетневой) в конце VIII – нач IX в достигает Среднего Поволжья и Приуралья[15] По нашему мнению, это явление имело место, по крайней мере, на век позже, на что вполне определенно указывают типы, составляющие вещевые погребальные комплексы огузских и печенежских курганов Об их хронологии как в восточно-европейском, так и в региональном, Волго-Уральском, масштабах имеются специальные работы[16], поэтому мы в контексте нашего исследования больше внимания уделим типологическому сравнению огузских и печенежских вещевых комплексов на предмет выявления их общих и дифференцирующих элементов

Как показывают данные приведенных выше таблиц, стремена и удила – наиболее частая находка в рассматриваемых погребениях Стремена известны шести типов, полностью соответствующих типологиям Г А Федорова-Давыдова и А Н Кирпичникова[17] Чаще всего

Таблица 4

Представительные признаки погребального обряда печенегов и огузов в Евразийских степях (в %)

№-п/п	Содержание признака	Печенеги	Печенеги	Печенеги	Печенеги	Огузы
1	2	3	4	5	6	7
1	Погребения основные	15,0	—	58,7	64,6	19,5
2	Погребения впускные	85,0	89,0	41,3	35,4	80,5
3	Одно погребение в кургане	77,7	81,3	94,8	77,0	100
4	Два или более погреб	22,2	18,7	–	—	С—
5	Могила простая	22,2	56,0	44,3	81,2	65,8
6	Могила со ступенькой	—	—	—	—	10,9
7	Перекрытие над могилой	—	14,6	19,6	–	20,7
8	Наличие конских захоронений	43,0	54,6	74,2	83,0	—
9	Шкура слева от человека	49,2	38,6	71 1	52,0	14 6
10	Шкура над человеком	—		—	—	47 5
11	Кенотафы с конем	—	—	9,3	—	—
12	Ориентировка западная	55,5	41 3	55 7	45 8	41,4
13	юго-западная	19,0	52,0	32,0	27 0	26 8
14	северо западная	23,8	14 6	-	—	—
15	Остатки гроба	13 2	41,3	—	—	12,2

Окончание табл 4

1	2	3	4	5	6	7
16	Древесная подстилка	—	17,3	—	—	18,3
17	Кости барана (овцы)	54,0	32,0	24,7	39,6	24,4
18	Погребения с вещами	85,0	89,3	81,1	96,0	92,7
19	Наличие стремян	44,0	68,0	74,2	37,5	70,7
20	Удила	37,0	44,0	44,3	41,6	
21	Наконечники стрел	46,0	57,3	59,8	37,5	24 4
22	Костяные обк лука	7,0	—	11,3	27,0	—
23	Сабля	7,0	14,6	—	—	—
24	Поясной набор	6,0		—	—	32,9
25	Кресало	—	4,7	9,3	—	—
26	Нож	11,0	37,3	12,4	—	—
27	Колоушки птицевидные подвески	—	—	—	–	14,6
28	Серьги		—			—
29	Погребения без вещей	15 0		10,3		
	Всего погребений	175	75	97	48	82

встречаются стремена яйцевидного контура с выступающей петлей для путлища и закругленной подножкой (типа BI по Г А Федорову Давыдову или типа I – по А Н Кирпичникову (рис 18, I–5, 9, 12, 23) с абсолютным их пребыванием в огузских комплексах Заволжья

Таблица 5

Значения коэффициентов типологического сходства печенежских и огузских курганов

	Печенеги				Огузы
	Правобер Украина	Левобер Украина	Нижний Дон	Заволжье и Приуралье	
Печенеги					
Правобер Украина		0,72	0 69	0 69	0 58
Левобер Украина		-	0 65	0 62	0 62
Нижний Дон			-	0,79	0,58
Заволжье и Приурал ь					0 69
Огузы					—

и Приуралья В печенежских комплексах стремена этого типа также встречаются (Саркел, Ново-Каменка, Лакедемоновка), но наряду со стременами яйцевидного же контура, с прорезью на дужке, имеющей своеобразные «плечики» в месте перехода дужки в вогнутую подножку (тип AI – по Г А Федорову-Давыдову или тип III – по А Н Кирпичникову) (рис 18, 22) К этому морфологически близки стремена, имеющие прорезь не на дужке, а на выделенной петле (тип БIII по Г А Федорову-Давыдову) (рис 18, 13, 24) Данный тип стремян встречен только в западных районах евразийской степи (Саркел, Колпаковка)

Стремена других типов встречаются значительно реже 8-образной или грушевидной формы (тип IV по А Н Кирпичникову) (рис 18 20) – в кургане VII/2 могильника Русский Колодец, арочной формы с высоко выступающей прямоугольной или трапецевидной петлей и прямой подножкой (тип VI – по А Н Кирпичникову) (рис 18, 7) – Горшковка, Саркел, к 2, округло-арочного контура с закругленной подножкой и плечиками-выступами в месте перехода дужки в подножку

(типа ГЦ, ГIV, ГV, ДIV по Г А Федорову-Давыдову или типа IX по А Н Кирпичникову) (рис 18, 6, 8, 10) Кара-Су, Калиновский, Кривая Лука VI, Александровка (Вязовка), подобные стремена, но без плечиков-выступов (тип IX а по А Н Кирпичникову) Саркел, к 41

Все перечисленные стремена датируются главным образом X - XI вв., за исключением последних двух типов (с плечиками-выступами у перехода дужки в подножку), которые, появившись в XI в , наибольшее распространение получили в XII–XIII вв [18]

Удила особым разнообразием типов не отличаются Абсолютно преобладают как в огузских, так и в печенежских погребениях двусоставные кольчатые, с диаметром колец 3,5 -5 см (типа ГI и ГIV – по Г А Федорову-Давыдову или типа IV – по А Н Кирпичникову) Только в печенежских погребениях (Алебастровая Гора, Рубежка, Саркел, Кагарлык, Зеленки, Бурты, Забара, Градиштя и др) известны кольчатые удила без перегиба (тип В I по Г А Федорову-Давыдову или тип VI - по А Н Кирпичникову) (рис 18, 26 , 21, 6 ; 18, 28, 31, 33 38, 39) Среди них уникальная находка с костяным грызлом и железными кольцами на концах (рис 18, 30) Ново-Филипповка, к I, и с бронзовым литым грызлом (рис 22, 28) Гороховатка, к 283

Удила иных типов встречаются редко двусоставные с прямыми воздевидными псалиями (тип Б I – по Г А Федорову-Давыдову или тип П – по А Н Кирпичникову) (рис 18, 27) Калиновский, к 26· Сербка, такие же, но с выступающим щитком на псалиях (тип Б II - по Г А Федорову-Давыдову или тип I по А.Н Кирпичникову) (рис 21, 9 18, 37); Горшковка, Саркел, с широкими дуговидными псалиями (тип III по А Н Кирпичникову,) (рис 21, 6) Флоринское

Из перечисленных типов удил двусоставные кольчатые имеют достаточно широкую хронологию, а все остальные наиболее распространение имели в X- XI вв [19]

На датировке удил без перегиба следует остановиться подробнее ошибка в статистических расчетах повлекла за собой отнесение Г А Федоровым-Давыдовым указанных удил к группе хронологических признаков XII в [20], что затем, с известной оговоркой, было принято С А Плетневой[21], а вслед за названными исследователями П А Мажитовым при датировке южноуральских памятников «группы Ж»[22] Позже В А Кригер по результатам статистического анализа вещевых комплексов средневековых курганов Заволжья и Приуралья выявил факт устойчивой взаимовстречаемости удил без перегиба с типами вещей, характерными для конца IX - сер XI в (на-

конечники стрел, птицевидные нашивки, серьги)[23], к первоначальной же своей датировке указанных удил X–XI вв вернулась после детального анализа материалов кочевнического могильника у Саркела Белой Вежи С А Плетнева[24]

Преимущественно в огузских погребениях известны наборные украшения конских оголовий (что позволяет также считать их этнографическим признаком), представляющие собой бронзовые или серебряные бляшки-накладки, соединительные бляхи, бляхи-решмы и привески (по-видимому, значительная часть так называемых «поясных наборов» в огузских погребениях – это остатки оголовий) Соединительные бляхи, как правило, крестовидные с гладкими или украшенными выпуклым орнаментом лопастями (рис 27, 21 42, 45) а бляхи-решмы сердцевидные с коробочкой для бубенчика в центре (рис 27, 11-12) или круглые с сердцевидной коробочкой в центре (Быково I) (рис 28, 5) В комплексе на Алебастровой I оре найдена бляха-решма в виде плоского диска с заклепками по краям (рис 28, 7-8), а в кургане v с Барановка – решма-фалар (рис 28, 10)

В памятниках западных областей евразиийских степей (Гаевка, Сараилы-Кият Ново-Каменка, Первоконстантиновка, Старо-Шведское, Гороженое, Котовка) бляхи конских оголовии, как правило, византийского производства (рис 27, 21, 24, 27, 37–38) Судя по количеству бляшек оголовье имело нащечный, наносный, подгубный, подчелюстной, налобный и затылочный ремни

Видимо, для украшения наборных уздечек употреблялись накладки с умбоном (рис 28, 9, 11–12) и подвески-бубенчики, различающиеся по своим внешним признакам в огузских погребениях чаще встречаются подвески в виде половинки орнаметированного бубенчика (рис 30, 8, 10), а в печенежских преобладают крупные бубенчики с крестовидной прорезью в нижней части коробки (рис 30,11)

Несколько неожиданно, но в качестве своеобразного этнографического признака выступают железные рамчатые подпружные пряжки прямоугольной, 8-образной, полуовальной и круглой форм, из которых первые преобладают в комплексах Волго-Уральского региона (рис 21, 11-12), а все остальные в комплексах Европейской Печенегии (Лакедемоновка, к II/I, Русский Колодец (Южн Гр), к VII/4, Саркел, Градиштя, Плоское, Гороховатка, Степанцы) (рис 21, 14–18 , 23, 17, 19, 20, 24, 41) Там же изредка встречаются костяные фигурные подпружные пряжки (Сероглазинка, Бузовка) (рис 23, 15, 18)

Из предметов вооружения наиболее частой находкой в огузских и печенежских погребениях являются костяные обкладки лука и железные наконечники стрел Судя по имеющимся экземплярам, чаще использовались луки со срединными парными накладками овальной формы (так называемого «тюркского типа»), чаще всего встречающиеся в печенежских погребениях (Яман, Тамар-Уткуль, Саркел, Ровное, Рубежка, Челкар, Корпач, Ясырев I) (рис 19, 1–3, 11-20, 33, 34. 38-40) Иногда, и только в погребениях Волго-Уральских степей, встречаются серединные накладки в виде «двустороннего весла» (Кос-Оба Новоникольское) (рис 19, 37, 41)

Луки со срединными и концевыми накладками встречаются крайне редко и то только в наиболее ранних погребениях Заволжья и Приуралья (Яман Тамар-Уткуль, к 3 , Золотая Нива, Новоникольское Кривая Лука) (рис 19, 29-32)* Судя по расположению накладок, луки имели длину около 1 м

Железные наконечники стрел преобладают двух типов трехперые (тип AI по Г А Федорову-Давыдову) в ранних погребениях Заволжья и Приуралья (Кара-Оба, Яман, Ровное, Новоникольское, Кривая Лука,) (рис 20, 6, 15) и широко распространенные по всей степи плоские листовидные с полукруглыми вырезами у основания пера (тип BV – по Г А Федорову-Давыдову) (рис 20, 11, 20, 22, 29, 33, 34) Наконечники других типов плоские ромбические (рис 20, 12, 14, 19, 25, 28), бипирамидальные бронебойные (тип БI, II – по Г А Федорову-Давыдову,) (рис 20, 9, 18), жаловидные (тип BVI – по Г А Федорову-Давыдову) (рис 20, 35), крупный ромбический (рис 20, 23) встречаются редко и в основном в комплексах Волго-Уральского региона (Ровное, Кара-Су, Тамар-Уткуль, к I, Мертвецовский, Кара-Оба, Александровский)

Сабли – довольно редкая находка – встречаются как в волго-уральских, так и европейских (печенежских) комплексах По форме это слабоизогнутые клинки с прямой рукоятью (рис 22, 17, 21) или такие же клинки, но с рукоятью, оттянутой вперед (рис 22, 18, 20, 22) (Кара -Обу, Яман, Степанцы, к 215, 216, Бузовка III) Известна единственная находка архаичной сабли с прямым клинком (рис 22,

*Для сравнения огузо-печенежских и салтово-маяцких костяных накладок луков на рис 19 приведен комплекс Авиловского I могильника VIII в (рис 19, 26 28)

16) (Калиновскии, к 26), типа, обычного в хазарское время, а также двух легких мечей (рис 22, 13, 19) (Челкар, Частые могилы)

Другие виды оружия ближнего боя - топоры и наконечники копий – встречены в единичных экземплярах в комплексах Европейской Печенегии (Саркел, Бурты, к 320, Поток, к 400) (рис 21, 1, 3–5, 6, 20, 22, 26, 27) и у черных клобуков По внешнему контуру копья имели вид кавалерийских пик

Некоторые этнокультурные различия намечаются в распространении типов поясной гарнитуры овальнорамчатые пряжки с цельнолитым овальным (рис 24, 3, 7, 10), стрельчато-арочным (рис 24, 1, 2, 4) или фигурным щитом (рис 24, 9) более всего встречены в курганах Волго-Уральского региона (Балгарка I, Ак-Булак, Алебастровая Гора, Тамар-Уткуль, Калиновка, к 4, Верхне-Погромное I, к 1), т е , там же, где и орнаментированные наконечники ремней с полукруглым или стрельчатым завершением (рис 24, 26, 27) Здесь же найдены две из трех известных пряжек с лировидной рамкой и цельнолитым подпрямоугольным щитком «сросткинского типа» (рис 24, 14, 15, 20) (Рубежка, Быково I)

Тогда как в комплексах Европейской Печенегии распространены пряжки с подтреугольной рамкой, стрельчатым или цельнолитым фигурным щитком (рис 24, 8, 11, 29), с прямоугольной рамкой и прямоугольным цельнолитым щитком (рис 24, 12, 13, 18), лировидные, овальные или круглые бесщитковые (рис 24, 19, 21, 22) и овальнорамчатые с цельнолитым щитком, имеющим полукруглое завершение при переходе в рамку (рис 24, 16, 17, 25) (Ново-Каменка Большемихайловка II, Кагарлык, Саркел, Степанцы, Кырнашены, Поток Частые Могилы)

К категории огузских этнокультурных признаков относятся как уже говорилось выше, бронзовые подвески-нашивки в виде стилизованных фигурок птиц и копоушки с ажурным щитком Птицевидные подвески известны двух типов [1] – в виде распростертых крыльев, отличающихся степенью их раскрытости (рис 29, 1, 2, 3, 5, 6, 7) 2 – в виде стилизованной фигурки с птичьими головками и розетками на «крыльях» (рис 29, 14, 15, 17, 27 4, 5) По нижнему краю подвесок 1-го типа идут петельки для дополнительных привесок в виде круга, грозди, сердечка, трилистника или гусиных лапок

Щитки копоушек представляют собой овальную или сердцевидную рамку со стилизованным орнаментом, в котором прослеживает-

ся солярная и птичья символика (рис 29, 8, 18, 20) Очевидно, копоушки, также как и птицевидные подвески, тиражировались, так как в разных памятниках встречаются идентичные щитки (рис 29, 9, 19) (Уральск, Саркел, Хистрия)

К этой же категории огузских этнокультурных признаков следует отнести и своеобразный декоративный элемент, непонятного пока, назначения – небольшие диски, изготовленные из смолы, войлока, кожи и, возможно, дерева, покрытые золотой или серебряной фольгой с оттиснутым на ней лепестковым орнаментом (рис 30, 29–34) (Успенка, Лапас, Верхне-Погромное, к 1, Шевченко I, к 2)

Печенежским этнокультурным признаком, безусловно, являются глиняные сосуды, хотя и не часто, но встречающиеся именно в печенежских погребениях За редким исключением, все они соответствуют типам, выделенным С А Плетневой на материале Саркела Белой Вежи* По форме это кувшины с шаровидным туловом и вытянутым цилиндрическим горлом (Горшковка)* приземистые плоскодонные горшки с коротким или удлиненным горлом, с ручками или без них, украшенные насечками по венчику или прочерченным орнаментом в виде дуг-гирлянд (рис 28, 1–4 , 10, 23) (Быково I, к 10, Кара-Оба Тамар-Уткуль, к 3, Саркел, к 10, Тузла) Известна находка привозной амфоры с двумя ручками и приостренным дном (рис 4, 10) (Шевченко I) В насыпях курганов и в погребениях иногда встречаются фрагменты глиняных горшков, украшенных пояском круглых ямок по тулову (Колпаковка XXVI, к 3)

Из других вещей, достаточно часто встречаемых в огузских и печенежских погребениях, можно отметить ножи и кресала Ножи все однотипные однолезвийные, с узким прямым черешком, слегка вогнутым лезвием и закругленной спинкой (рис 22, 1–12) Рукояти были деревянными, лишь в одном случае встречен нож с костяной рукоятью в виде усеченного конуса («Коминтерн, к 1) (рис 21, 2) Судя по находке из кургана I могильника Верхне-Погромное, носили ножи в деревянных ножнах, стянутых кожаным ремешком (рис 22, 12) Реже всего ножи встречаются в комплексах Левобережной Украины

---

*Следует учитывать, что комплекс Горшковки выделенный К И Красильниковым как ранее печенежский более напоминает салтовский

Кресала чаще всего встречаются в волго-уральских и донских комплексах По форме это однолезвийные овальные с овальной прорезью (рис 23, 37) или двулезвийные калачевидные с несомкнутыми и загнутыми наружу концами (рис 23, 33, 35, 36, 38, 39) Вместе с кресалом часто находится кремень Носили их в кожаном кисете, подвешенным к поясу

Украшения в погребениях, действительно, редки (не случайно С А Плетнева одним из характерных признаков печенежского обряда считает отсутствие женских погребений)[26] и представлены в основном серьгами, редкими экземплярами браслетов и перстней Самый обычный тип серег - бронзовое, серебряное, изредка золотое кольцо с несомкнутыми концами (рис 30, 2–4) Как вариант, известна серьга с шариком на конце (рис 30, 43) В двух приуральских погребениях (Атпа и Яман) найдены серьги с грузиком-утолщением в нижней части и выступом-шариком на дужке (рис 30, 1)* В отдельных печенежских погребениях (Саркел, Флоринское, Коминтерн) найдены серьги в виде кольца с дутой бусиной-утолщением, украшенной сканью (рис 30, 5-7) Украшения этого вида более характерны для половецких комплексов

Браслеты известны трех типов в огузских погребениях Заволжья и Приуралья - из круглого гладкого дрота (Успенка, Янайкино, Лапас) (рис 30, 26, 28), там же (Успенка) – пластинчатые браслеты, украшенные насечками и ложной зернью (рис 30, 41, 42), в печенежских погребениях Нижнего Дона найдены браслеты-плетенки из тонкой или серебряной проволоки (Флоринское, Саркел) (рис 30 24 25) В Саркеле (к 37) обнаружен импортный (византийский?) пластинчатый шарнирный браслет (рис 23, 22) Перстни с крупной жуковиной (салтовского типа) известны только в огузских погребениях Заволжья (Шельник Калиновский Успенка, Лапас) (рис.30 17-20 22)

Бусы в погребениях встречаются очень редко, в основном в поздних печенежских комплексах, у черных клобуков (рис 31, 6–20) но в единичных экземплярах они известны и у огузов (Царев, Киляковка) Бусы имели различные формы, размеры расцветки, встречаются также полихромные В основной массе бусы изготовлены из стеклянной пасты,

*Оба комплекса ранние, возможно, допеченежские

но известны и сердоликовые Бусы могли составлять небольшие ожерелья, но чаще они нашивались на одежду, вместе с раковинами каури (рис 31, 5), различного вида бронзовыми накладками и нашивками В нескольких женских захоронениях сохранились остатки обуви из мягкой кожи, украшенной многочисленными бронзовыми бляшками (Увак, Киляковка к 4 п I, Антоновка) (рис 31, 30–31) Многочисленные бубенчики из бронзы (рис 30, 12–16, 40, 46–52), различных форм и размеров применялись обычно для украшения одежды и как пуговки Интересная пластинчатая бронзовая пуговка обнаружена в кургане № 3 (п 7) Верхнего Погромного (рис 30, 23) Как уже отмечалось, бубенчики украшали также узду, но для этих целей использовались крупные экземпляры (рис 30, 8–11)

Необходимо обратить внимание на то, что вещевые комплексы обычно достаточно четко фиксируют половые различия погребенных Предметы вооружения, как правило, отличают мужские захоронения а украшения, естественно, женские Но здесь нужно отметить факт присутствия в отдельных женских погребениях наконечников стрел и костяных накладок луков, а в мужских - бусин (возможно, украшавших головной убор) Ножи встречаются как в мужских, так и в женских и детских комплексах Конские оголовья, удила, стремена у огузов, также размещались в могильных ямах безотносительно с половозрастными признаками Поясные ремни с накладками более характерны для комплексов из мужских захоронений, реже они встречаются в женских, еще реже – в детских Детям обычно клали ремни с малым числом накладок, или вообще без них Естественно, имеются вещи хозяйственного назначения и обихода, которые отличают мужские и женские погребения Как правило, это достаточно редкие единичные предметы Например, среди вещей в женских могилах встречаются пряслица из стенок сосудов, цилиндрические напрясленцы (рис 28, 17) грузики конических форм «ворворки» с орнаментом и без него (рис 30, 37- 39)

Находки предметов женского туалета единичны: деревянный гребень (рис 23, 32), бронзовые зеркала (рис 27, 18. 19), пинцет Известно несколько находок бронзовых стрежней непонятного назначения (Саркел, «Человечья голова») (рис 13, 8) Среди сопровождающего инвентаря женских могил встречаются железные ножницы (рис 23 26 -31) с шарниром и вытянутыми узкими (редко – широкими) лезвиями (Саркел, Успенка, Градиштя) Ножницы встречаются в погребениях как огузов, так и печенегов В IX–XI вв они по конфигурации

имеют достаточно четкие отличия от ножниц из захоронений золотоордынского времени У огузов и печенегов ножницы меньших размеров, менее массивные, узколезвийные с прямым остроконечным завершением, с маленькими замкнутыми кольцами В могильнике Зензели среди вещей IX–XI вв обнаружены лазуритовые подвески (рис 30, 44 45), которые, по мнению Т В Макаровой, появляются в Восточной Европе в XI в [27] Аналогичные подвески-амулеты в Калмыкии обнаружены в Ястак-Худуке, Нарын-Худуке, а также в песках Бажигана Так[illegible]очительно женскими вещами были копоушки и пти[illegible] дны [illegible]и огузов

[illegible]их аксессуаров можно выделить предметы вооруже[illegible]оторых говорилось выше, а также колчаны В ран[illegible]иях огузов и печенегов иногда встречаются кожаные кол[illegible]ных каркасах, обычные у салтовцев, но они со временем вытесняются берестяными Формы колчанов IX–XI вв отличаются от салтовских они имеют прямое расширенное устье и сужаются ко дну Изредка колчаны украшались накладками, но чаще всего ук[illegible] не имели Сохраняются колчаны в погребениях плохо, поэтому находку из Новоникольского I (к 7, п 13) можно считать уникальной Чаще до нас доходят лишь боковые петли из железа, вытянутой формы (рис. 23, 1–6, 13, 14) со штифками для крепления или костяные с прорезями (рис 23, 7 8) для ремней, а также железные колчанные крючки (рис 20, 40–41) Железные и костяные петли крепились по бокам колчанов у самого устья, а крючки подвешивались к крепежному ремню, подшитому к днищу Еще одна деталь, традиционно считается колчанной принадлежностью – это своеобразные «бабочковидные» петли, изготовленные обычно из бронзы (рис 20, 37 39) Они крепились в районе устья колчана Колчаны помещались в могильные ямы, а также обычно в печенежских кенотафах, где они лежали вместе с луками, саблями и шкурой лошади (Вильнянка, Журов курган и др) (рис 6, 21–27) Стрелы в колчанах вкладывались наконечниками книзу Помимо стрел с железными наконечниками, выявлены несколько случаев использования костяных наконечников у огузов и печенегов, что отличает их от населения лесостепной зоны Приуралья, где такие находки можно считать массовыми Большинство известных нам костяных наконечников выявлены в Волго-Уральском регионе – Ак-Булак, Быково I Помимо черешковых костяных наконечников отмечен иной тип – с внутренней втулкой На торцовой

стороне стрелы иногда крепились специальные костяные втулки с выемками для тетивы

Среди рассматриваемых нами материалов можно еще выделить предметы непонятного назначения – это бронзовые кольца со скошенным краем (рис 24, 31, 31, 4) В единичных экземплярах встречены оселки, горлышки бурдюков*, костяные застежки путлищ (рис 23, 12)

Интересной находкой в погребениях IX–XI вв являются седла Чаще всего в погребениях сохраняются лишь металлические части седел стремена, подпружные пряжки, накладки – украшения передней луки (Тузла, Кара-Су), гвозди (рис 21, 8), железные петли и заклепки с полушаровидными шляпками Передние луки седел и колчаны могли украшаться костяными накладками с циркульным орнаментом (рис 14, 10–11), фигурными накладками и бляшками (рис 28, 20), фаларами (рис 28, 10), бляхами с умбонами (рис. 28, 9 11 16). Изредка бляшки изготовлялись в виде фигурок людей и животных (рис 26, 10, 12) Огузы помещали седла на деревянном перекрытии в засыпи могильной ямы вместе со шкурой лошади (Увак, Барановка Новоникольское) (рис 3, 2, 4; 17, 1) Печенежские традиции размещения седла несколько отличались, чучело лошади здесь расстилалось вдоль тела человека, слева, а на месте спины лошади клали седло со стременами (рис 3, 7, 17, 10, 16, 8) Форма седла обычная, с двумя полками, низкой задней и высокой передней луками (Новоникольское) (рис 28, 19–20)

Завершая наш обзор вещевых комплексов, следует коротко сказать о металлических накладках ремней узды и поясов (рис 25) В поясных наборах и оголовьях, часто использовались [illegible] накладки стреловидных, арочных, прямоугольных [illegible] ницы и фигурные бляшки Наиболее ранние накладки с прорезью (рис 25, 50–56, 77 [illegible]) (Яман, Тамар-Уткуль (к 3), [illegible] Кара-Су Царев) в IX – начале X в. постепенно выходят из употребления. Изготовлялись накладки большей частью из бронзы, реже [illegible] серебра В этом проявляется отличие комплексов наборных поясов степей (огузы и печенеги) и лесостепи Южного Урала, где в среде угорского населения бытует «культ серебра» В X и XI вв в степях Восточной

---

*Редкое распространение костяных наконечников

Европы получают распространение привозные оголовья (решмы, накладки, разделительные бляхи) и наборные пояса, изготовленные византийскими мастерами[29] (рис 25, 7, 16–17, 35 , 26, 1, 18–20, 23, 24, 27, 20–21, 24–29, 31, 37–39)

И последнее, что хотелось бы выделить, среди рассматриваемых нами погребении встречаются захоронения мужчин, женщин и детей Под одной курганной насыпью могли покоиться люди разных возрастов Но такая ситуация более характерна для огузов Волго-Уральского региона, что отражает стабильную ситуацию их жизни в X в Западнее у печенегов женских и детских захоронении встречается меньше И еще На примере погребений IX X вв степной полосы Восточной Европы явно проявляется ход процесса имущественной дифференциации, поскольку встречаются комплексы, богатые вещами, часто изготовленные из благородных металлов, но есть захоронения с малым числом вещей или совсем без них. Эта же закономерность фиксируется на примере детских захоронений, как правило здесь вещеи мало, но встречаются могилы с богатыми оголовьями, украшениями, ремнями.

Суммируя результаты статистического анализа погребального обряда и обзора сопровождающего инвентаря, мы можем составить своеобразные типологические матрицы огузской и печенежскои археологических культур

Для огузов - это будут впускные погребения в насыпи более ранних курганов, по одному в каждои насыпи, в простых прямоугольных могилах, иногда перекрытых деревом, в позе вытянуто на спине, головой на запад, в сопровождении шкуры взнузданного и оседланного коня, уложенной на перекрытие над человеком, с богато украшенным конским изголовьем, прямоугольными подпружными пряжками поясами с цельнолитыми овальнорамчатыми пряжками и орнаментированными наконечниками, птицевидными подвесками, копоушками, декоративными дисками и перстнями салтовского типа (рис 3,2 , 8, 1)

Для печенегов – основные и впускные погребения, иногда по два под одноi насыпью, в простых могилах, в позе вытянуто на спине, головой на запад, встречаются дощатые гробы, шкура коня – на дне могилы слева от человека, конь взнуздан и оседлан, часто в могилах встречаются кости барана, конская сбруя состоит из удил без перегиба и стремян различных типов, украшена сбруя прорезными бубенчиками, вместе с погребенным – лук со срединными костяными накладками, пояс с треугольнорамчатой, прямоугольной или лиро-

видной пряжкой, глиняный лепной кувшин или горшок (рис 4 ,8 , 16, 7 -9)

Взяв эти матрицы за основу, ниже мы попытаемся проследить путь и динамику движения огузов и печенегов по Великому Поясу степей Евразии

---

1 *Плетнева С А* Печенеги и гузы на Нижнем Дону М , 1990 С 97

2 *Константин Багрянородный* Об управлении империей/ Под ред Г.Г Литаврина и А П Новосельцева М , 1989 С 157

3 *Иванов В.А., Кригер В А* Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII -XIV вв) М , 1988 С 81–84

4 Об определении представительности признаков см *Писларий И А , Пожидаев В Ф* О применении метода процентных соотношений , Методологические вопросы археологии Киев, 1982 С 178

5 *Федоров-Давыдов Г А* Статистические методы в археологии. М , 1987

6 *Рычков Н А* Оценка представительности и характера распределения признаков погребальных памятников // Методологические и методические вопросы археологии С 172

7 *Кригер В А* Кочевники Южного Приуралья и Заволжья в средние века Автореф канд дисс М , 1985 С 14–15

8 Там же С 14

9 Там же С 16

10 *Suceveanu A* Un mormint din secolul XI e n la Histria // Istorie veche 24 Bucuresti, 1973 P 495–500

11 *Кригер В А* Кочевники Южного Приуралья С 15

12 *Плетнева С А* Печенеги, торки, половцы // Степи Евразии в эпоху средневековья Археология СССР М , 1981 С 218

13 *Федоров-Давыдов Г А* Статистические методы

14 *Генинг В Ф , Бунятин Е П , Пустовалов С Э , Рычков Н А* Формализованно-статистические методы в археологии Киев, 1990 С 102 -103

15 *Кузеев Р Г* Происхождение башкирского народа М , 1974 С 427

16 *Федоров-Давыдов Г А* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов М , 1966 С 93–116, *Плетнева С А*

Древности Черных Клобуков // САИ, вып Е1 -19 М , 1973 С 15 -18, *Кригер В А* Кочевники Южного Приуралья С 12, *Иванов В А* Хронологические комплексы X–XI вв Южного Урала и Приуралья // Хронология памятников Южного Урала Уфа 1993 С 141–150

17 *Федоров-Давыдов Г А* Кочевники Восточной Европы С 11–12, *Кирпичников А Н* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв // САИ Вып Е1-36 М , 1973 С 11–19, 43–55

18 *Кирпичников Н А* Снаряжение всадника С 55 Таблица 12

19 Там же С 19 Табл 6

20 *Федоров-Давыдов Г А* Кочевники Восточной Европы С 104, 115

21 *Плетнева С.А* Древности черных клобуков С 15

22 *Мажитов Н А* Южный Урал в VII–XIVвв М , 1977 С 34–35.

23 *Кригер В.А* Кочевники Южного Приуралья С 12

24 *Плетнева С А* Печенеги и гузы на Нижнем Дону С 48–49

25 *Плетнева С А* Керамика Саркела-Белой Вежи // МИА, 75 М , Л , 1959 С 230–238

26 *Плетнева С А* Печенеги, торки, половцы С 218

27 *Макарова Т В* Украшения и амулеты из лазурита у кочевников X–XI вв // Археологический сборник Гос Эрмитажа Л , 1962 Вып 4 С 129

28 *Марковин В И* Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы // МИА № 93 М , 1960 С 138–139, рис 45, 3–4; Он же О некоторых археологических материалах из степного Ставрополья и ближаиших земель // Исследования по археологии Юго-Восточной Европы Элиста, 1992 С 44, рис 6, 14 15

29 *Гаврилина Л* Бляхи-решмы в украшениях узды у кочевников Восточной Европы X–XI вв // Новое в средневековой археологии Евразии Самара, 1993 С 81

Глава 4

ОГУЗЫ И ПЕЧЕНЕГИ В ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЯХ (ПУТИ И ЭТАПЫ ЗАВОЕВАНИЯ)

Как уже было отмечено, весь восточный, азиатский, период в истории огузов и печенегов, равно как и пути их передвижения по азиатским степям, до сих пор возможно осветить только посредством скупых и отрывочных сведений средневековых письменных источников К сожалению, авторы этих строк в плане источниковой базы по истории и культуре огузов и печенегов в Азии находятся ничуть не в лучшем положении, чем все предшествующие исследователи То есть, мы также можем только констатировать, что единственным археологическим свидетельством пребывания огузов и печенегов в Приаралье по-прежнему остается лепная плоскодонная керамика с шаровидным туловом и примесью дресвы в тесте, украшенная насечками или защипами по венчику и тулову (так называемого джетыасарско-кердерского облика), выделенная первоначально С П Толстовым на материале нижнесырдарьинских городищ Янгикентской группы[1] Причем, если для собственно приаральских памятников подобная керамика однозначно трактуется как огузская, то исследователи Отрара найденные там аналогичные сосуды, отличающиеся, правда, наличием ручек, украшенных выступающими зубцами, связывают с другим этническим компонентом, входившим, по их мнению, в состав политической конфедерации печенежских племен[2] А если учесть, что на поселениях этого региона, уже начиная с VII–VIII вв прослеживаются устойчивые домостроительные традиции, отличающие их от синхронных нижнесырдарьинских (наличием горизонтальных дымоходов-канов) и тяготеющие к уйгурскому культурному миру[3], то мы, с учетом сказанного выше, имеем основания поставить под сомнение принадлежность районов средней Сырдарьи к огузской ойкумене в X–XI вв

К сожалению из имеющихся публикации почти невозможно получить данные относительно удельного веса «огузской керамики» в комплексе амударьинских (кердерских) поселений. Ясно только, что среди местных и хорезмиинских типов она не преобладала Поэтому, вслед за А В Гудковой, мы склонны говорить не более чем о влиянии огузов (или, точнее носителей керамики «огузского типа») на восточную часть амударьинской дельты, имея при этом в виду выдвинутую названным исследователем концепцию этнокультурного родства раннесредневекового населения нижней Амударьи (Кердер) и нижней Сырдарьи (Джеты-Асар, «болотные городища»)[4] Пожалуй, только это родство и может обяснить отсутствие капитальных оборонительных сооружений на восточных, амударьинских, рубежах средневекового Хорезма, и без того надежно прикрытых поселениями Кердера, обитатели которых, с одной стороны, находились под мощным культурным, духовным и политическим воздействием Хорезма, а с другой – являлись потомками той части населения присырдарьинских («огузских» – по С.П.Толстову) городов, которая на заре средневековья переселилась в Кердер с нижней Сырдарьи[5], то есть восточными соседями Хорезма были родственные между собой оседлые приаральские племена местного происхождения, связанные с этим государством традиционными экономическими и культурными узами. Присутствие в их среде огузов (или «огузо-печенегов»), очевидно, было столь незначительным, что не могло служить реальной угрозой для безопасности восточных границ Хорезма

Иное дело – северо-западное направление, где по южному чинку Устьюрта высилась цепь мощных укреплений и сторожевых башен, прикрывающих Хорезм со стороны прикаспиинских огузов[6] Северокаспийский (по С Г Агаджанову) или Нижневолжский центр огузских кочевий в настоящее время является едва ли не единственным районом, в котором пребывание этих племен на пути их движения на запад не только зафиксировано источниками (Ибн-Фадлан, Абу-Долеф, Константин Багрянородный), но и документировано соответствующими погребальными памятниками

Таким образом, свою реконструкцию истории огузо-печенежского нашествия на Восточную Европу мы начинаем с территории Урало-Волжского региона, где в настоящее время памятники средневековых кочевников изучены в достаточном для создания источниковедческой базы количестве

Ареал огузских курганов степного Заволжья и Приуралья позволяет очертить границы Огузской степи («Дешт-и-Огуз»), во всяком случае западной ее части, в X в На западе это конечно же Волга, являвшаяся границей между «Дешт-и-Огуз» и Хазарией Граница эта периодически нарушалась[7], но и соблюдалась достаточно жестко, поскольку на правом, хазарском, берегу Волги огузских памятников рассматриваемого времени было немного

Южная граница фактически совпадает с границами Прикаспийской низменности или Прикаспийских пустынь, которые, в силу своих природных условий, не могли быть районом концентрации кочевых племен, что мы и видим на примере огузских памятников (рис 1, 2)

Северная граница огузских кочевий в регионе выглядит хотя и довольно «размытой», но в основных своих звеньях обозначена достаточно четко Быковские курганы на Волге, Увак и Тамар-Уткуль на Илеке, который также являлся одним из районов огузского кочевания[8]

Самое сложное сейчас, это восстановить восточную границу прикаспийской части «Дешт-и-Огуз», поскольку самый восточный из известных сейчас огузских курганов (Болгарка I в верховьях Илека) расположен так, что не может связать поволжские огузские памятники со считавшимися на основании письменных источников нижнесырдарьинскими огузскими центрами Не дает материал из Болгарки I и данных для уточнения места Мугоджар (по С Г Агаджанову часть Музгарских гор у Идриси)[9] внутри огузской ойкумены, так как восточнее Мугоджар целенаправленные поиски и исследования археологических памятников еще не проводились*

Таким образом, по имеющимся археологическим данным и сведениям письменных источников, западная часть Огузской Степи - сравнительно узкая полоса территории по южной периферии Волго Уральской степи, между Южными Мугоджарами, низовьями Илека Волгой и Прикаспийскими пустынями (рис 1, 2) Многолетние археологические поиски на территории Оренбургской области, в том числе в ее восточных районах, расположенных между северо-восточными склонами Мугоджар и отрогами Южного Урала, где, по мысли

---

*Можно указать лишь погребение на р Кашка-Дарья (рис 8, 6–16) (см.: *Кабанов С К* Погребение воина в долине р Кашка-Дарья // СА 1963 №3 С 236–240)

С Г Агаджанова, должны были находиться огузские крепости Даранда и Дарку[10], положительных результатов на сей счет не дали На наш взгляд, это вполне недвусмысленно свидетельствуют о том, что прикаспийские огузы X в были кочевыми племенами, находившимися на второй стадии кочевания[11], признаком которой здесь являются если не стационарные огузские могильники, то десятки погребений, локализующиеся по левому берегу Волги и Ахтубы – в местах постоянных зимовок огузов (Масуди)

В целом, если исходить из имеющихся письменных и археологических источников, вырисовывается четкое деление племен огузской общности (традиционное для всех евразийских кочевников) на два крыла левое и правое По системе географических координат тюркского мира правое крыло огузов составляли волго-уральские (или прикаспийские) племена, территория которых на востоке, вероятно ограничивалась Мугоджарами Это была самостоятельная и в известной степени, замкнутая область, имевшая свои, обусловленные ее географическим положением, экономические и политические ориентиры на западе - соседняя Хазария, на юге - Хорезм, отделенный от «Прикаспийской Гуззии» Устьюртом (Пустыней Гуззов), по которому проходил один из основных караванных путей средневекового Востока Мы пока не можем из-за отсутствия соответствующих археологических данных доподлинно представить, как интенсивно огузы осваивали Устьюрт и как далеко они за эту территорию проникали Во всяком случае, на составленной в конце 70-х годов X в Ибн-Хаукалем карте Каспийского моря все его восточное побережье обозначено как «страна гуззов»

Левое крыло, следовательно, было представлено присырдарьинскими огузами, составившими ядро туркмено-сельджукского этнополитического объединения Это были также кочевые племена в основной своей массе населявшие среднее течение Сырдарьи, области Сыгнака и предгорья Каратау[12] Как показали дальнейшие события, область политических и экономических устремлений огузов левого крыла простиралась на юг, в сторону Хорезма и Мавераннахра

В этой схеме городища низовьев Сырдарьи (Янгикентской группы) занимают подабающее им центральное положение, выступая в роли связующего звена между огузами правого и левого крыла Правда, для волго-уральских племен мы пока не имеем никаких данных свидетельствующих о характере и формах их связей с Приаральем

Причина этого, очевидно, в неравномерной археологической изученности сравниваемых регионов, что лишает нас возможности всестороннего культурно-типологического сравнения памятников огузского времени на Сырдарье и в Волго-Уральских степях

В этом смысле и вопрос о «державе огузских ягбу», как государственном образовании с жестокой социальной и этнополитической структурой, следует оставить открытым, поскольку этнокультурное содержание этого понятия до сих пор не ясно и без соответствующих целенаправленных археологических исследований на Сырдарье и в Приаралье восстановлено быть не может

Ареал огузских погребальных памятников, а главное статистика их распространения по евразийским степям, со всей определенностью подтверждают выводы наших предшественников, отрицающих сколь-нибудь заметную роль огузских племен в формировании этнокультурной карты Восточноевропейских степей в X в [13]

Вторая типологическая группа курганов X–XI вв в степях Заволжья и Приуралья, как мы могли убедиться из результатов сравнительно-типологического анализа, приведенных в предшествующей главе, оставлена печенегами или, что будет точнее – кочевниками, составлявшими печенежско-башкирский этнополитический союз

Пребывание печенегов в регионе, кроме археологических материалов, фиксируется письменными источниками сочинение Константина Багрянородного, дневник Ибн-Фадлана, который сам видел их кочующими по берегам оз Челкар, а также книга Гардизи «Украшение известий» (1050–1052 гг), где даются координаты заволжских печенегов, поразительно точно совпадающие с ареалом соответствующих волго-уральских курганов (западнее кыпчаков, к северо-востоку от хазар, восточнее «славян» - волго-камских болгар)[14] Таким образом здесь мы имеем ту же ситуацию что и с огузами, а именно разделение печенегов на два крыла – левое (Заволжская Печенегия) и правое (Европейская Печенегия курганы Нижнего Дона и Украины). Причем, без учета этнической принадлежности его составляющих надвое делились не только сами печенеги, но и союзные и родственные с ними башкиры, о чем сообщают Масуди Аль-Балхи, Йакут аль-Хамави

В свою очередь Европейская Печенегия также делилась на два крыла, о чем мы узнаем из сочинения Константина Багрянородного, сообщающего о четырех «фемах» (племенах), кочевавших к востоку от Днепра (Куарцицур, Сирукалпеи, Вороталмат и Вулацопон) и

четырех же «фемах», кочевавших к западу от Днепра (Гиазихопон, Нижней Гилы, Харавои и Иавдертим) Было бы, конечно, интересно проследить деление и Заволжской Печенегии на «крылья», но недостаток археологического материала, а также унификация печенежского погребального обряда и набора сопровождающего инвентаря (наглядныи тому пример значение коэффициентов типологического сходства печенежских курганов Нижнего Дона, Левобережной и Правобережной Украины (см главу 2)

Таким образом, европейские и заволжские печенеги, находясь на значительном территориальном удалении друг от друга, продолжали сохранять свою этнокультурную близость, проявлявшуюся в идентичности признаков погребального обряда и основных элементов материальной культуры, тогда как соседствовавшие в урало-волжских степях огузы и печенеги не смешивались между собои и составляли две самостоятельные этнокультурные кочевые группы, памятники которых четко различаются между собой по их морфологическим показателям Причем, как это явствует из результатов сравнительно-типологического анализа погребальных памятников, даже при самом тесном общении друг с другом различие это сохранялось на всем протяжении восточноевропейской истории огузов и печенегов (памятники черных клобуков конца XII – нач XIII в [15]) и на всех территориях степной Евразии, где им приходилось соприкасаться (могильник Саркела-Белой Вежи)[16] Тем самым, как мы думаем, снимается вопрос о так называемом «быстром смешении» огузов (торков) и печенегов, якобы препятствующем их этнокультурной дифференциации[17]

Но зато возникает другой вопрос, на который пока трудно ответить однозначно, а именно как воспринимать и оценивать «огузо-печенежскую общность» в степях Заволжья и Приуралья как конфедерацию двух различных по своему происхождению кочевых народов, объединенных в политическую систему «державы присырдарьинских ябгу» (по С П Толстову) или как два самостоятельных этнополитических объединения, на «паритетных началах» владевших урало-волжскими степями?

Большинство исследователей склоняются к первому варианту, традиционно опираясь при этом на рассказ Константина Багрянородного о печенегах, добровольно оставшихся среди огузов и подчинившихся им, а также на реплику Ибн-Фадлана о большей, по сравнению с огузами, бедности приуральских печенегов Однако, очень

часто из виду упускаются альтернативные сведения о приуральских печенегах, содержащиеся в арабо-персидских сочинениях X – первой половины XI в (Абу-Долеф, Гардизи), согласно которым они предстают как народ воинственный, богатый, а главное – независимый

Итак, археологический материал в совокупности с данными средневековых письменных источников совершенно очевидно указывает на отсутствие какого бы то ни было этнокультурного смешения огузов и печенегов и, соответственно, на отсутствие какого-то симбиозного «огузо-печенежского этноса» в Заволжье и Приуралье Что касается политической зависимости заволжских печенегов от «державы огузских ябгу», то вопрос этот пока остается открытым, поскольку сами очертания и содержание этой «державы» остаются, пока, достаточно аморфными* Во всяком случае, сейчас фиксируется только та часть огузских племен, которая, преследуя печенегов, выходит в заволжские степи и останавливается там, очевидно, уже не имея достаточных сил ни для прорыва на хазарскую правобережную территорию, ни для окончательного изгнания оставшихся по его сторону Волги печенегов

Суммируя приведенные выше данные, мы можем очертить границы Заволжской Печенегии в следующих пределах на западе – это левобережье Волги в пределах современных Самарской, Саратовской и севера Волгоградской областей, затем – низовья Узеней и среднее течение р Илек Северная граница печенежских кочевий в регионе обозначена курганами X–XI вв в бассейне р.Самары (Покровский, Васильевский могильники) и по южным отрогам Бугульминской возвышенности (Колычевский могильник) Последняя, таким образом, выступает как своеобразная «буферная зона» между печенегами, населением ранней Волжской Болгарии и угорскими племенами лесостепного Приуралья – носителями культуры так называемой «чияликской или постпетрогромской керамики»[18] (рис 1) Собственно говоря, эта наша реконструкция в определенной степени совпадает с реконструкцией Заволжской Печенегии, ранее предложенной С А Плетневой (в лесостепной зоне между реками Волгой и

---

*Можно отметить лишь факт нарушения огузами границ печенежских кочевий, тогда как печенеги на огузских территориях не появлялись (См рис 144, № 131 и др)

Уралом) на основании сведении письменных источников и картографирования комплексов с удилами без перегиба[19]

В уточнении нуждается только время прихода печенегов и огузов в урало-волжские степи, хотя ни археологические, ни письменные источники, имеющиеся в нашем распоряжении, четкости, необходимой для решения этого вопроса, не дают Начнем с того, что весь археологический материал, начиная с набора вещей и кончая особенностями конских захоронений (отдельно череп или ноги, отрезанные по путовую кость), указывают на довольно широкую (для данного случая) дату – X -XI вв [20] Тогда как письменные источники освещая основные этапы продвижения огузов и печенегов по азиатским степям, дают нам следующую хронологическую шкалу в 820–821 гг огузы, изгнанные уйгуро-киргизами из Монголии и Восточного Туркестана, обрушиваются на печенежские кочевья в бассейне Сырдарьи и вытесняют печенегов на запад, в Приаралье и далее в Заволжье[21]

Но уже через 40 лет Никоновская летопись (единственная, кстати, из всех русских летописей) под 875 г как-то невнятно сообщает о разгроме князем Аскольдом печенегов[22], что, надо полагать, произошло гораздо западнее Волги Опираясь на эти данные, С А Плетнева заволжский период в истории печенегов датирует IX в , полагая, что в конце этого столетия более сильные объединения племен огузов и кыпчаков изгнали печенегов из Заволжья далее на запад Выше мы имели возможность убедиться в том, что заволжский период в истории печенегов продолжался и в X–XI вв , тогда как пребывание их в этом районе ранее второй половины - конца IX в археологически фиксируется очень слабо Точно так же, как оно не зафиксировано в степях Подонья и Приднепровья, что, по мнению названного исследователя, объясняется пребыванием печенегов в это время на первой стадии кочевания[23] К более раннему времени относит появление печенегов на Нижней Волге Л Н Гумилев (со ссылкой на Бакота и Бартольда) Говоря о событиях середины VIII в (755 г), он отмечал « дальше на запад (от Саура до Тарбагатая - *Г Г, В И.*) уйгуров не пустили печенеги, кочевья которых в это время распространились до Нижней Волги»[24] Археологические материалы этой даты не подтверждают В степях Южного Приуралья и Поволжья известно несколько комплексов, выделяющихся из разряда огузских и печенежских древностей своим обрядом и набором вещей (см «Приложение I», №№ 8, 11 (к 3), 21, 36, 41, 43, 64) Если поволжские курганы

(Барановка, Бережновка, Калиновка, «Золотая Нива») обнаруживают определенное сходство с погребениями салтово-маяцкой культуры Волго-Донья и «новинского типа» на Средней Волге, то приуральские захоронения (Яман, Тамар-Уткуль, к 3) отличаются своеобразием (рис 3, 1, 9–18) Особенно оригинально погребение Атпа II, близко напоминающее погребения кимаков (рис. 16, 13) Перечисленные погребения датируются VIII или началом IX в Более определенно, из-за малочисленности подобных комплексов говорить пока рано Однако представляется, что в данном случае мы имеем дело с допеченежскими материалами

В начале X в сразу два источника фиксируют печенегов в разных районах евразийской степи русские летописи под 915 г – у южных рубежей Киевской Руси и Ибн-Фадлан в 922 г – в Южном Приуралье В обоих районах печенеги представлены и соответствующими археологическими памятниками Эти факты позволяют предполагать, что образование Европейской и Заволжской Печенегии – это не последовательные фазы продвижения печенегов в степи Восточной Европы, а единовременный процесс обретения ими своей «новой родины» Процесс этот, исходя из традиций отечественной и зарубежной историографии, следует рассматривать как следствие длительных войн между печенегами и племенами огузо-кимако-карлукской коалиции за обладание территориями вокруг «моря Джурджан» Источником сведений об этих войнах по-прежнему остаются краткие и, фактически, одновременные сообщения Аль-Масуди, который именно в огузо-печенежских войнах видел причину ухода печенегов из Приаралья[25], и Константина Багрянородного, объяснявшего миграцию печенегов из заволжских степей натиском огузов с востока[26] С Г.Агаджанов дополняет эти сведения извлечениями из преданий, изложенных Абу-л-Гази в его «Родословной туркмен» и сказаний огузского героического эпоса «Книга моего деда Коркуга» (в частности, «Песнь о том, как был разграблен дом Салор-Казана»)[27] Опираясь на приведенные сообщения, В А Кригер делает вывод о вытеснении огузами в союзе с Хазарским каганатом печенегов из Приуралья и Заволжья в южнорусские степи[28]

Конечно, самою вероятность войн между огузами и печенегами отрицать едва ли возможно, но и поход к эпическим памятникам, как к первоисточнику по данному вопросу, нам также представляется не достаточно критичным Начнем с того, что в «Песне о том, как был разграблен дом Салор-Казана», возникшей задолго до написан-

ной в 1660–1661 гг «родословной туркмен», вообще нет никакого указания на этническую принадлежность «гяуров царя Шюкли», напавших на ставку огузского предводителя Салор-Казана Правда, в примечании переводчика сказано, что в данном случае имеется в виду Эмир Шекли – предводитель сирийских туркмен конца XI в [29] То есть, о печенегах, как об исконных врагах огузских племен, здесь речь вообще не идет

Еще менее понятную картину получаем мы, обращаясь к упоминаниям Абу-л-Гази об «Уруке Бечене», как о давнем (в течении 5–6 поколений) враге огузов (салорского иля)[30] Дело в том, что, как выясняется из контекста «родословной туркмен», Бечене – не этноним, а имя одного из 24 внуков легендарного Огуз-хана (так же, как и имя Салор-хана, главы «Салорского Иля»)[31], т е ханы Бечене и Салор – двоюродные братья Этот факт заслуживает всяческого внимания, поскольку авторы X–XI вв представляют огузов и печенегов («кангаров», «баджинаков») как два разных народа, ни слова не говоря об их возможном этногенетическом родстве

Ханы Салор и Бенече, как и прочие внуки Огуз-хана, каждый имел свой аймак или уруг, которые вместе составляли огузский народ – Иль Тот уруг, который разрастался, выдвигал (поднимал) государя для всего огузского Иля, а остальные уруги присоединялись к правящему уругу, хотя «бывало, что все они враждовали друг с другом, совершали набеги друг на друга, захватывали друг друга в плен»[32] В свете сказанного, вражда иля Бечене с илем Салор в большей степени представляется враждой двух огузских родовых группировок - уругов, нежели войной двух различных кочевых народов – огузов и печенегов

Поскольку ни один из известных средневековых письменных источников не раскрывает ни причин, ни хода огузо-печенежских войн, наиболее конструктивной нам представляется гипотеза П Б Голдена, трактующего миграцию огузов и печенегов на запад как следствие продолжительной войны карлуков и их союзников с уигурами и, позже с уйгуро-киргизами в 820 – 840 гг [33] В результате этих войн карлуки и огузы, вытесненные из Монголии в Восточный Туркестан, в свою очередь, изгнали печенегов из Восточного Туркестана в Приаралье, где они, как считает А Палоци-Хорват, соединились с кангарами, занявшими ведущее место в конфедерации печенежских орд[34] Однако, едва ли низовья Сырдарьи, удаленные и отрезанные песками от границ богатых азиатских государств, выгля-

цели в глазах печенегов и огузов «землей обетованной», за которую следовало бы драться до последеней капли крови. Скорее всего, печенеги так и продолжали свое движение на запад, до поволжских границ Хазарского каганата, куда вслед за ними вскоре прорываются и огузы

С целью очистить заволжские степи от печенегов, огузы вступают в соглашение с хазарами (обратную инициативу представить трудно, поскольку для хазар, очевидно, не было принципиальной разницы в том, кто будет тревожить их восточные рубежи, печенеги или огузы), поставив печенегов «между молотом и наковальней» Для последних из этой ситуации оставался единственный выход – идти далее в поисках более спокойного места. И конечно же вопреки мнению А Барта и некоторых других исследователей, не через территорию враждебной Хазарии[35], а в обход ее северных рубежей Таковыми, на наш взгляд, были этнополитические предпосылки образования вдоль южной кромки урало-волжской лесостепи Заволжской Печенегии, территории, которая одновременно была и промежуточным пунктом на пути движения печенегов на запад, и их глубоким тылом Именно здесь, то есть у северных границ Заволжской Печенегии, в начале X в. кочевали древние башкиры (по Ибн-Фадлану – на р Кондурча[36]) – третья группа тюркоязычных племен, зафиксированная средневековыми письменными источниками в регионе, – которых Р Г Кузеев помещает в авангарде печенежской миграции в Урало-Волжские степи[37]

Итак, оттеснив с помощью хазар печенегов на северную окраину Волго-Уральской степи, огузы получили в свое распоряжение территорию, если и не столь обильную своим природным потенциалом, то чрезвычайно удобную с точки зрения культурно-экологического взаимодействия кочевого и оседлого миров Прежде всего из нижневолжских степей открывались прямые пути к основным городским цивилизациям Восточной Европы и Средней Азии так, только Волга (кстати заметить, сама по себе являвшаяся изрядным дополнительным источником питания за счет рыболовства) отделяла огузов от хазарских городов с их рынками и ремесленными мастерскими Причем, не только письменные источники (Аль-Масуди) сообщают о регулярных зимних набегах огузов на хазарские крепости (весьма своеобразная «благодарность» хазарам за помощь в изгнании печенегов), но и соответствующие археологические памятники вообще позволяют предполагать наличие огузского «плацдарма» по право-

му берегу Нижней Волги (хут Кузин, Старица, Кривая Лука III, Барановский, Никольский V и другие), опираясь на который огузы осуществляли свои набеги на хазар и с которым последние, очевидно, вынуждены были мириться

Затем, от южных пределов огузских кочевий, у подножия Северного Чинка, шел через Устюрт древний караванный путь, снабженный колодцами, следуя которыми можно было беспрепятственно достигать северных границ Хорезма и города Кят – основного центра огузо-хорезмской торговли[38]

И наконец, в середине второй половины X в недалеко от северных границ «Дешт-и-Огуз» появляется ещё один крупный торгово-ремесленный центр Муромский городок на Самарской Луке – самый южный город домонгольской Волжской Болгарии[39].

Все эти факторы обеспечивали важное условие сбалансированного кочевнического хозяйства устойчивые торговые связи с оседлым земледельческим и ремесленным населением городов, и наличие ближних рынков сбыта для выращенного скота и захваченных рабов.

В гораздо худшем положении оказались печенеги, прижатые к южной границе Волго-Уральской лесостепи с севера вздымались отроги Бугульминско-Белебеевской возвышенности, по своим природным и климатическим условиям плохо приспособленной для кочевого скотоводства (сильно изрезанный рельеф, отсутствие крупных водных источников, толстый полметровый, и долго лежащий снежный покров, частые летние засухи)[40]. Находящаяся в стадии становления Волжская Болгария со своими еще не устоявшимися границами также едва ли была в состоянии выступить в роли покровителя как это впоследствии произошло между Киевской Русью и тюркопеченегами (Черными Клобуками). Впрочем, не исключено, что какая-то часть печенегов и могла найти прибежище в волжско-болгарских пределах, чему свидетельством, надо полагать, служит появление на поселениях южных районов Волжской Болгарии лепной плокодонной посуды (так называемая II этнокультурная группа керамики), которая, по мнению Т А Хлебниковой, типологически сопоставима с посудой памятников салтово-маяцкой культуры кочевнической группы, оставленных различными кочевыми племенами Хазарского каганата. болгарами, хазарами, печенегами и гузами[41]

Основная же масса печенегов, буквально вслед за древними мадьярами, очевидно, на рубеже 80 – 90-х годов IX в уходит из Заволжья на запад По имеющимся сейчас данным можно предположить

это произошло это незадолго до 895 года – года нападения печенегов на древнемадьярскую территорию Леведию (Лебедию)[42], которую большинство современных венгерских исследователей не очень определенно помещают в междуречье Дона и Северского Донца[43] Однако, мы имеем основания полагать, что Сев Донец являлся не западной, а именно восточной границей этой легендарной области, поскольку именно в междуречье Днепра и Сев Донца расположены все, хотя и не многочисленные, но достаточно выразительные погребальные памятники и отдельные находки, типологически связанные с древнемадьярскими древностями (Заплавские курганы, погребение у с Манвеловка Днепропетровской области Украины)[44]

Вытесненные из Леведии мадьяры перемещаются за Днепр, где и образуют еще одну этнокультурную область – Этелькез (Ателькузу), которую многие исследователи, опираясь на приведенный Константином Багрянородным перечень рек, текущих в этой области, размещают в степях Днепро-Днестровского междуречья[45], а в степном углу между Сев Донцом, Днепром и Азовским морем – печенегов

Здесь известны многочисленные памятники, позволяющие довольно точно очертить границы Европейской Печенегии X в С востока - это Северский Донец, по правому берегу которого, кроме поселений, тянется цепь городищ салтово-маяцкой культуры, образующих западную линию обороны Хазарского Каганата (Верхнее Салтово, Мохнач, Сухая Гомольта, Богородичное, Сидоровское, Маяки, Каменск-Шахтинское)[46] На севере – курганы по Орели и Ворскле, севернее которых, по Суле, шла первая оборонительная линия Киевской Руси[47] Далее, на западе выделяется группа печенежских курганов в низовьях Буга, Днестра и Когильника, рек, по верховьям которых также шла система укреплений раннего периода Киевской Руси[48] (рис 32 А)

А Палоци-Хорват, упоминая какие-то известные ему источники, но не называя их, очерчивает западные границы Европеиской Печенегии значительно западнее низовьев Дуная и Серета, а восточные доводит до Волги[49] С подобной масштабностью мы не можем согласиться, поскольку она не подкреплена соответствующими археологическими данными Во-первых, сам названный исследователь указывает, что районы концентрации печенежских поселений на территории современной Венгрии выделяются только топонимически, и потому дату их основания в настоящее время установить невоз-

можно, поскольку самые ранние документальные свидетельства об этих поселениях относятся к XIII–XIV вв [50] Во-вторых, группа печенежских погребений в аббатстве Чазд на Тисе, упоминаемая автором, датируется 1067 г ,[51] то есть относится уже к следующему периоду истории печенегов Наконец, могильники IX–Хвв по правобережью Дуная (области Фейер и Толна) – одному из центров расселения печенегов в Венгрии – еще не достаточно изучены для определения их этнокультурной принадлежности[52]

Затем, на востоке кочевья европейских печенегов до Волги также не доходили, поскольку в верховьях Сев Донца и Дона салтовская территория фактически смыкалась с территорией славянских племен северян и вятичей (роменская и боршевская культуры)[53], то есть Европейская и Заволжская Печенегии на протяжении всего X в были отделены друг от друга обширными пространствами, заселенными чуждыми и враждебными печенегам племенами, а потому, с учетом отсутствия в Волжско-Донецком междуречье печенежских памятников, предлагаемая А Палоци-Хорватом реконструкция расселения восточных печенегов (племена Вулацопон и Вороталмат) принята быть не может

Европейские печенеги в X в представляли собой мощную военно-политическую силу, державшую руку на пульсе тогдашней балкано-средиземноморской политики Причем силу, достаточно организованную и зачастую влиявшую на ход и результаты тех или иных политических акций, предпринимавшихся Киевской Русью и Византией О характере и перипетиях русско-печенежских и византийско-печенежских отношений имеются специальные исследования, к которым трудно что-либо добавить[54] Кроме пожалуй, того, что, если исходить из имеющихся данных, противоборствующие во второй половине X в в Западном Причерноморье государства в лице печенегов имели дело не просто с конгломератом кочевых орд, а с зарождающейся государственной системой наличием четко обозначенной территории обитания, внутренней родоплеменной, а по сути – административной структурой (деление печенегов на «восемь фем» или восемь родоплеменных объединений с конкретными территориями кочевания[55]), переходом ко второй стадии кочевания В отличие от С А Плетневой, считающей, что « печенеги так и не смогли, очевидно, перейти на вторую стадию кочевания или, во всяком, случае находились в начале первого этапа этой стадии, почти неразличимого по источ

никам от таборной стадии»[56], мы полагаем, что вторая стадия кочевания была господствующей формой жизни и хозяйствования европейских печенегов уже во второй половине X в На это указывает наличие в культуре европейских печенегов тех признаков, которые названный исследователь считает характерными именно для второй стадии кочевания ограниченные территории кочевания с четким определением границ кочевок (деление на восемь племен с обозначенными территориями их обитания), могильники в местах летовок и зимовок (у европейских печенегов мы наблюдаем если не могильники в полном смысле, то районы локализации погребений по северному берегу Азовского моря, в низовьях Днепра, Буга и Днестра) (рис 1)

И хотя подлинных источников, освещающих ранние этапы Европейской Печенегии, практически, нет, а археологический материал, не поддающийся хронологической дифференциации между X и XI вв , мало чем может помочь, мы считаем, что границы печенежских кочевий, в том виде, как это представлено погребальными памятниками, складываются в X в

Прежде всего, у Масуди мы находим сообщение о том, что после 932 г четыре тюркских кочевых племени Баджинак, Баджна, Баджгиру и Нукбрдх раскинули свои шатры у границ Византии и перекрыли путь «из аль-Кустантиния в Румийю»[57]

О расселении печенегов в местности Этелькез (между Днестром и Серетом) пишет в своем труде, составленном в середине X в , Константин Багрянородный[58]

Здесь, кстати, нам хотелось бы обратить внимание на упоминание племени «Баджгирд» (башкиры), которое у Масуди дважды фигурирует в связи с территорией Европейской Печенегии в упомянутом выше отрывке и в указании о том, « что море Бургара, Руса, Баджны, Баджнака и Баджгурда - они же суть три рода из Турка – есть то же, что море Нейтас» (Бонтас, Понт – Черное море)[59]

Данные сообщения, подробно рассмотренные Р Г Кузеевым[60], совершенно недвусмысленно указывают на то, что какая-то часть древних башкир в том же X в в составе печенежского союза племен (существование которого убедительно показано С А Плетневой на основании анализа сведений Константина Багрянородного)[61] уходит на запад, повторив и разделив, таким образом, судьбу своих союзников – печенегов

Исходя из этих сообщений, свое логическое место в историческом контексте приобретает и рассказ жившего в конце XII – нач XIII в Йакута ал-Хамави о встреченных им в Алеппо рыжеволосых башкирах уроженцах Венгерского Королевства[62] Характерно, что количество «местностей», которые, по их словам, башкиры заселяли в Венгрии (около 30), поразительно точно совпадает с количеством печенежских поселений в этой стране (34), документированных письменными источниками[63]

В первые десятилетия своей восточно-европейской истории печенеги вместе с русскими дружинами активно «геройствовали» у северных, придунайских, границ Византии и Болгарии до 972 г , составляя устойчивое звено созданной князем Святославом антивизантийской коалиции[64] Изменение политической конъюнктуры на западе евразийских степей в начале 970-х гг , вызванное, очевидно, не только деятельностью византийских эмиссаров, но и усилением распрей внутри Европейской Печенегии О том, что печенеги не выступали единым союзным фронтом с Русью, свидетельствует факт нападения печенежской орды на Киев в 968 г , т е в то самое время, когда Святослав в союзе с западными печенегами, вел войну с Дунайской Болгарией Да и гибель Святослава от рук печенежского хана Кури в 972 г наглядный пример неоднозначного отношения печенегов к киевскому князю

Период с 980 по 1036 гг – время активизации печенежских набегов в северном и восточном направлениях, причину которой С П Толстов усматривал в стремлении исламского Хорезма ослабить политическое влияние христианизирующейся Руси на востоке Европы, а В В Каргалов – в экстенсивном скотоводческом хозяйстве, не способном удовлетворить жажду печенежской знати к обогащению[65]

Нам же представляется, что существенную роль в изменении военно-политических интересов и устремлений печенегов могли сыграть следующие, отчасти связанные между собой факторы во-первых, к концу X в степи между Доном и Дунаем уже были плотно освоены печенегами, перешедшими, как уже указывалось выше, ко второй стадии кочевания, сопровождавшейся разделом территории степи и усилением на этой почве внутренних противоречий между племенами во-вторых, не могло не сказаться и ослабление Хазарии, так и не оправившейся до конца после святославова погрома в 965 г и, наконец, свою провоцирующую роль могла сыграть и междоусо

бица 980 г на Руси, в которой печенеги участвовали на стороне князя Ярополка[66]

Ввиду усилившейся угрозы со стороны печенегов, князь Владимир Святославович спешно укрепляет южные границы своего государства системой валов и городков «по Десне и по Оустрьи, по Трубешеви и по Суле, и по Стугуне», под защиту которых, очевидно, и уходит в конце X в славянское население с берегов Дона[67]

Набеги печенегов, естественно, не могли миновать и западных границ Хазарии, которая продолжала существовать и после похода Святослава[68] Несмотря на то, что Святослав в это время продолжал наращивать свою военно-политическую активность на Дунае, держать сильный гарнизон в захваченной во время похода 965 г хазарской крепости Саркеле (хотя и являвшейся связующим звеном между Русью и Тьмутараканскими землями) ему было явно не с руки Поэтому появление в Саркеле огузов, выступавших, как считают современные исследователи, союзниками Святослава в его хазарском походе[69], представляется вполне логичным

С А Плетнева, анализируя кочевнический курганный могильник у Саркела-Белой Вежи, приходит к выводу о его смешанном, огузо-печенежском происхождении[70] С этим трудно не согласиться, поскольку все погребения с конскими захоронениями данного могильника четко распадаются на две этнокультурные группы огузскую (захоронение коня над человеком – кург 5, 16, 45, 47, 48, 54, 56, 19/I) и печенежскую (остатки шкуры коня на дне могилы слева от человека кург 8, 21, 34, 35, 37, 53) А если учесть, что Саркельский могильник - единственное место концентрации огузских погребений X XI вв на Нижнем Дону, то предположение М И Артамонова о присутствии здесь кочевнического гарнизона выглядит вполне реальным[71]

Массовое переселение огузов (торков) в степи Восточной Европы исследователи (на основании сведений русских летописей) датируют серединой XI в [72] С П Толстов расценивал его как проявление социально-политического кризиса огузской державы, выразившегося в практически одновременном движении огузов-торков из волго-уральских степей в Восточную Европу, а огузов-сельджукидов – из Приаралья, через Хорезм – в Переднюю Азию, что, по мнению исследователя, являлось целенаправленной военно-политической акцией единого союза племен[73] Подобная трактовка данного процесса представляется нам излишне усложненной, поскольку, во-первых, реальность единой огузской державы (или единого союза племен) в

территориальных границах от Балхаша до Волги сейчас выглядит отнюдь не бесспорной и, вероятно, в настоящее время следует говорить о двух самостоятельных группировках (союзах ?) племен собственно огузской в волго-уральских и прикаспийских степях[74] и огузо-туркмено-сельджукской (этнокультурный состав и ареал которой еще нуждаются в детальном изучении) в Средней Азии, к востоку от Аральского моря. У каждого из этих союзов к началу XI в. уже вполне оформились политические и экономические ориентиры: у огузов на запад, в Хазарию, у туркменов-сельджуков - на юг, в Хорезм. Поэтому, когда на исторической арене азиатских степей появилась третья этнополитическая сила – вышедшие из Прииртышья и с Алтая кочевники кимако-кыпчакского союза племен (по С. Г. Агаджанову куны и кай)[75], направления возможного отхода для огузов были уже четко определены.

Давление кимако-кыпчаков с севера и северо-востока – вот, на наш взгляд, основная причина массовой миграции огузских племен по расходящимся направлениям. И начаться это давление должно было не позже середины 20-х гг. XI в., когда, по сведениям мусульманских историков, первые 4 тысячи туркмен переплавляются через Амударью и расселяются в Северном Хорасане[76], а следом за ними, около 1030 г., и сами кыпчаки появляются у границ Хорезма[77]. Косвенным подтверждением этого обстоятельства является тот факт, что разбитые войсками газневидского султана Махмуда туркмены не вернулись назад, за Амударью, а частью уходят в Балханские горы (юго-восточный Прикаспий), частью («две тысячи шатров») - в Азербайджан, где вступают в вассальные отношения с правителем этой области. Этот западный поход туркменов, пока не имел сколь-нибудь заметных социальных или политических последствий для населения Передней Азии, поскольку туркмены сразу же занялись грабежом азербайджанских городов, за что в 1037 г. и были изгнаны из страны[78].

Более логичными и целенаправленными выглядят действия туркменов-сельджукидов, ушедших в Балханские горы и оставшихся на Амударье. Вначале они утверждаются в Хорезме, поддержав вспыхнувшее там в 1034 г. антигазневидское восстание, а к 1040 г., собрав в один кулак силы балханских и джейхунских племен, концентрируются в Северном Хорасане, на территориях от Дихистана до Серахса[79].

Об этот туркмено-сельджукский массив и разбилось войско последнего газневидского султана Масуда, чье поражение открыло сельджукам путь на запад, в сторону Византии[80] Победоносный этот поход, начисто перекроивший этническую карту Передней Азии, продолжался до 1071 г , когда в результате разгрома сельджуками войск византийского императора Романа Диогена под Манцикертом (Малазгирдом) вся Малая Азия оказалась в их руках[8] Один из эпизодов этой битвы, а именно переход «скифского» (огузо-печенежского) отряда из византийских рядов на сторону туркменов-сельджуков[8-], возвращает нас к вопросу о миграции волго-уральских огузов-торков в Восточную Европу и о дальнейшей судьбе населения Европейской Печенегии

Если средневековые авторы, фактически, ничего не сообщают нам об обстоятельствах вытеснения туркменов-сельджуков из Приаралья и Мавераннахра, то динамику движения огузов-торков на запад Великого Пояса евразийских степей мы можем восстановить, опираясь на сообщения византийских и русских хронистов

Середина 40-х гг XI в - время нового всплеска огузо-печенежских войн, на сей раз, очевидно, спровоцированных натиском кыпчаков-половцев с востока армянский историк Матфей Эдесский под 1050 1051 гг сообщает о разгроме огузов и печенегов «рыжеволосым народом – хардеш», под которым С Г Агаджанов предполагает видеть кочевников кыпчако-половецкого союза племен[83] Однако, к берегам Днепра огузы, как считает А Курат, подходят уже в 1048 г Этим обстоятельством, очевидно, была обусловлена первая попытка печенегов массой вторгнуться в пределы Византии, предпринятая ими зимой 1046 1047 гг [84] Попытка эта, как известно, оказалась неудачной, и разбитые армией Исаака I Комнина печенеги уходят далее на запад, в Венгрию[85]

В середине XI в западная периферия Евразийских степей представляла собой бурлящий котел, в котором полностью исчезли печенеги В 1055 г огузы-торки и половцы одновременно появляются у границ Киевской Руси Но если первые какими-то своими действиями (С А Плетнева считает, что грабежом русских поселков)[86] вызвали неприязнь киевского князя Всеволода, и он зимой того же года громит их и изгоняет в степь, то вторые, озабоченные пока очищением степи от печенегов и гузов, предпочитают поддерживать мир со своим северным соседом («Того же лета приходи Блушь с половцы, и створи Всеволод мир с ними, и возвратишася въ свояси»)[87]

Отброшенные от границ Киевской Руси огузы-торки усиливают свои натиск на печенегов, вынуждая их уходить за пределы восточно-европейской степи Но поскольку путь за Дунай был чреват войной с Византией и болгарами, печенеги начинают массой переселяться в пределы Венгерского Королевства Д А Расовский, реконструируя маршрут печенежскои миграции в Венгрию, называет три возможных пути их переселения через низовья Дуная и византийскую провинцию Паристрион, через степи Нижнего Подунавья в Южные Карпаты, а также через верховья Прута и Серета – на Тису[88] Ни один из этих путей археологически не документирован, а подтвержденные документами и топонимикой территории печенежского расселения на Тисе и Дунае расположены таким образом, что не дают ни малейшего намека на направления, откуда печенеги могли приити в эти места[89] Правда, основная масса известных ныне могильников и погребений с конскими захоронениями, среди которых, по мнению Ч Балинта, возможны и печенежские (погребения с набивными или разостланными шкурами), концентрируются именно в восточных, предгорных районах современной Венгрии[90] И действительно, серию погребений, характеризующихся такими признаками, как конские кости (череп и ноги), уложенные слева от человека на дне могилы (типа Ракамаз, Кенезле I и II, Серед II, Банов, Гадораш и др) можно трактовать как печенежские Таким образом, путь через Карпаты как бы и подтверждается расположением соответствующих археологических памятников Однако, не следует забывать, что при движении через верховья Серета и Прута, печенегам приходилось выходить за пределы привычной степной территории и много дней идти через занятые волынянами-бужаками предгорья Карпат, а затем – и через карпатские горные перевалы высотой до полутора тысяч метров Еще более сложным представляется путь через Южные Карпаты и бассеин Олта и Мароша, уводящии степняков в горныи массив Семиградия, где, кстати заметить, ни древневенгерских, ни печенежских памятников пока не обнаружено

Наиболее реальным нам представляется путь по равнинам Большои и Малой Валахии, вдоль Трансильванских Альп (через низовья Дуная и провинцию Паристрион), по долине Дуная – на равнины Альфельда, где мы и находим могильники с соответствующими типами конских захоронении, в основном – в долине Тисы и Кереша

Вслед за печенегами на берегах Дуная появляются огузы-торки, которые в 1064–1065 гг совершают попытку прорыва в Византию и на Балканы В отличие от планомерной и целенаправленной экспансии огузов-сельджуков, «балканский поход» огузов-торков был не более чем разбойничьим набегом с целью грабежа и, возможно, попыткой уйти из-под нажима половцев Поэтому рассеявшиеся по Фракии и Македонии огузские отряды (возможно, погребение в Хистрии в Румынии оставлено участниками этого похода) частью погибли от внезапных холодов и болезней, частью были вырезаны извечными врагами огузов – печенегами и населением захваченных областей[91]

На берегах Дуная вновь восстанавливается военная и политическая гегемония печенегов, причем, настолько, что в 1086 г они смогли начать и вести пятилетнюю войну с Византией[92] Для огузов же последствия «балканского похода» оказались, вероятно, катастрофическими, в первую очередь, отрицательно сказавшись на их численности Наглядно это можно проследить из количественного соотношения печенежских и огузских памятников на Правобережной Украине

Остатки огузско-торческих племен искали спасения от половецких сабель под державной рукой Киевского князя, с 1060 г вынужденного отражать половецкие набеги, становящиеся регулярными Заинтересованные в создании вдоль своих южных рубежей антиполовецкого «буфера», русские князья поселяли кочевников на почти пустующих в то время землях Днепровского правобережья[93] Уже в 1080 г существовало несколько областей компактного расселения огузов-торков вдоль ближних границ Руси Одна из таких областей находилась, по-видимому, на территории Переяславского княжества, поскольку, как сообщает летописец «В лето 6588 заратиша Торци Переяславлестии на Русь, Всеволод же посла на ны сына своего Володимера Володимер же побил Тороки»[94] А в 1093 году уже существовал «Торческий град» (городище Шарки на р Рось, в 80 км южнее Киева)[95], возникновение которого едва ли было бы возможно без соответствующего оформления вассальных отношений между торками и киевским князем

С А Плетнева, анализируя раскопанные Н Е Бранденбургом в 1888 1893 гг курганы черных клобуков, расположенные по р Россаве (левый приток р Рось), разделяет их по ориентировке человека, характеру и форме сопутствующих конских захоронений на 10 ти-

нологических групп, среди которых преобладающими (28,3% от 152 погребений) оказываются печенежские (по типологии С А Плетневой – погребения группы 2), тогда как удельный вес огузских (торческих) погребений (группа 3 по С А Плетневой) едва дотягивает до 2%[96] Процент этот для имеющейся выборки черноклобуцких погребений не является представительными, а потому мы не можем даже с уверенностью сказать, отражает ли он реальное соотношение огузских и печенежских комплексов в культуре черных клобуков или это просто случайность последний след огузской культуры перед ее окончательным забвением

Как бы то ни было, но 35 огузских погребений, известные сейчас к западу от Дона (2,9 ± 2,8% от всех вместе взятых погребений огузско-печенежского времени на Дону и Украине), никак не подтверждают идеи В Златарского о политической гегемонии торков (огузов) в южнорусских степях в середине – конце XI в [97] Скорее наоборот именно разгромленные в Византии огузы-торки нашли свое спасение от полного уничтожения под защитой киевского князя, заселив «Торческии град» и положив начало Черноклобуцкому союзу, куда после 1091 г вливаются массой печенеги, разгромленные византийцами у Левуниона (чем и завершилась 5-летняя печенежско-византийская война, начатая в 1086 г) А затем наступает период, когда очевидно, торки и печенеги психологически «притирались» друг к другу (что после многолетней вражды было просто необходимо) с тем чтобы в 1116 г под предводительством молодых русских князей Ярополка и Всеволода совместно выступить против донских половцев Поход этот, как известно, закончился разгромом печенежско-торческих сил и очередным их спасением под державной рукой Владимира Мономаха. Правда, как считает С А Плетнева, под властью крутого киевского князя печенеги и торки чувствовали себя неуютно, а потому в 1121 г восстали и были изгнаны из пределов Руси Это был последний год упоминания этих двух народов по отдельности на страницах русских летописей Во второй половине XII в упоминаний о печенегах у русских летописцев мы уже не находим, да и огузы торки названы только один раз (под 1173 г), как вспомогательная сила в походах русских князей в половецкую степь[98]

---

1 *Гудкова А В* Ток-Кала Ташкент, 1964. С 72 74, *Неразик Е Г* Сельские поселения Афригидского Хорезма М , 1966 С 126 127

2 *Акишев К А , Байпаков К М , Ерзакович Л Б* Древний Отрар Алма-Ата, 1972 С 190

3 Там же С 191

4 *Гудкова А В* Ток-Кала С 140

5 Там же С 140

6 *Толстов С П* По следам древнехорезмийской цивилизации М , Л , 1948 С 249, рис 85, 5

7 *Гаркави А Я* Сказания мусульманских писателеи о славянах и русах СПб , 1870 С 131

8 *Агаджанов С Г* Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв Ашхабад, 1969 С 79

9 Там же С 57–58

10 Там же С 78

11 *Плетнева С А.* Кочевники средневековья М , 1982 С 36-43 и сл

12 *Агаджанов С Г* Очерки истории огузов и туркмен С 174

13 *Федоров-Давыдов Г А* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов М , 1966 С 139

14 *Бартольд В В* Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью 1893–1894 гг СПб , 1897 С 119 120

15 *Плетнева С А* Древности черных клобуков САИ Е1-19. М , 1973 С 15 22

16 *Она же* Печенеги и гузы на Нижнем Дону М , 1990 С 75–91

17 *Федоров-Давыдов Г А.* Кочевники Восточной Европы С 141, *Шнайдштейн Е В* Печенежские памятники Нижнего Поволжья// Историческая этнография Л , 1985 С 84, *Добролюбский А О* Кочевники северо-западного Причерноморья в эпоху средневековья Киев. 1986 С 50–53

18 *Казаков Е П* О происхождении и этнокультурной принадлежности средневековых прикамских памятников с гребенчато-шнуровой керамикой // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья Уфа,1987 С 69, рис 1Б

19 *Плетнева С А* Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // МИА 1958 №62 С 162

20 *Атавин А Г* Некоторые особенности захоронения чучел коня в кочевнических погребениях X–XIV вв // СА 1984 № 1 С 134–143, *Добролюбский А О* К проблеме этнической атрибуции и датировки погребений средневековых кочевников в причерноморских степях // Северное Причерноморье (материалы по археологии) Киев, 1984 С 76

21 *Golden P B* The migrations of the oguz // Archivum Ottomanicum IV 1972 P 60 61

22 ПСРЛ Т

23 *Плетнева С А* Кочевники средневековья С 24

24 Там же С 25

25 *Golden P B* The migrations of the oguz P 59

26 *Константин Багрянородный* Об управлении империей/ Под ред Г Г Литаврика и А П Новосельцова М , 1989 С 155

27 *Агаджанов С Г.* Очерки истории огузов и туркмен С 130–131

28 *Кригер В.А* Кочевники Южного Приуралья и Заволжья в средние века (X-XIV вв). Автореф дисс ... канд. ист наук М ,1985 С 17

29 Книга моего деда Коркута Огузский героический эпос М , Л , 1962 С 263. Примеч к гл II, 9а

30 *Кононов А.Н.* Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана Хивинского. М , Л., 1958 С 56

31 Там же С 51

32 Там же С 56.

33 *Golden P B* The migrations of the oguz P 59–60

34 *Paloczi-Horvath A* Pechenegs, Cumans, Iasians Steppe people in medieval Hungary Budapest, 1989 P 13

35 *Bartha A* Hungarian society in 9 th and 10 th centures Budapest, 1975 P 61 Степи Евразии в эпоху средневековья С 153, рис.39

36 *Ковалевский А.П* Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956 С 130

37 *Кузеев Р Г* Происхождение башкирскогоо народа. М , 1974 С 432

38 *Толстов С П* По следам древнехорезмийской цивилизации С 241

39 *Васильев И Б , Матвеева Г.И* У истоков истории Самарского Поволжья Куйбышев, 1986 С 168

40 *Физико-географическое* районирование Башкирской АССР Уч зап БГУ. Т 16 Сер геогр , № 1 Уфа, 1964 С 70–73

41 *Хлебникова Т А.* Керамика памятников Волжской Болгарии М , 1984 С 216–217

42 *Paloczi-Horvath A* Pechenegs, Cumans, Iasians P 12

43 *Dienes I* Les hongrois conguerants Budapest, 1972 P 8, *Fodor I* In search of a New Homeland Budapest, 1982 P 216–217

44 *Иванов В А* Древние угры-мадьяры в Восточной Европе Уфа 1999 С 99 101

45. Там же. С.98–99; С. 103–105

46. *Плетнева С.А.* От кочевий к городам. М., 1967. С.21, рис. 5; *Она же.* На славяно-хазарском пограничье. М., 1989. С 8, рис. 1.

47. *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв М., 1982. С.385; *Археология* Украинской ССР. Т 3. Киев, 1986. С.373. Карта 6.

48. *Археология* Украинской ССР. Т.3. С.373.

49. *Paloczi-Horvath A.* Pecheneges, Cumans, Iasians. P.36.

50. Там же. С.32–33.

51. Там же. С.37.

52. *Археология* Венгрии. Конец II тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М., 1986. С.334.

53. *Седов В.В.* Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982. С.135 Карта 20.

54. *Сахаров А.Н.* Дипломатия Святослава. М., 1991 С.159; *Каргалов В.В.* Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. М., 1967. С.23–34 и. др.

55. *Константин Багрянородный.* Об управлении империей .. С.155–157; *Плетнева С.А.* Печенеги, торки и половцы ..

56 *Плетнева С.А.* Кочевники средневековья ... С.56.

57 *Гаркави А.Я.* Сказание мусульманских писателей о славянах и русах. СПб., 1872 С.127.

58. *Константин Багрянородный.* Об управлении империей . . С.165

59 *Гаркави А Я.* Сказания мусульманских писателей .. С 127

60 *Кузеев Р.Г.* Происхождение башкирского народа ... С.145–154

61 *Плетнева С.А.* Печенеги, торки и половцы ... С.192.

62. *Хвольсон Д.А.* Известия о хазарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и русских Ибн-Даста, арабского писателя начала X века // ЖМНП, 1868. Ч.140. С.711.

63 *Paloczi-Horvath A.* Pecheneges. Cumans, Iasians . . P.8–9, 12.

64 *Сахаров А Н.* Дипломатия Святослава .. С 159–160.

65. *Толстов С П.* По следам древнехорезмийской цивилизации С.259–262; *Каргалов В.В.* Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. С.28.

66 ПСРЛ Т 2 СПб. 61–62, 66.

67. *Седов В В.* Восточные славяне ... С.142.

68 *Артамонов М.И.* История хазар. Л., 1962. С.428–431.

69. Там же. С.433–434.

70. *Плетнева С.А.* Печенеги и гузы на нижнем Дону. М , 1990.

71 *Артамонов М.И.* Саркел-Белая Вежа // МИА 1958. № 62 С.77–78

72 *Федоров-Давыдов Г.А.* Кочевники Восточной Европы . С.141

73 *Толстов С П.* Города гузов // СЭ. 1947 № 3. С 85–86

74. *Агаджанов С.Г* Огузская проблема и задачи ее изучения // Тюркологический сборник М., 1975 С.15

75 *Он же* Очерки истории огузов и туркмен С 154–158

76. *Заходер Б.Н* Хорасан и образование государства сельджуков // ВИ 1945 № 5/6 С 137

77 *Бартольд В В.* Соч Т.5. М , 1968. С 401

78 *Заходер Б Н* Хорасан и образование государства .. С 137

79 *Якубовский А.* Сельджукское движение и туркмены в XI веке // Изв АН СССР Отделение общественных наук 1937 № 4 С 935–938

80 Там же С 942

81 *Гордлевский В* Государство Сельджукидов Малой Азии М Л ,1941 С 22–23

82 *Kurat A.N* Peceneg tarihi Istanbul, 1937 P.154. и сл

83 *Агаджанов С Г* Очерки истории огузов и туркмен . С 158

84 *Михаил Пселл* Хронография/ Перевод, статья и примечания Я Н Любарского М , 1978 С.160

85 *Paloczi-Horvat A.* Pechenegs P.31

86 *Плетнева С А* Половцы. М , 1990. С 25

87 ПСРЛ Т 2 М , 1962 С 151

88 *Расовский Д А Печенеги, торки и берендеи на Руси и в Угрии* Seminarium Kondakovianum VI Прага, 1933

89 *Paloczi-Horvat A* Pechenegs, Cumans, Iasians P 28–29

90 *Балинт Ч* Погребения с конями у венгров в IX–X вв // Проблемы археологии и древней истории угров М , 1972 С.180-181 *Археология* Венгрии С 335

91 *Kurat A N* Peceneg tarihi P 152

92 *Анна Комнина* Сокращенное сказание о делах Алексея Комнина СПб , 1859, *Любарский Я.Н.* Византийско-печенежская война 1086–1091 гг на территории Балкан // Славянские исследования Л , 1960

93 *Плетнева С.А* Древности черных клобуков. С.24

94 ПСРЛ Т 2 С 196

95 *Плетнева С.А* Древности черных клобуков С 25

96 Там же С 12-14, 21-22

97 *Златарски В.* История на Българската държава през средните векове София, 1972 Т 2 С 366–367

98 *Плетнева С А* Древности черных клобуков С 27

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, мы могли убедиться в том, что в процессе своего продвижения по евразийским степям огузы и печенеги оставили после себя археологически фиксируемые следы, позволяющие не только проследить путь и время их экспансии, но и очертить ареалы их наибольшей концентрации, зачастую совпадающие с соответствующими указаниями современных этим племенам авторов Самым восточным таким районом пока остаются степи Заволжья и Южного Приуралья, где рассматриваемые народы, как об этом свидетельствуют нарративные и археологические данные, появились в конце IX или на рубеже IX–X вв. Именно в этом регионе отчетливо проявляются все этнодифференцирующие признаки огузской и печенежской «археологических культур», которые, будучи экстраполированы на памятники других территориальных групп, раскрывают масштабы этнокультурного присутствия рассматриваемых народов в различных регионах Великого пояса степей Евразии Полученные результаты определенно указывают на то, что в X–XI вв пограничные степные районы Европы и Азии находились под явной этнокультурной доминантой огузских племен, для которых степное Заволжье стало как бы последним пунктом их «добровольной» миграции и глубин Центральной Азии Видимо, вполне отвечая всем требованиям кочевого образа жизни (наличие свободных степных пространств, выход к границам оседлых государств, отсутствие адекватного политического противника), этот регион на полтора столетия становится одним из центров огузской ойкумены, где огузы переходят ко второй стадии кочевания

Их соседи, племена печенежско-башкирского этнополитического союза, будучи оттесненными к северной периферии волго-уральской степи, также получили свою экологическую нишу, вполне, надо полагать, их устраивавшую Судя по типологическим различиям погребальных памятников в регионе, кочевые племена Заволжья и Приуралья придерживались определенного территориального паритета, не смешиваясь друг с другом (очевидно, память о приаральс-

ких войнах была еще достаточно свежа), но и не воюя между собой (хотя отдельных набегов башкир – «самых воинственных из тюрок» – на огузские кочевья исключать также не приходится).

Это обстоятельство, наглядно выраженное в археологическом материале, дает основание говорить о наличии в X–XI вв. к востоку от Волги двух территориально-этнических образований. «Дешт-и-Огуз» и «Заволжской Печенегии». Последнее название в известной степени условно и продиктовано степенью формально-типологического сходства заволжских курганов «второй группы» (по В.А.Кригеру) и печенежских курганов Нижнего Дона и Правобережной Украины. Не исключено, что, по мере накопления и обработки археологического материала из заволжско-приуральских степей, свое археологическое наполнение получит понятие «Древняя Башкирия», поскольку мы предполагаем, что именно в составе заволжских печенегов в рассматриваемое время в Заволжье и степном Приуралье кочевала часть древних башкирских племен, «археологическую культуру» которых, в силу их тесного этнокультурного родства с печенегами, выделить пока очень трудно.

Ушедшие в результате огузо-печенежских войн конца IX в. на запад печенеги и оставшаяся в их составе часть древних башкир установили свою этнокультурную доминанту на западной периферии евразийских степей, четко очерченной низовьями Дуная, Прикарпатьем, правобережьем Северского Донца и Нижнего Дона. Это было правое, и основное, крыло печенежской ойкумены в евразийских степях, в силу своей многочисленности и военно-политической активности сохранившее, практически, в целостности свой этнокультурный облик во всех превратностях военно-политической истории XI–XII вв (чему наглядное свидетельство типологическая принадлежность курганов Черноклобуцкого союза).

Иной, более драматичный, путь прошли огузы (торки), которые будучи изгнанными в Европу половецко-кыпчакским нашествием (которое предварительно, очевидно, и оторвало заволжских огузов от их огузо-сельджукских сородичей, победоносно прошедших через всю Переднюю Азию), уже не смогли обрести там своего места и после гибельного для себя похода в Византию, растворились в печенежской среде, оставив только свое имя на страницах русских летописей

Заключая настоящую свою работу, мы можем вполне определенно сказать, что, во-первых, имеющиеся на сегодняшний день архе-

логические материалы четко дифференцируют даже два таких родственных по своей культуре и облику жизни народа, как огузы и печенеги, и, следовательно, у нас нет оснований сомневаться в решающей роли археологического анализа (даже при наличии корпуса нарративных данных) при этноисторических реконструкциях. А во-вторых, пример огузов и печенегов показывает, что при взаимодействии даже близких этносов один чаще всего (или всегда) оказывается, в силу объективных, может быть и не всегда выявляемых, исторических обстоятельств, в более оптимальных условиях, и именно он, а не какой-то симбиозный этнос, определяет облик и содержание конечного результата этнокультурного взаимодействия. Возможно, в будущем мы сможем установить, в каком направлении шел процесс взаимодействия огузов и печенегов (или племен печенежско-башкирского объединения) в Заволжье и Приуралье. Что касается Европейской Печенегии, то здесь печенеги взяли своеобразный реванш за поражение в приаральских войнах, вначале отторгнув пришедших с востока огузов-торков, а затем и поглотив их разрозненные остатки. Поэтому «черные клобуки» – это не этнос в полном смысле этого слова, а данный со стороны этноним, обозначавший печенегов, чающих найти себе защиту от половецких сабель на границах Киевской Руси.

Иной расклад сил фиксируется в том же XI в. на просторах Присырдарьинских степей. Здесь представители различных тюркоязычных племен (огузов, халаджей, карлуков) группируются в рамках полиэтнического объединения «туркмен», верховенство в котором концентрируются в руках представителей клана Сельджукидов[3]. Туркмены выступили под знаменем ислама против огузских правителей Янгикента и их языческих соплеменников. Эта война во многом напоминала гражданскую, а плодами ее, как часто бывает, воспользовалась третья сила – кыпчаки. Сами сельджуки делились на два крыла. правое (бузуки) и левое (учуки) Причем бузуки считались более привилегированными. В состав «младших» племен (учуки) входило племя баджана, т е. печенеги[4]. Таким образом, под давлением кыпчаков (половцев) и на западе – в Причерноморье, и на востоке – в Средней Азии, осколки огузских и печенежских орд вынужденно объединяются, хотя и с различной этнической доминантой

Ограниченные рамки нашей работы не позволили остановиться на многих проблемах истории и культуры огузов и печенегов На-

пример, мы не рассматривали вопроса о военном деле, несмотря на то, что на примере привлекаемых нами материалов явно фиксируются интересные закономерности Можно лишь кратко сказать, что и печенеги, и огузы выставляли в бою лаву легковооруженных конных лучников. Об этом позволяют говорить массовые находки в погребениях луков, колчанов, стрел при незначительном количестве оружия ближнего боя (сабли, топоры, а также копья). Защитное вооружение почти полностью отсутствует в глубинах степи, и лишь на границах с Русью, у черных клобуков, отмечены находки шлемов и кольчуг.

Не менее важная проблема фиксируется на материалах огузских погребений Нижней Волги (Ровное к. 4 п. 8; Политотдельное к. I п. 5 6, Новоникольское к. 3 п. 8, Черная Падина и др.). Здесь в обряде захоронения явно проступают черты мусульманских канонов. Из сообщения Ибн-Фадлана мы знаем, что отдельные группы огузов принимают ислам еще в X в. Для основательного рассмотрения этого вопроса необходимы дополнительные материалы. Это дело будущего.

---

1. *Плетнева С.А.* Половцы. М., 1990.

2. *Suceveanu Al.* Un mormint din secolul XI e.n. La Histria // Istoria veche. T. 24, № 3 /4. Bucuresti, 1973. P. 495–502.

3. *Агаджанов С.Г.* Государство сельджукидов и Средняя Азия XI–XII вв. М., 1991. С.5.

4. Там же. С.20.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

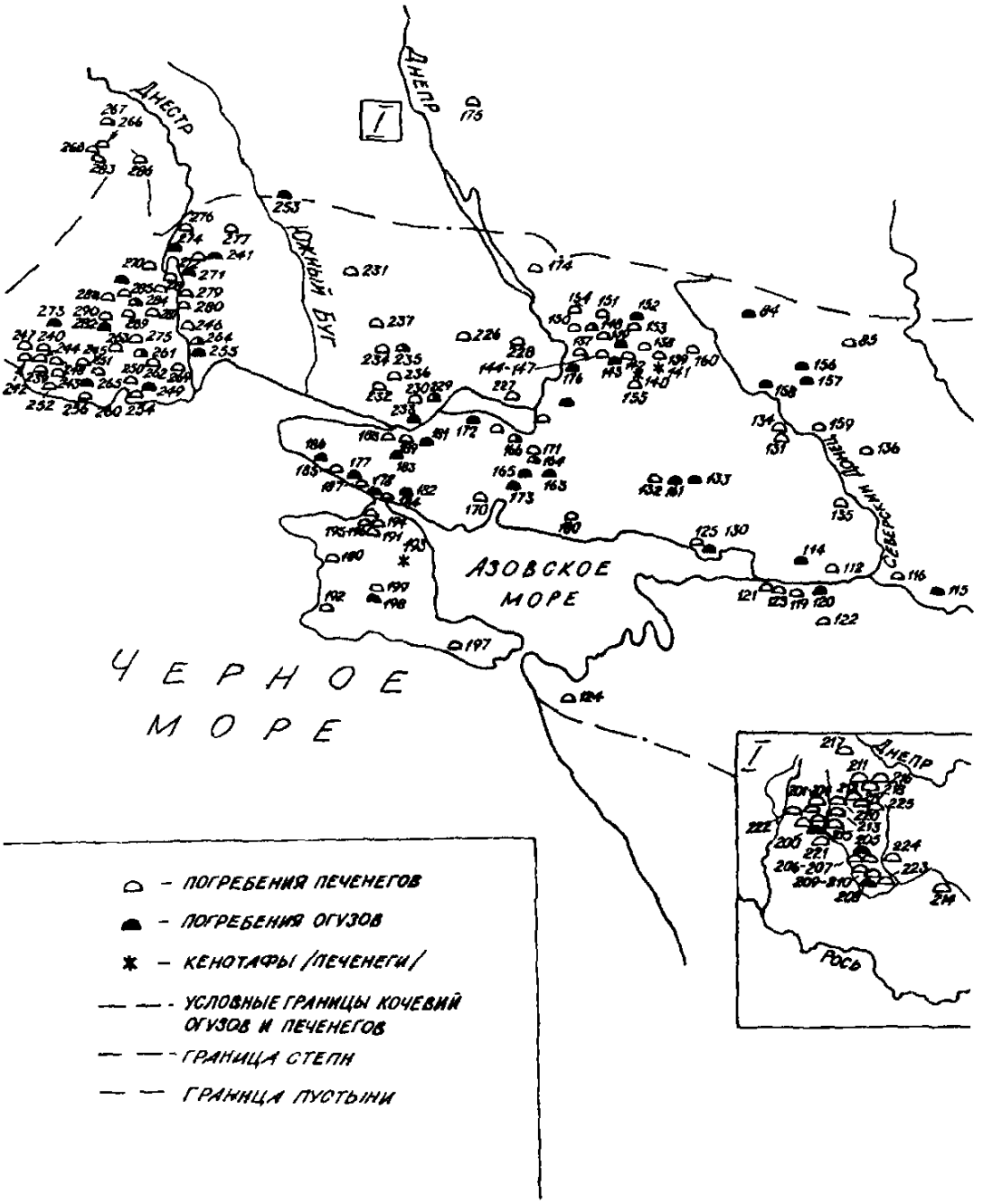
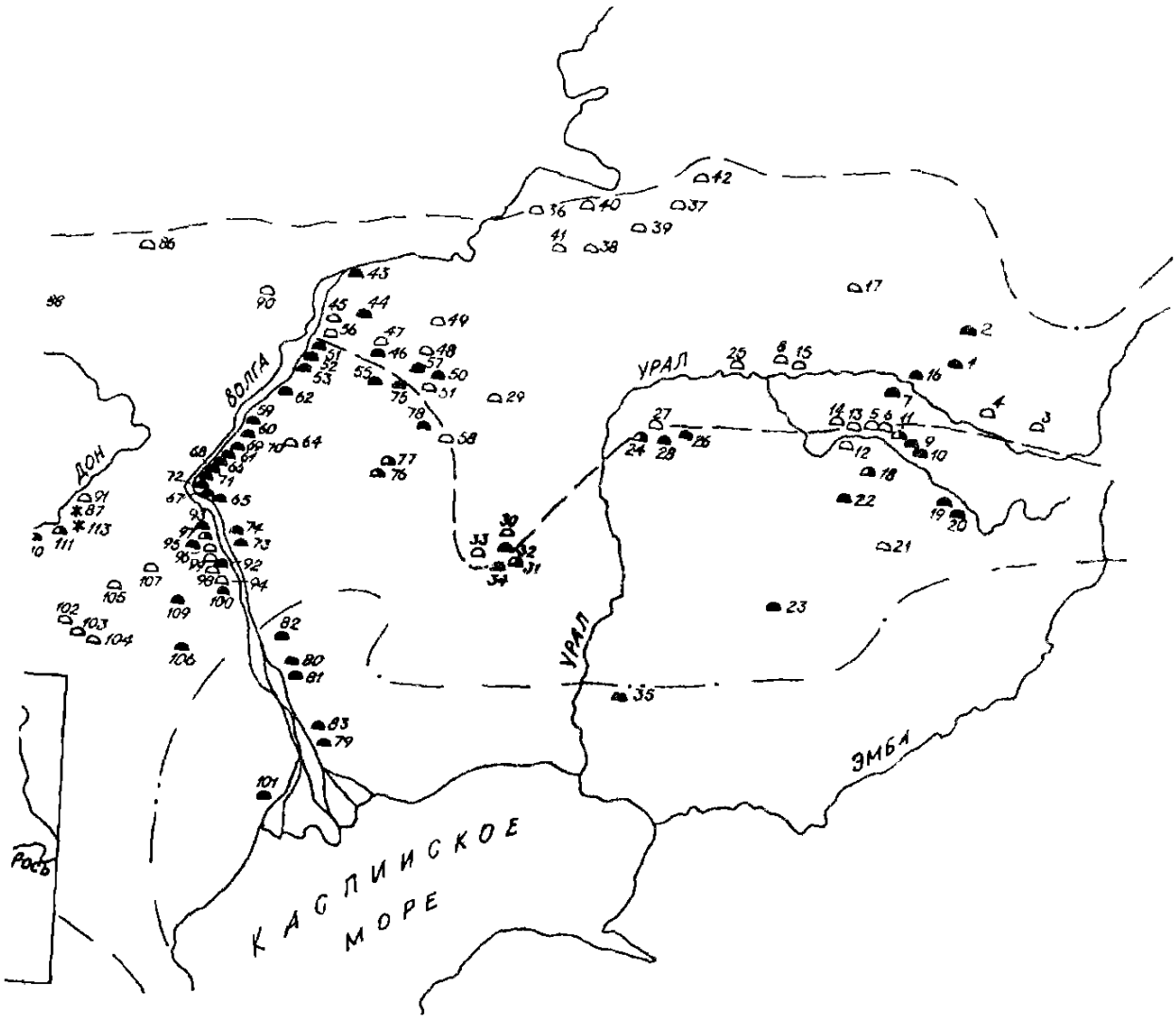


Рис. 1. Карта расположения курганов и курганных могильников огузов и печенегов


ВОЛГА
ДОН
УРАЛ
УРАЛ
ЭМБА
КАСПИЙСКОЕ
МОРЕ
Русь

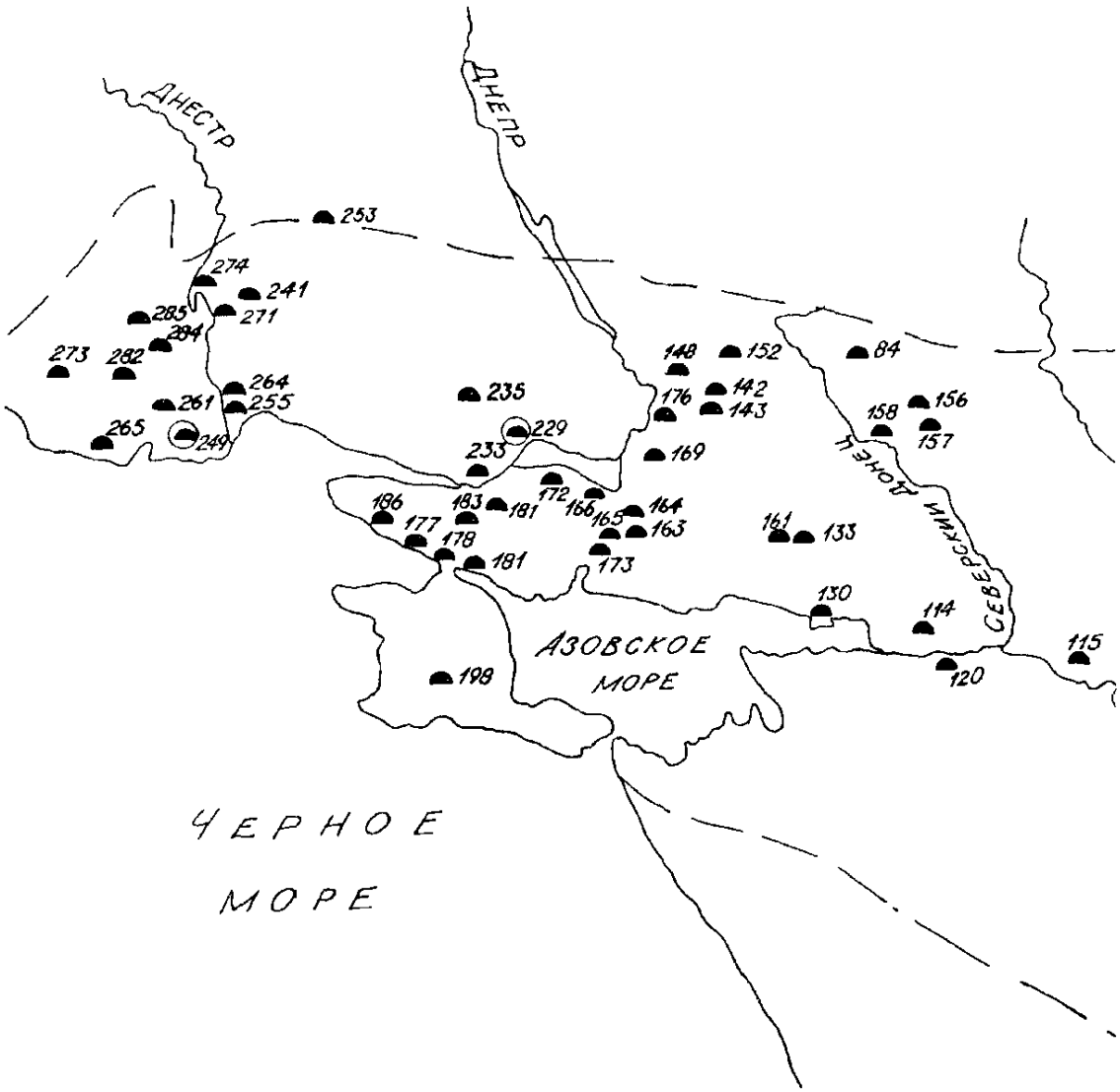


Рис. 2. Карта расположения погребений огузов

———·——— – граница степи

– – – –"– – – – граница пустыни

– погребения, где найдены птицевидные накладки и копоушки

ВОЛГА
ДОН
УРАЛ
ИЛЕК
УРАЛ
ЭМБА
КАСПИЙСКОЕ МОРЕ
43
44
51
52
53
46
55
57
50
75
62
59
60
69
66
68
61
69
71
67
300
65
97
93
95
74
73
92
111
110
109
100
106
82
80
81
83
79
101
78
77
32
31
34
293
24
26
27
35
23
2
1
16
7
11
9
10
18
22
19
20

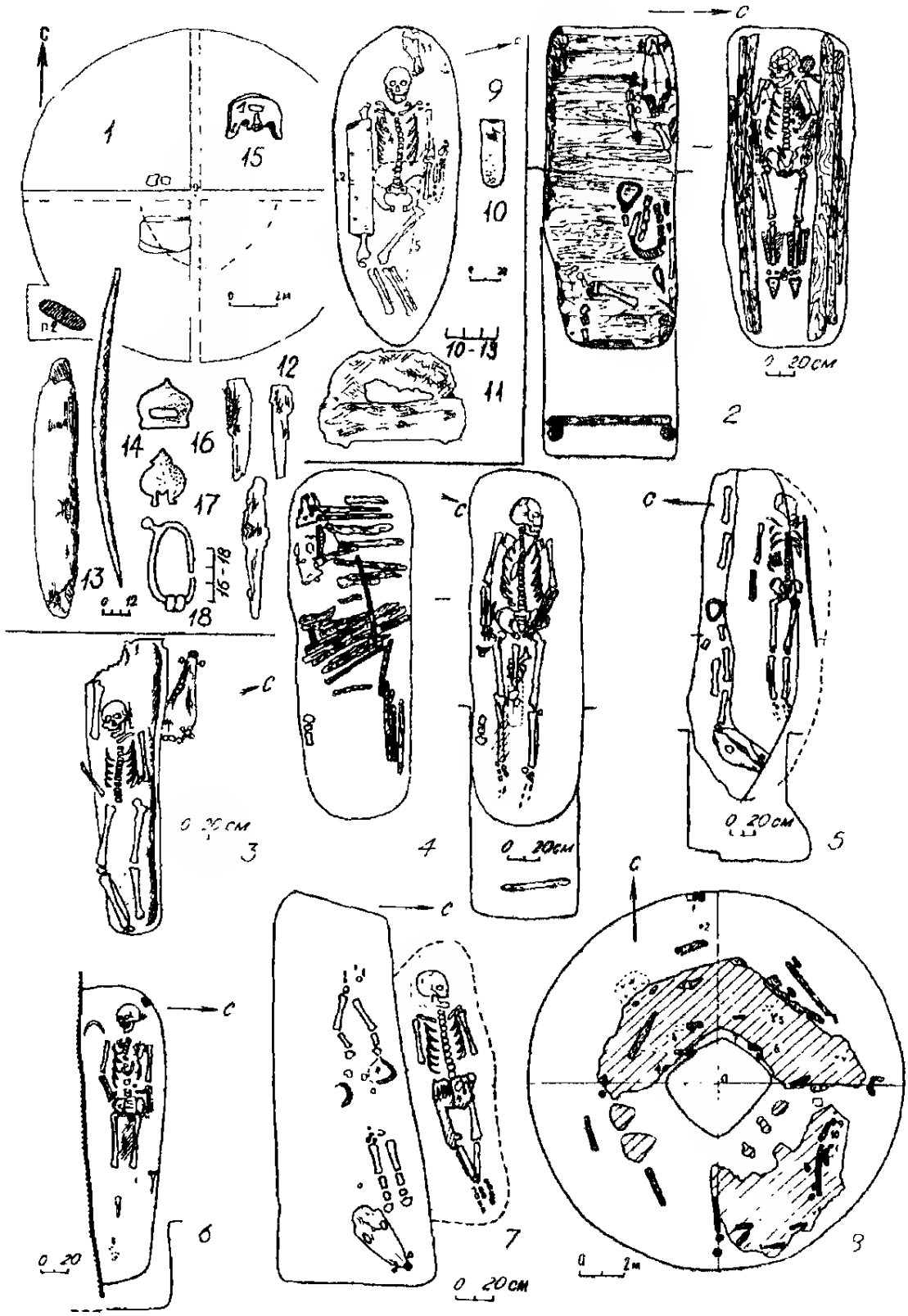


Рис. 3. Погребения огузов и печенегов Урало-Поволжского региона:
1, 9 –18 – Яман; *2* – Увак; *3* – Алебастрова гора; *4* – Быково I, 16/9; *5* – Кара-Су, 10
6 – Успенка; *7* – Кара-Су, *20*; *8* – Иловатка, I

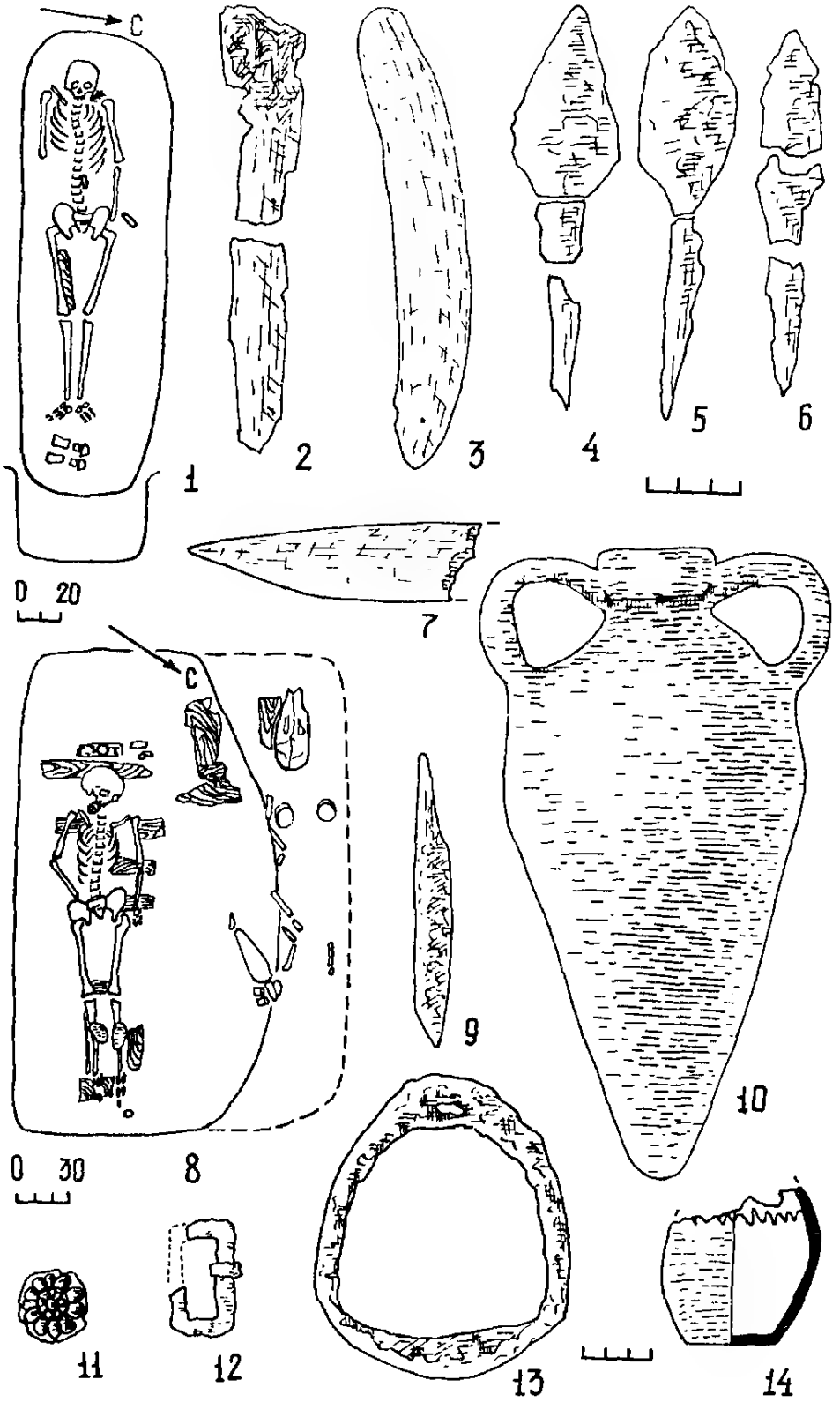


Рис. 4. Погребения печенегов. *1–7* – Красный Яр; *8–14* – Шевченко I

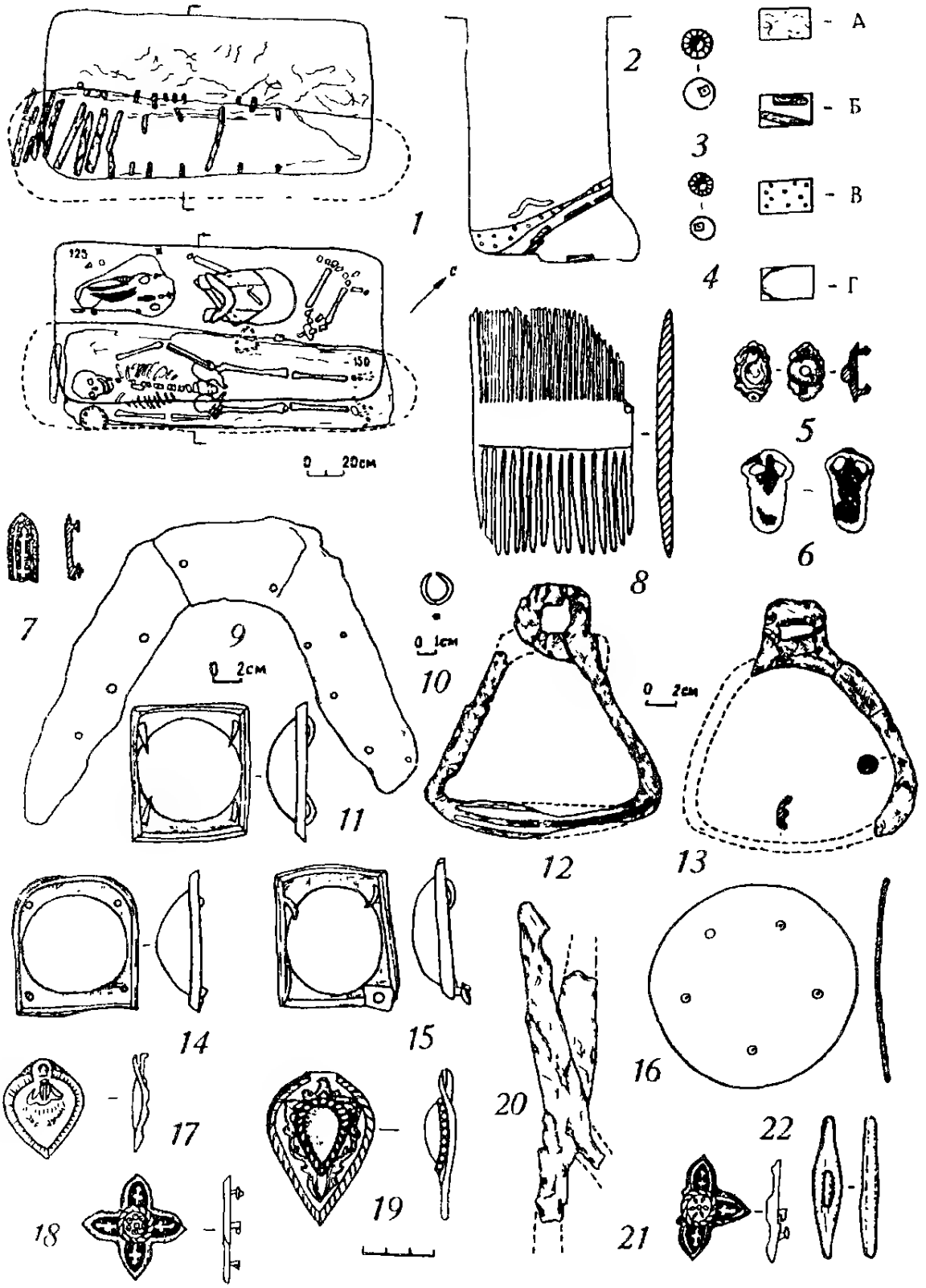


Рис. 5. Погребение кургана Болгарка I (Актюбинская область) (по С.Ю.Гуцалову) (А – березовые ветки, Б – деревянные плахи, В – углистый слой, Г – гроб из бересты)

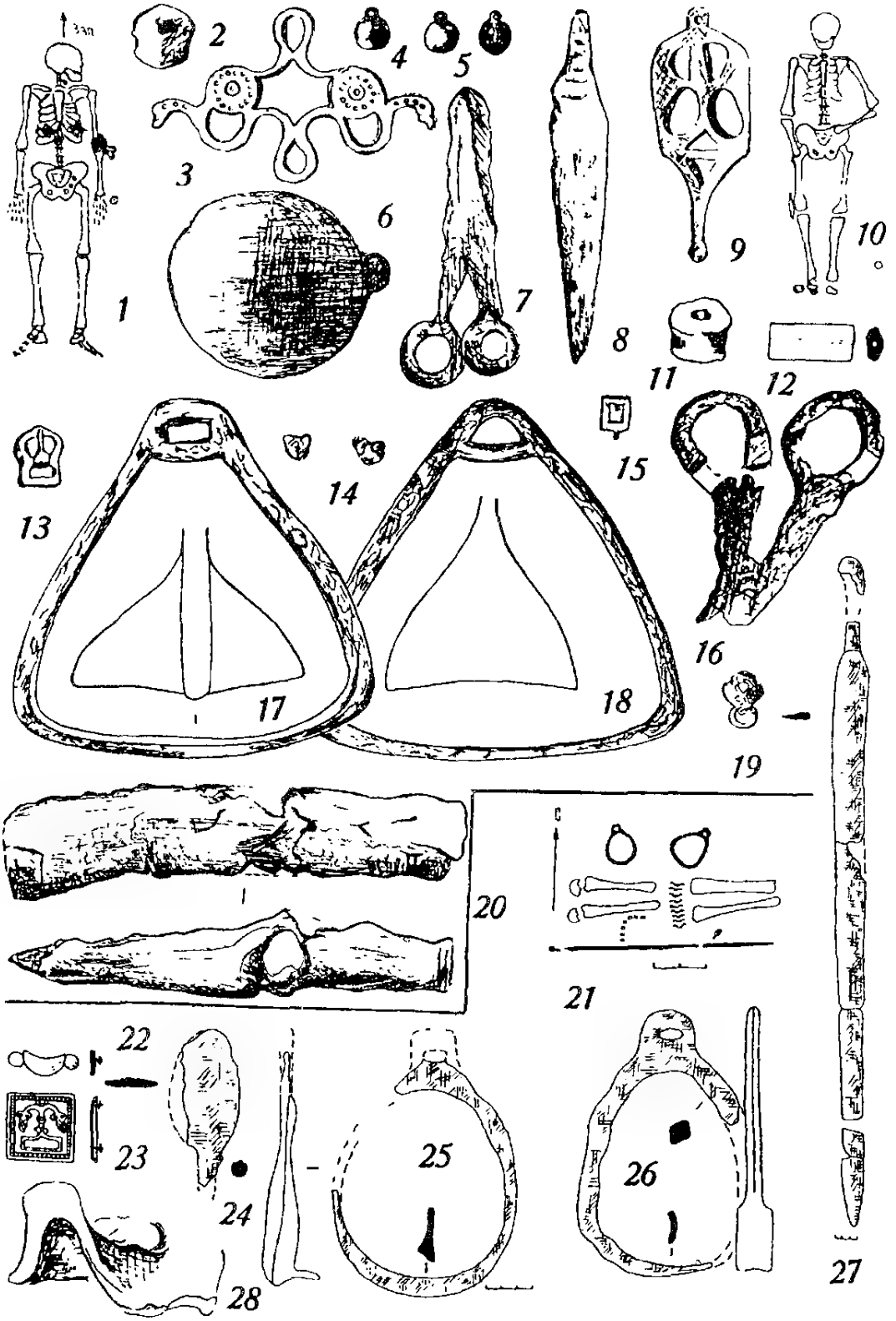


Рис. 6. Погребение огузов Урало-Поволжского региона.
Курган I у хут. Заяры (П.Н.Шишкин, А.Н.Ильина, 1928 г. Рисунки авторов, без масштаба) (I – 20,28) и Журов курган, п.I (21–27).
1 11 – погр. «А»; *10,12* – погр. 2; *13–15, 19–20* – погр. 3; *16–18, 28* – погр. 1; *21–27* – Журов Курган

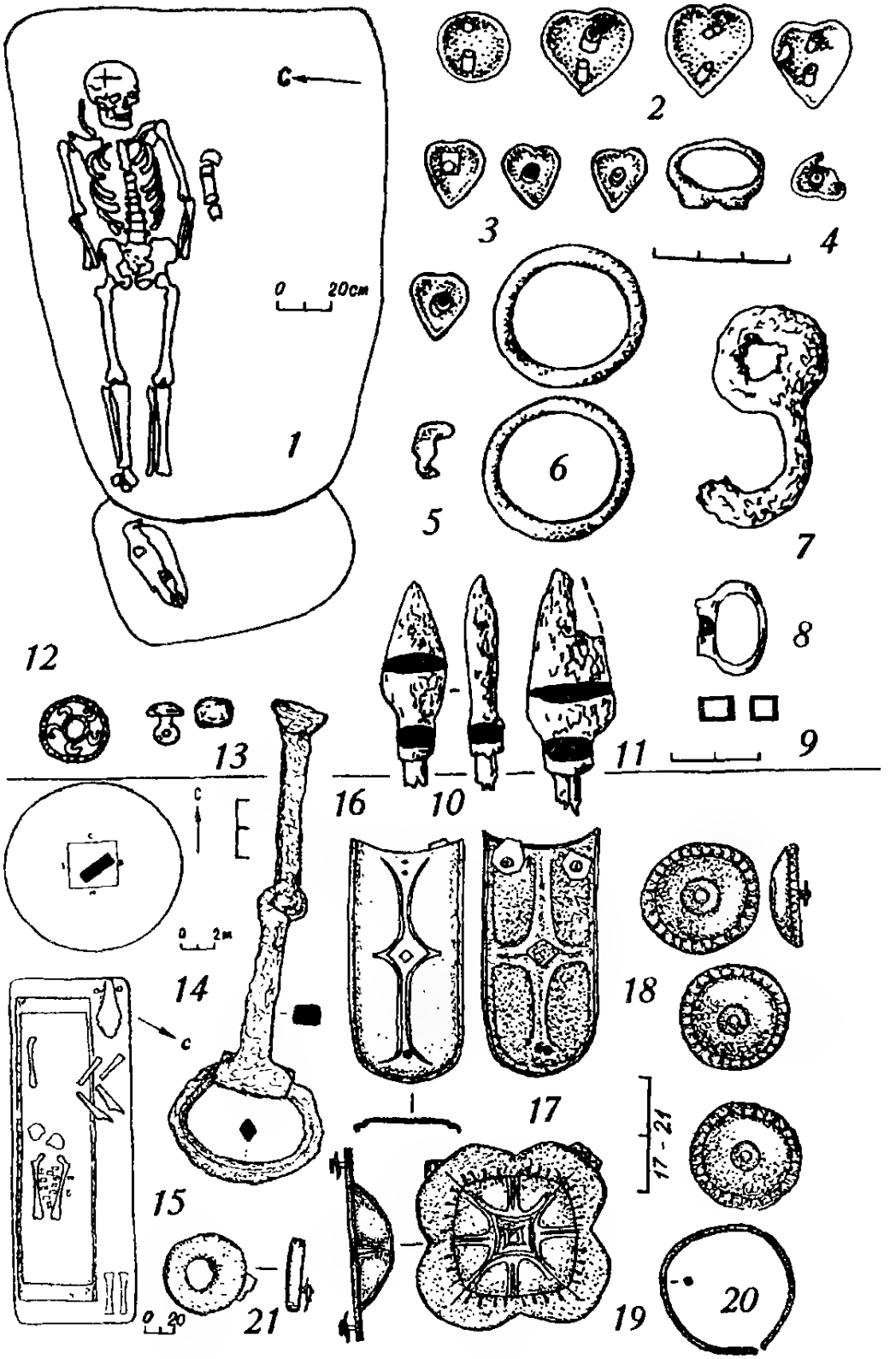


Рис. 7. Погребения огузов и печенегов Волго-Донского междуречья
1–13 – Барановка, 23/I; *14–21* – Свинуха, 13

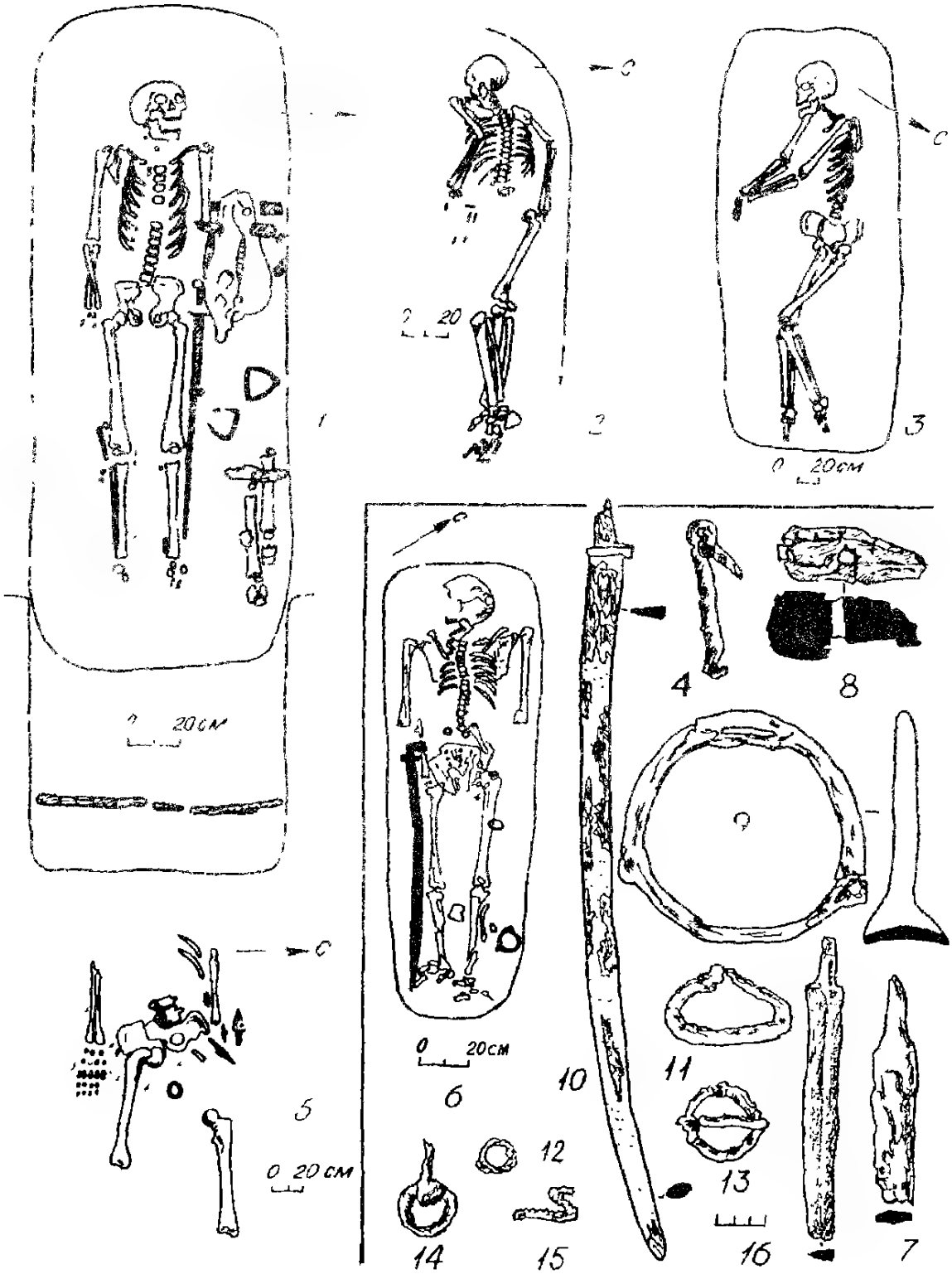


Рис. 8. Погребения огузов и печенегов Урало-Поволжского региона (*1–3,5*) и Средней Азии (*4–16*)

1 – Рахинка, *2* – Кара-Оба, 10/I, *3* – Ровное, 4/8, *5* – Волчанский, 4,6–16 – Кыз-тепе

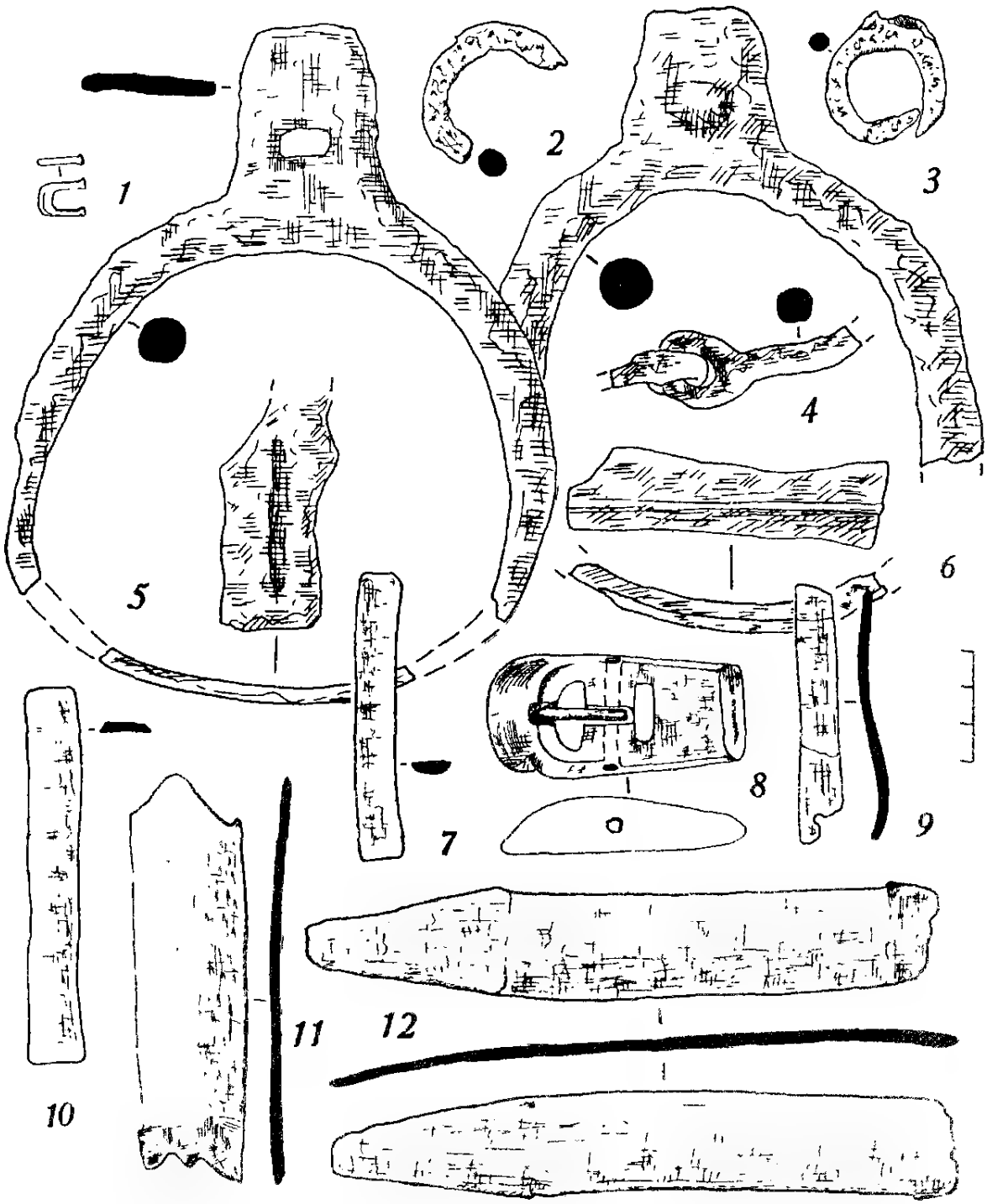


Рис 9 Погребение у хут. Нагишкиия (Миллер А А 1934)

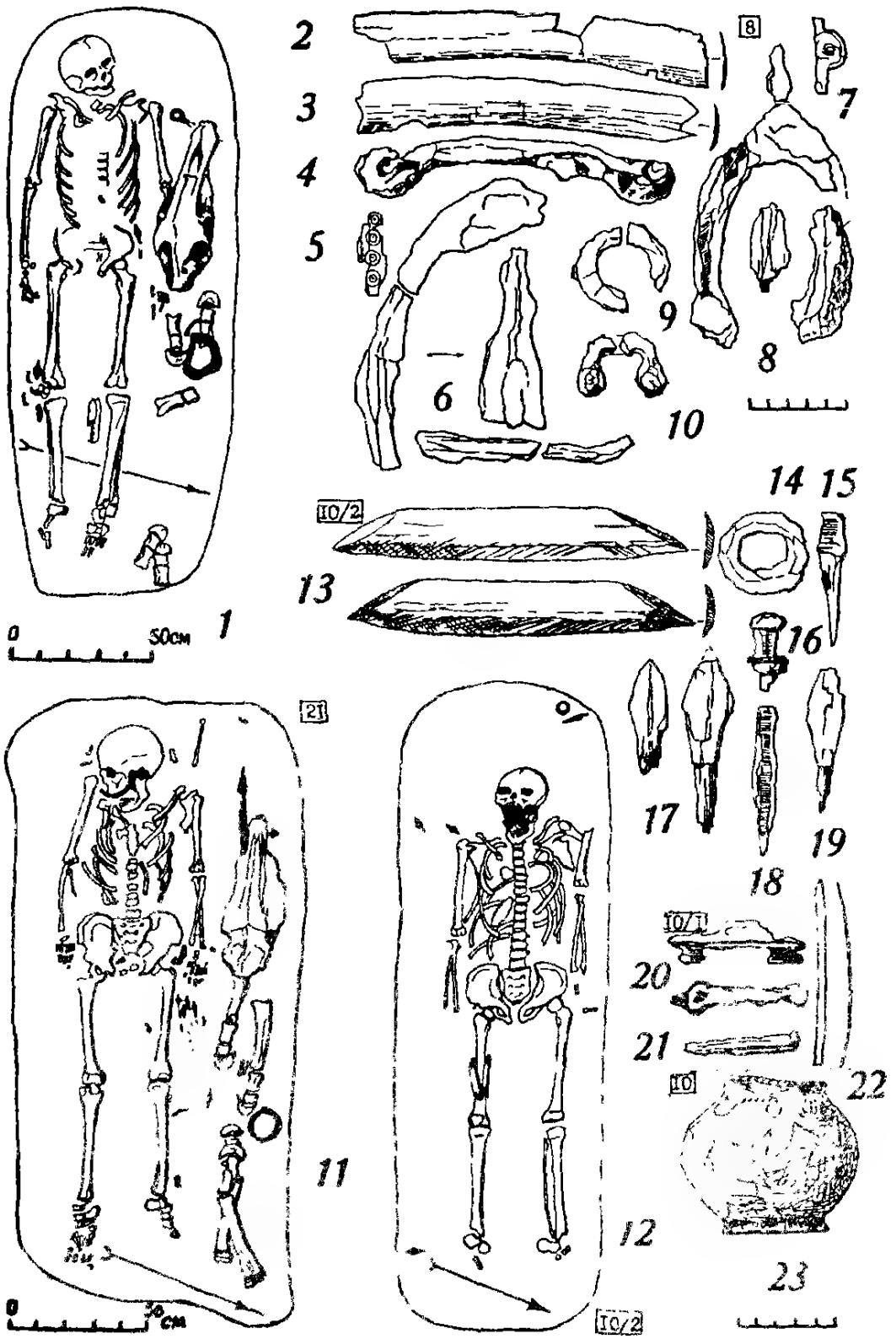


Рис. 10. Погребение Саркелского могильника (по С. А. Плетневой)
1–10 – к. 8; *11* – к. 21, *12–19* – к. 10/2, *20–22* – к. 10/1; *23* – к. 10

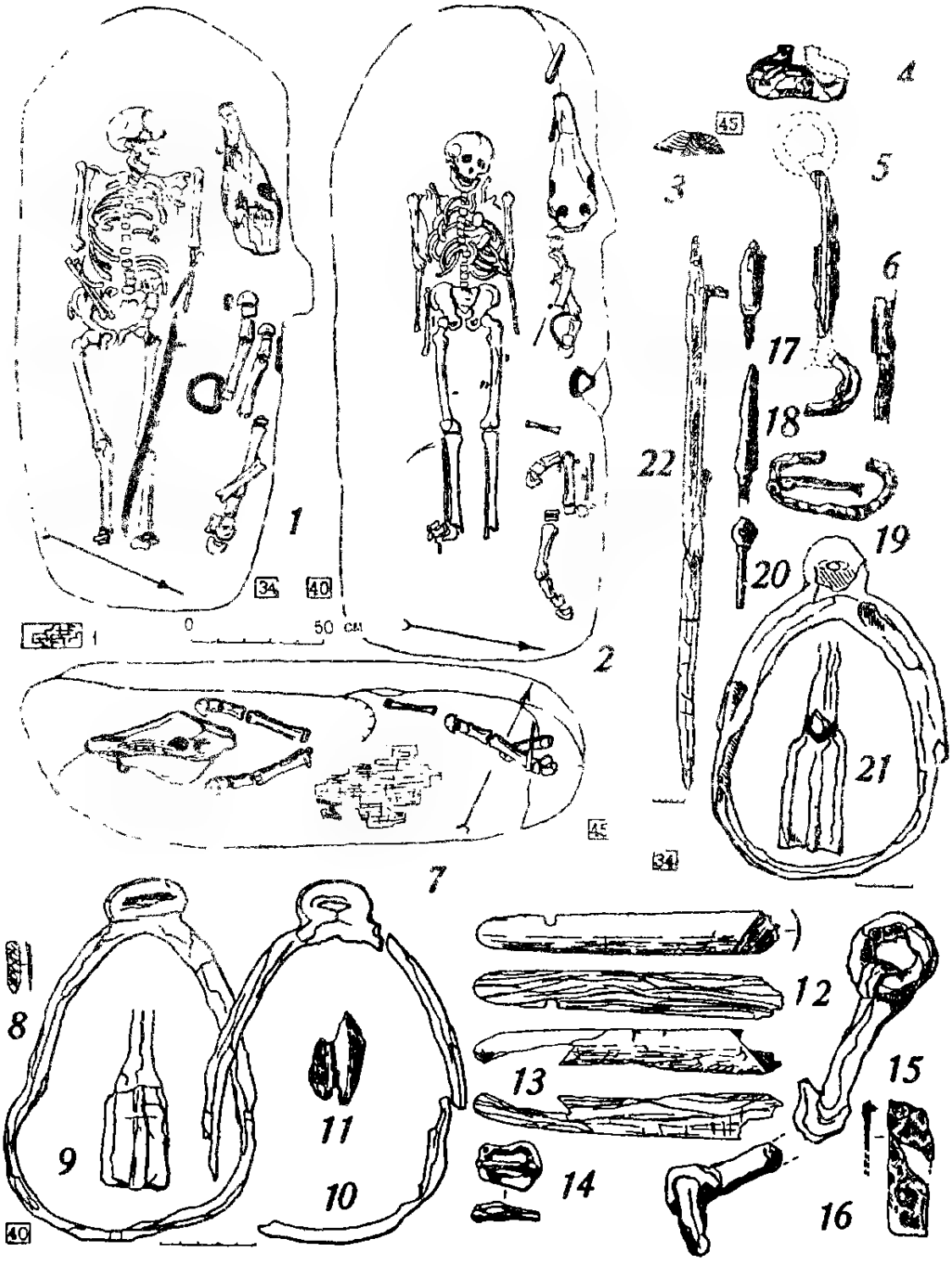


Рис. 11 Погребения Саркелского могильника (по С.А.Плетневой): *1, 17–21* – к. 34, *2, 8–16* – к. 40; *3–7* – к. 45 (I-тлен дерева, седло?)

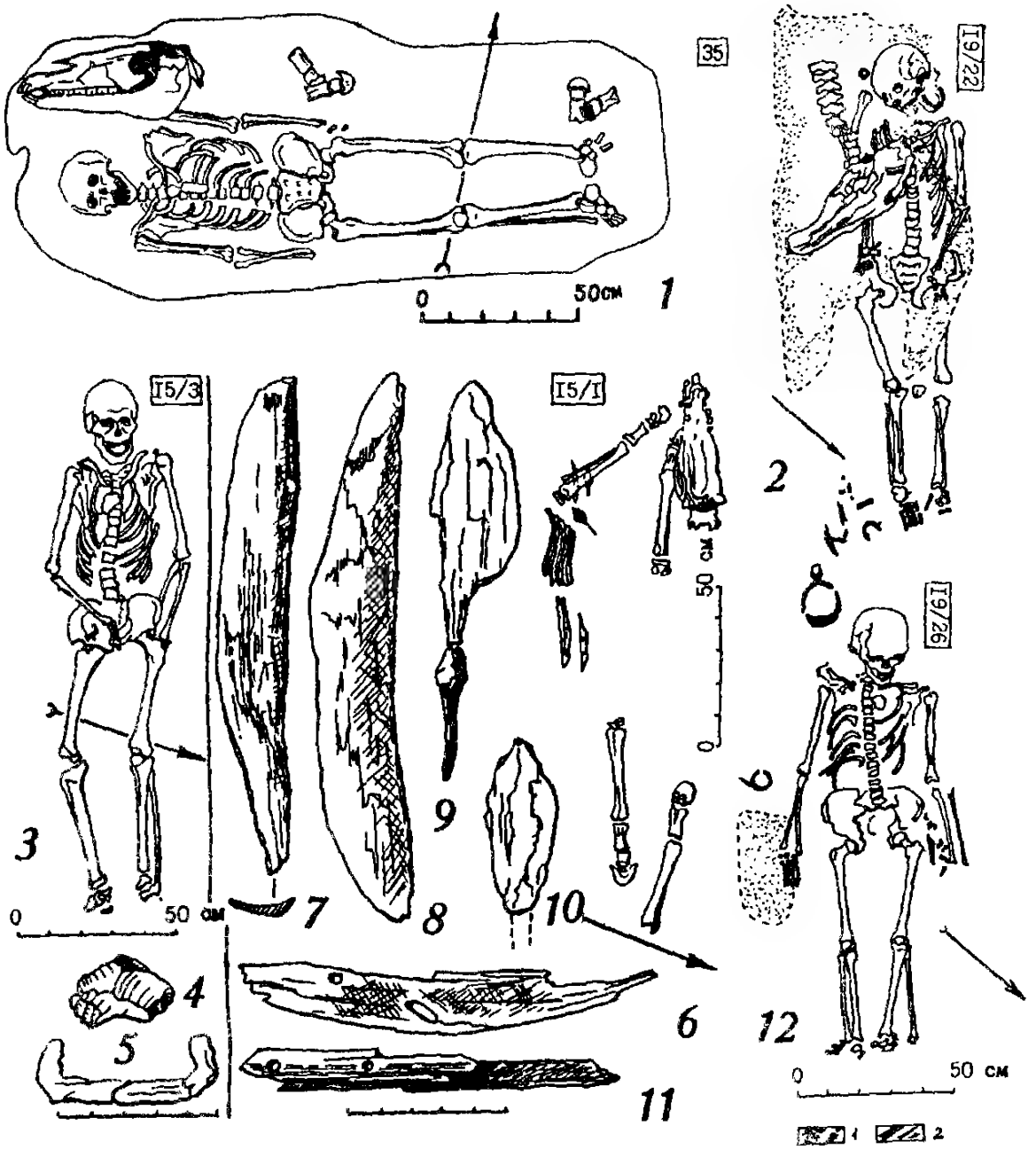


Рис. 12. Погребения Саркелского могильника (I) и кладбища Белой Вежи (2–12): *1* – к. 35; 2 – насыпь 19/22; *3–5* – насыпь 15/3; *6–11* – насыпь 15/I; *12* – насыпь 19/26 (1 - тлен шкуры, 2 – железные предметы)

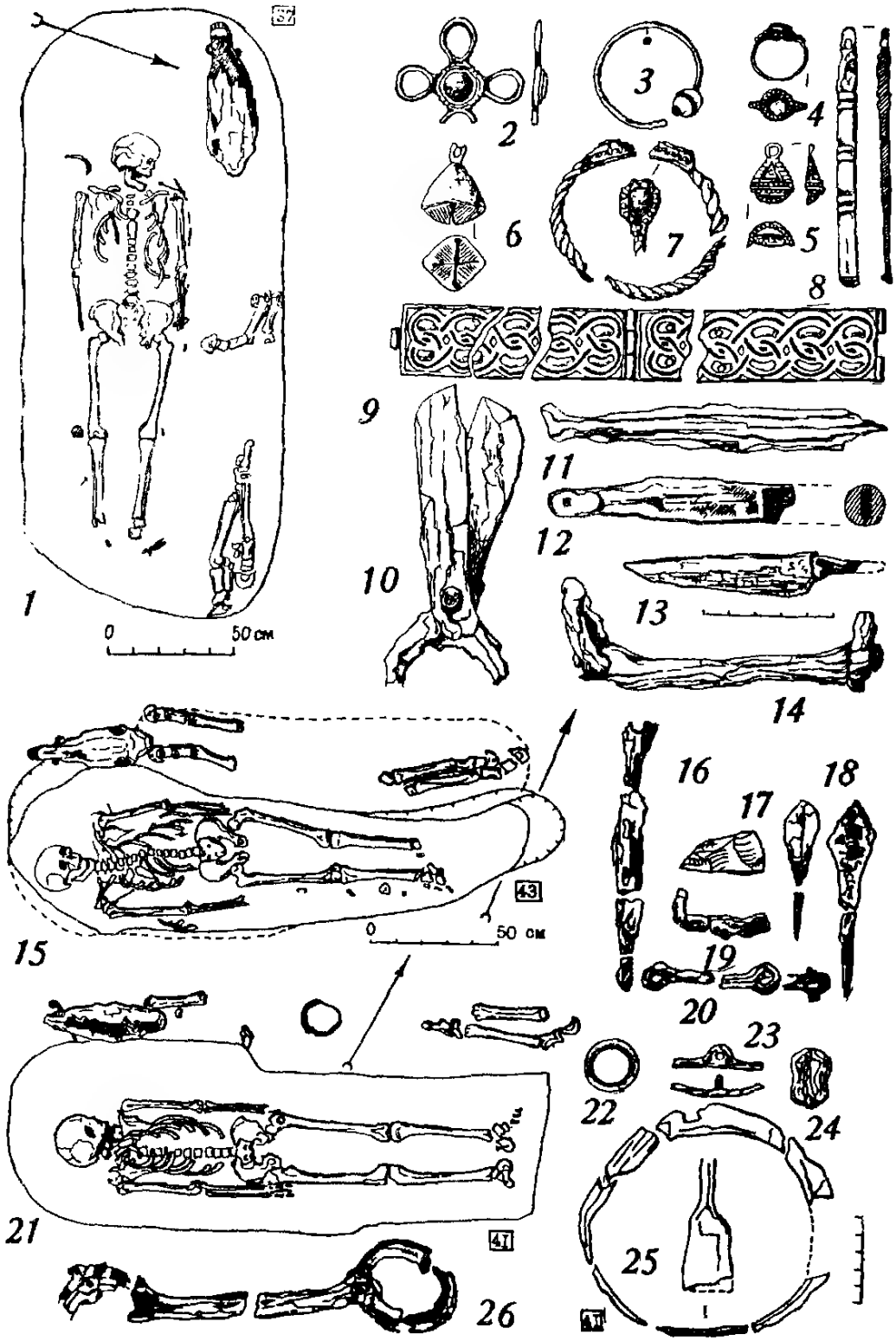


Рис 13. Погребения Саркелского могильника (по С.А.Плетневой): *1–14* – к. 37, *15–20, 26* – к. 43; *21–25* – к. 41

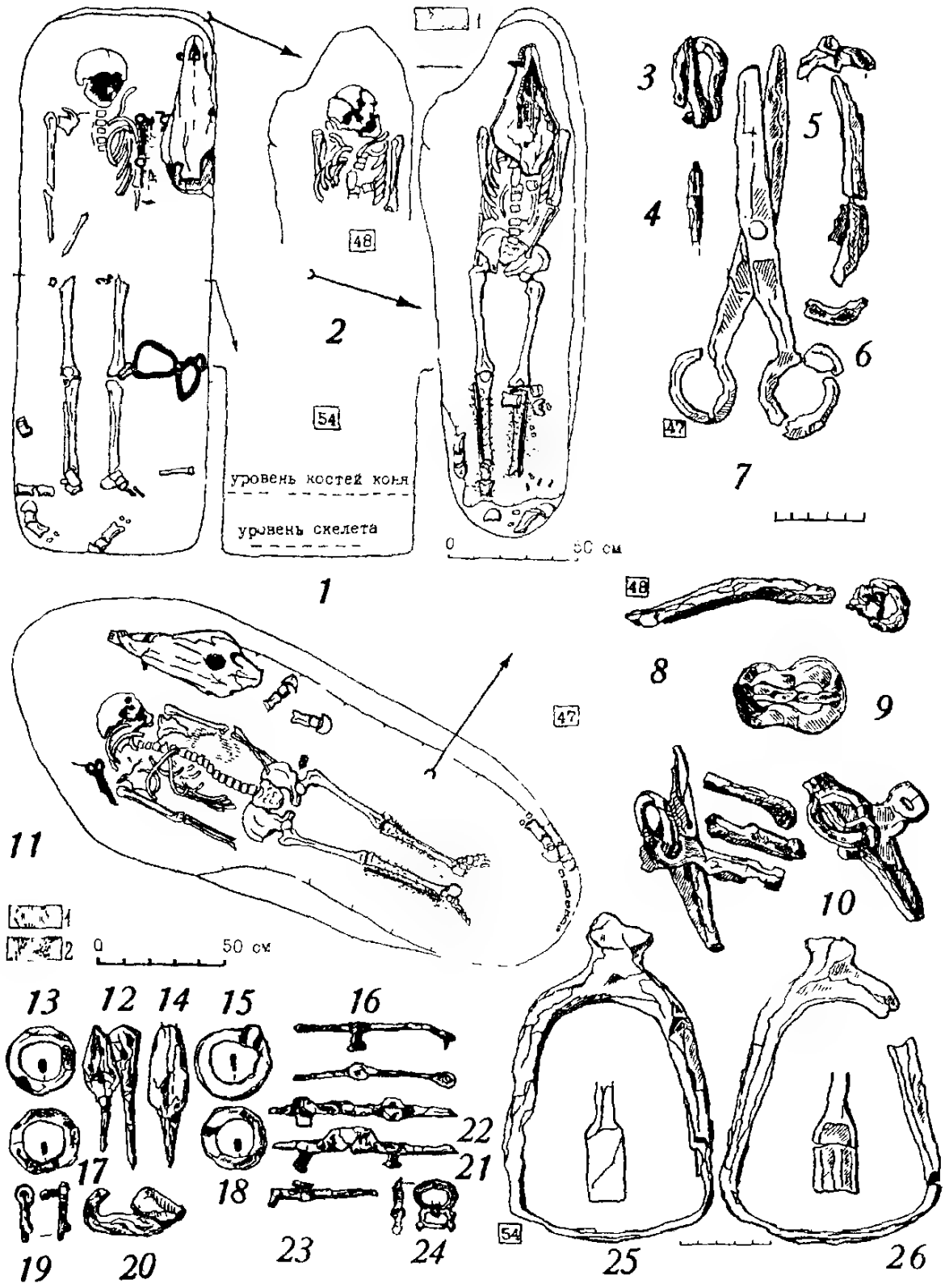


Рис. 14. Погребения Саркелского могильника (по С.А Плетневой):
1, 9–10, 12–26 – к 54, *2, 8* – к. 48 (1 – тлен кожаной обуви); *3–7, 11* – к 47 (1 – гнездо сурка; 2 – тлен сапог?)

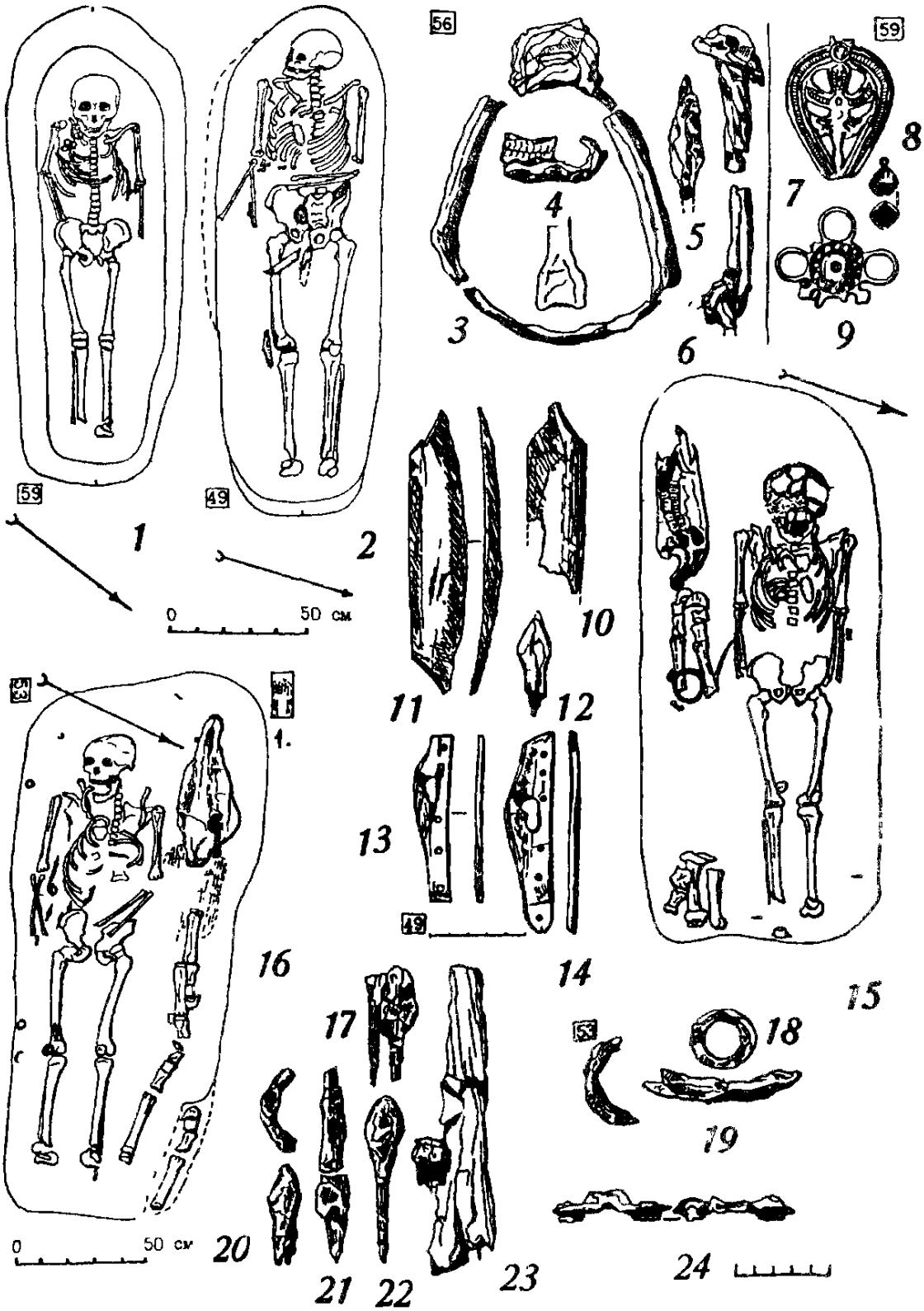


Рис. 15. Погребения Саркелского могильника (по С.А.Плетневой):
1, 7–9 – к. 59; *2, 10–14* – к. 49; *3–6, 15* – к. 56, *16–24* – к. 53 (I – тлен дерева, седло?)

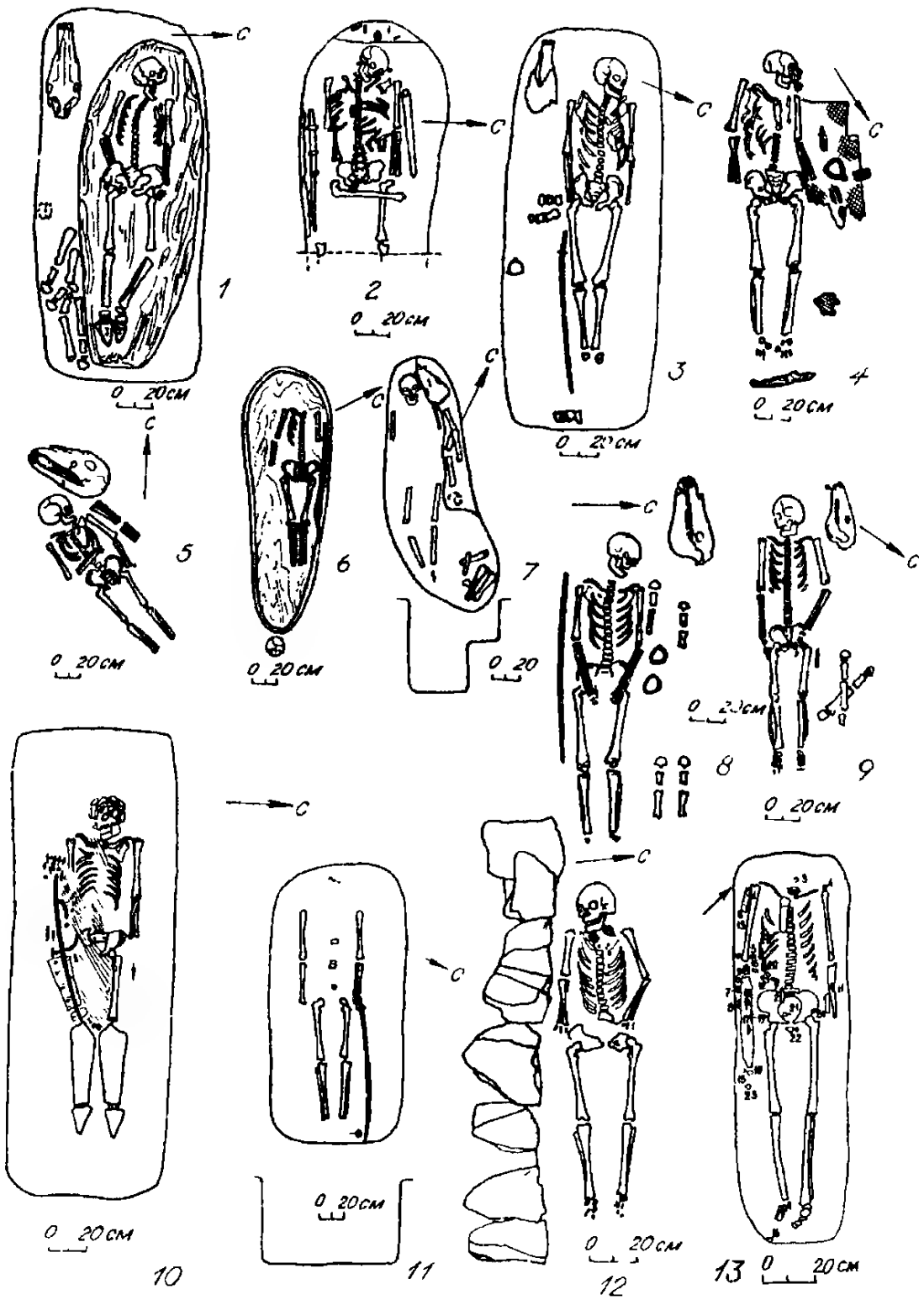


Рис. 16. Погребения огузов и печенегов.

1 – Антоновка; *2* – Первоконстантиновка, 8/2, *3* – Купцын-Толга, 46/5, *4* – Кривая Лука VI, 1/5; *5* – Красное, 5/2, *6* – Бузовка, 4/1; *7* – Николаевка; *8* – Юзефовка, 248, *9* – Казанка, I, *10* – Новоникольский, 7/13, *11* – Ольховатка; *12* – Хистрия (Румыния); *13* – Атпа

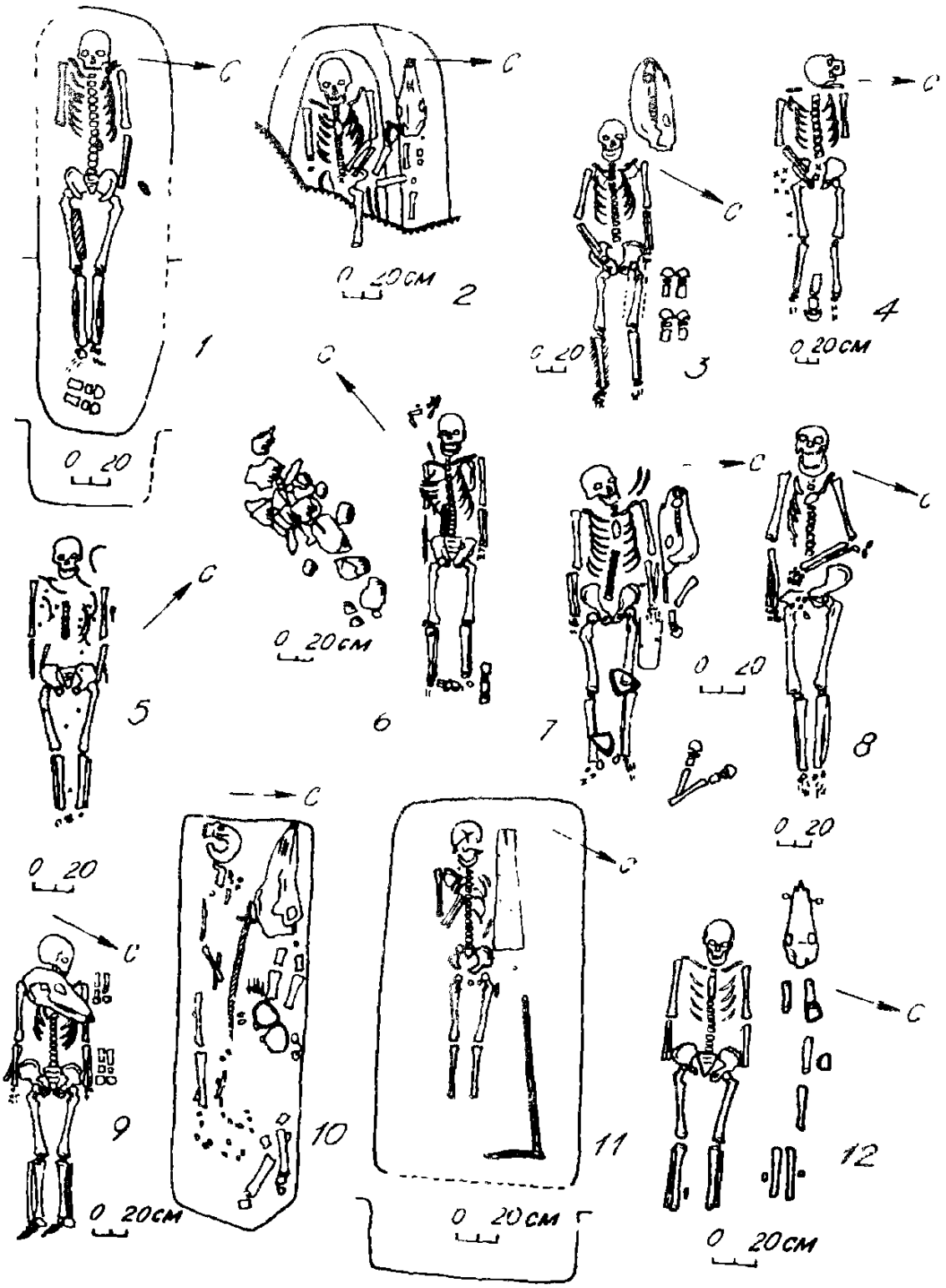


Рис.17. Погребения огузов и печенегов.

1 – Никольское, 1/4; *2* – Александровка на реке Вязовке; *3* – Ровное, 4/7, *4* – Кос-Оба, *5* – Верхнее Погромное, 1/3; *6* – Верхнее Погромное, I/II; *7* – Новая Молчановка, 1/4, *8* – Старые Дубосары; *9* – Киркаешты, 4/5, *10* – Клудж (Румыния); *11* – «Частые могилы», 6; *12* – Кагарлык, 217

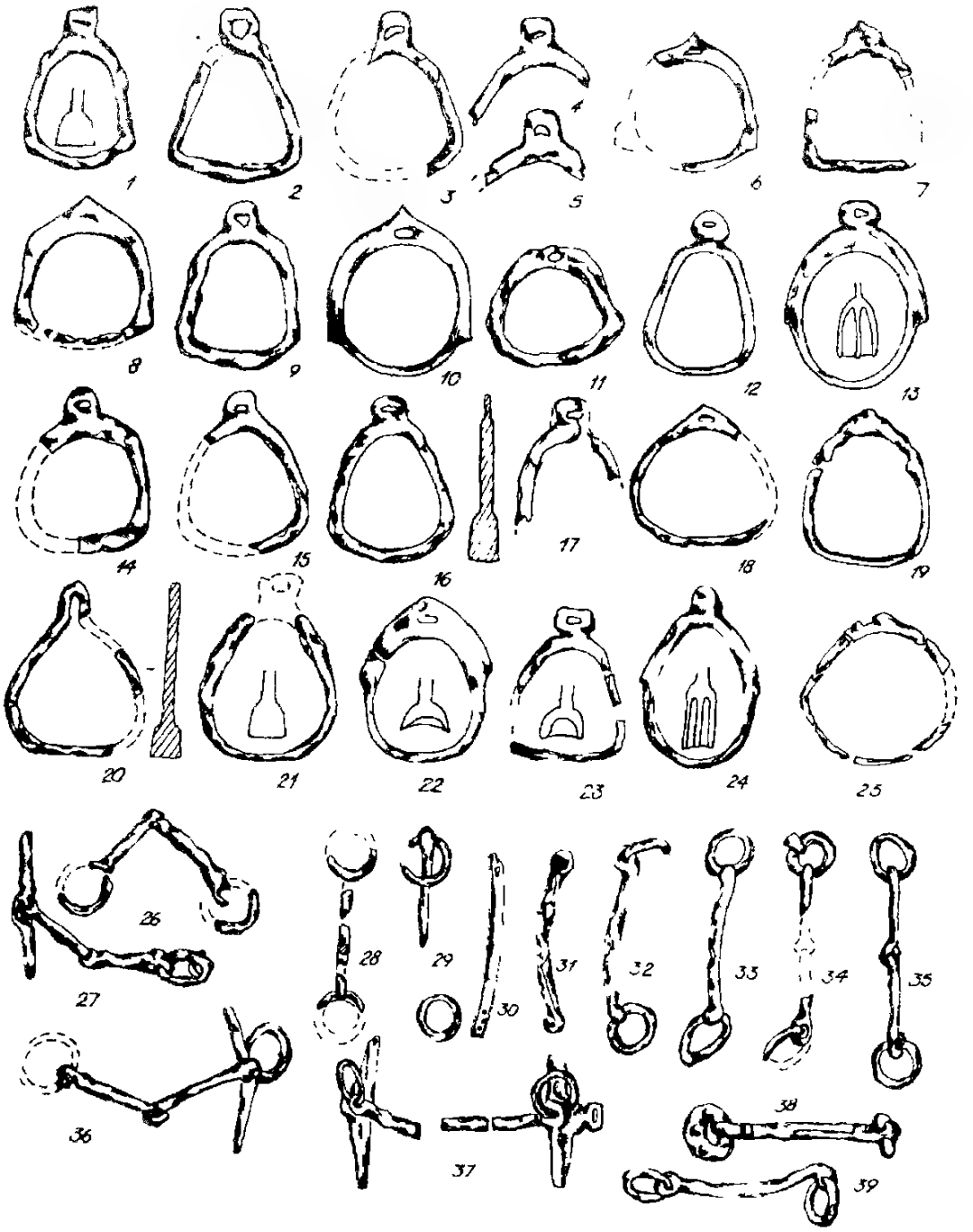


Рис. 18. Стремена и удила из погребений огузов и печенегов (без масштаба): *1* – Жан-Унем; *2–3* – Болгарка I; *4–5* – Быково I, 16/9; *6,27* – Калиновский, 26/1; *7* – Саркел, *2,8* – Кара-Су, 20; *10* – Александровка (р.Вязовка); *11* – Калиновский, 26/2, *12* – Верхний Балыклей 11, 8/1; *13* – Колпаковка; *14* – Калиновский, 1/7; *15* – Калиновский, 4/1, *16* – Калиновский, 12/19; *17* – Лакедемоновка, II/I, п. 5, *18* – Кривая Лука VI, 1/5; *19–20* – Русский колодец, VII/2, п. 10; *21* – Никольское V, I/4, *22–23* – Саркел, I; *24* – Саркел, 34; *25* – Саркел, 41; *26* – Саркел, 7; *28* – Рубежка; *29* – Ольховатка; *30* – Ново-Филиповка, 1/18; *31* – Саркел, 8; *32* – Саркел, 5; *33* – Забара, 122; *34* – Кара-Су, 20; *35* – Зеленки, 307; *36* – Зеленки, 311; *37* – Саркел, 54; *38* – Градиштя; *39* – Алебастрова гора

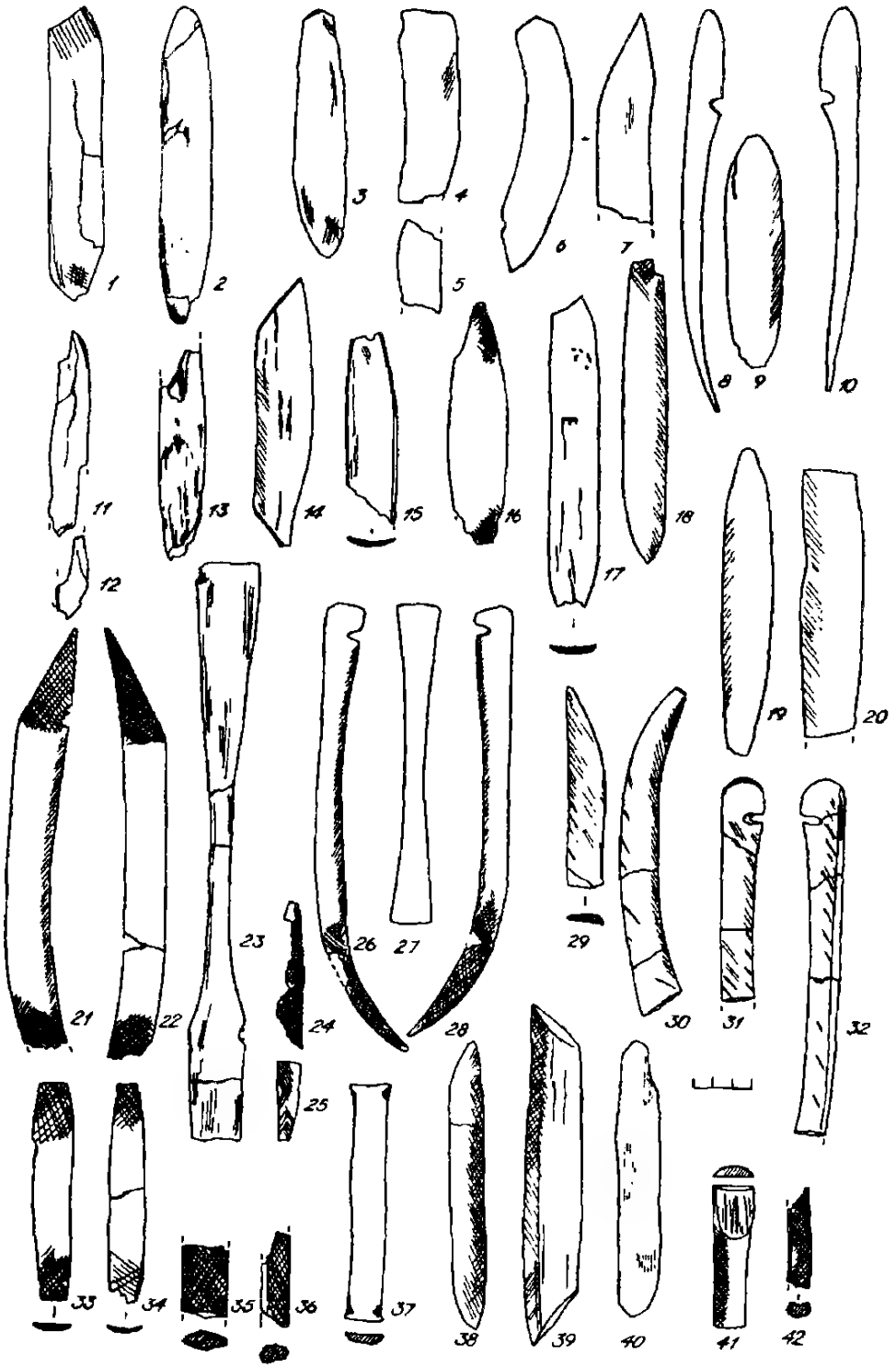


Рис. 19. Костяные накладки луков из погребений огузов и печенегов: *1, 11, 12* - Близнецы, *2* – Яман; *3–5* – Тамыр-Уткуль; *6–7* – Красный Яр; *8–10* – Костешты I/10; *13* – Саркел, 60; *14* – Саркел, 49; *15* – Челкар; *16* – Ровное; *17* – Рубежка; *18* Новая Молчановка; *19* – Корпач I, 3/I; *20* – Старые Кукунешты II, Пятно, 41, п.2; *21 22, 26–28* – Авиловский I; *23–25* – Долина, I/10, *29–32* – Верхнее Погромное I, I/12 *33–36, 41–42* –Новоникольский I, 7/13; *37* – Кос-Оба; *38* – Ясырев 1,5 Тризна; *39* Саркел, 10/2, *40* – Бузовка, I/2

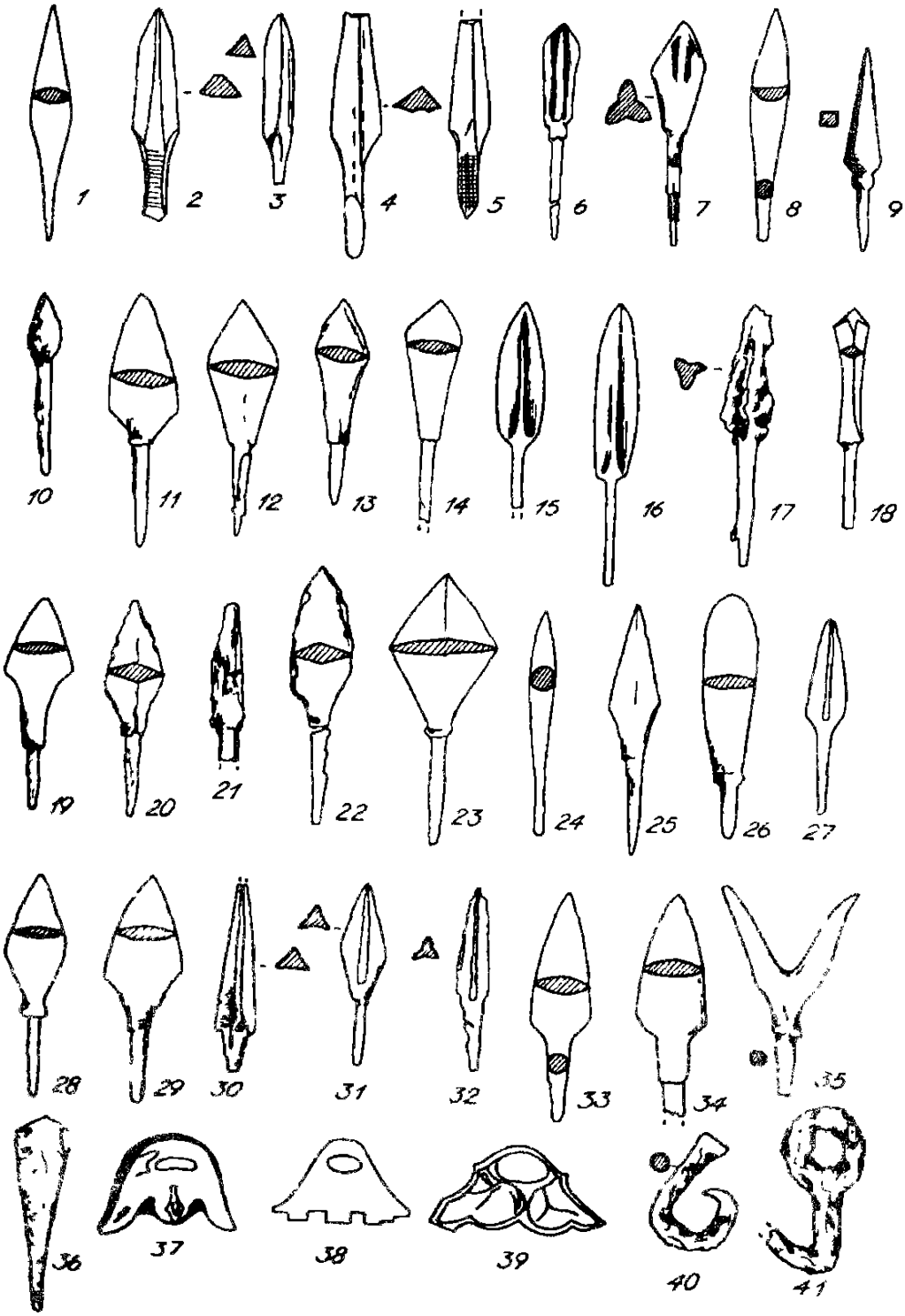


Рис. 20. Наконечники стрел, колчанные крючки, колчанные (?) накладки (без масштаба): *1* – Мамаи; *2* – Ак-Булак; *3–5* – Быково 1, 14/3; *6–7, 30* – Новоникольский 1, 7/13, *8–9–23* – Александровка; *10* – Бузовка; *11–20–21* – Тамар-Уткуль, 1; *12–13* – Попов, 50/18, п.2; *14–16–38* – Ровное; *17–37* – Яман, *18* – Тамар-Уткуль, *I*, *19* – Колпаковка XXVII; *22* – Красный Яр, 17/1; *24–25* – Кара-Су, *26–27* – Кара-Оба; *28* – Колпаковка XXVI, *29, 33* – Русский колодец, VII/4, 6; *31* – «Человечья голова»; *32* – Кривая Лука III, I/23, *34, 41* – Барановка, 23/1; *35* – Мертвецовский, 10; *36* – Гаевка; *39* – Саркел, 21, *40* – Саркел,2

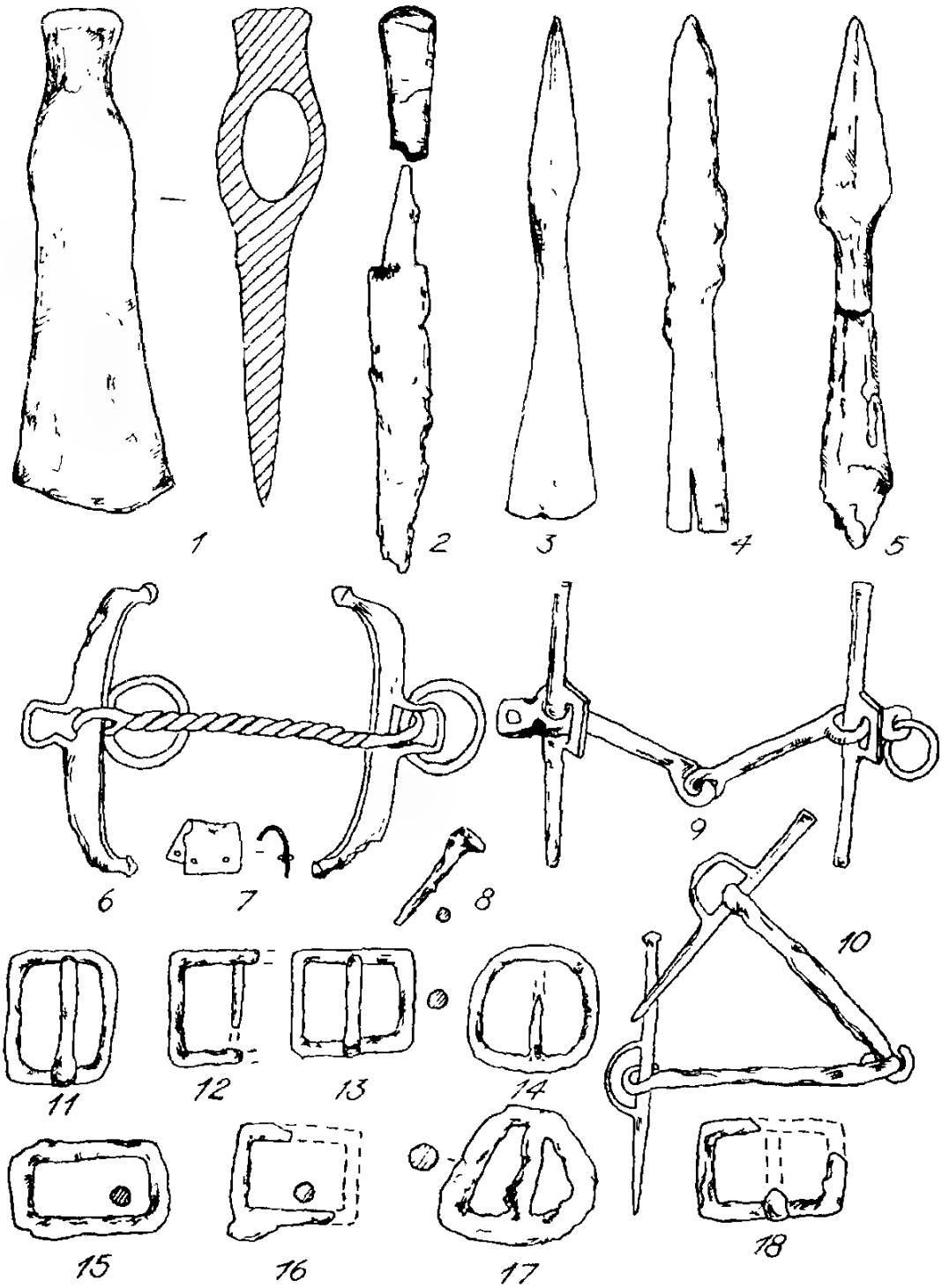


Рис.21 Предметы вооружения и конской упряжи из погребений огузов и печенегов (без масштаба): *1, 9, 13* – Горшовка; *2* – «Коминтерн», I/I; *3* – Бурты, 320, *4* – Градиштя; *5, 8* – Саркел, 21, *6* – Флоринское, *7* – Челкар; *10* – Сербка; *11* – Кос-Оба; *12* – Рубежка; *14* – Плоское, 36; *15–16* – Краснополка, Кагарлык, 276, *17* – Гороховатка, 283, *18* – Шевченко I, 2/2

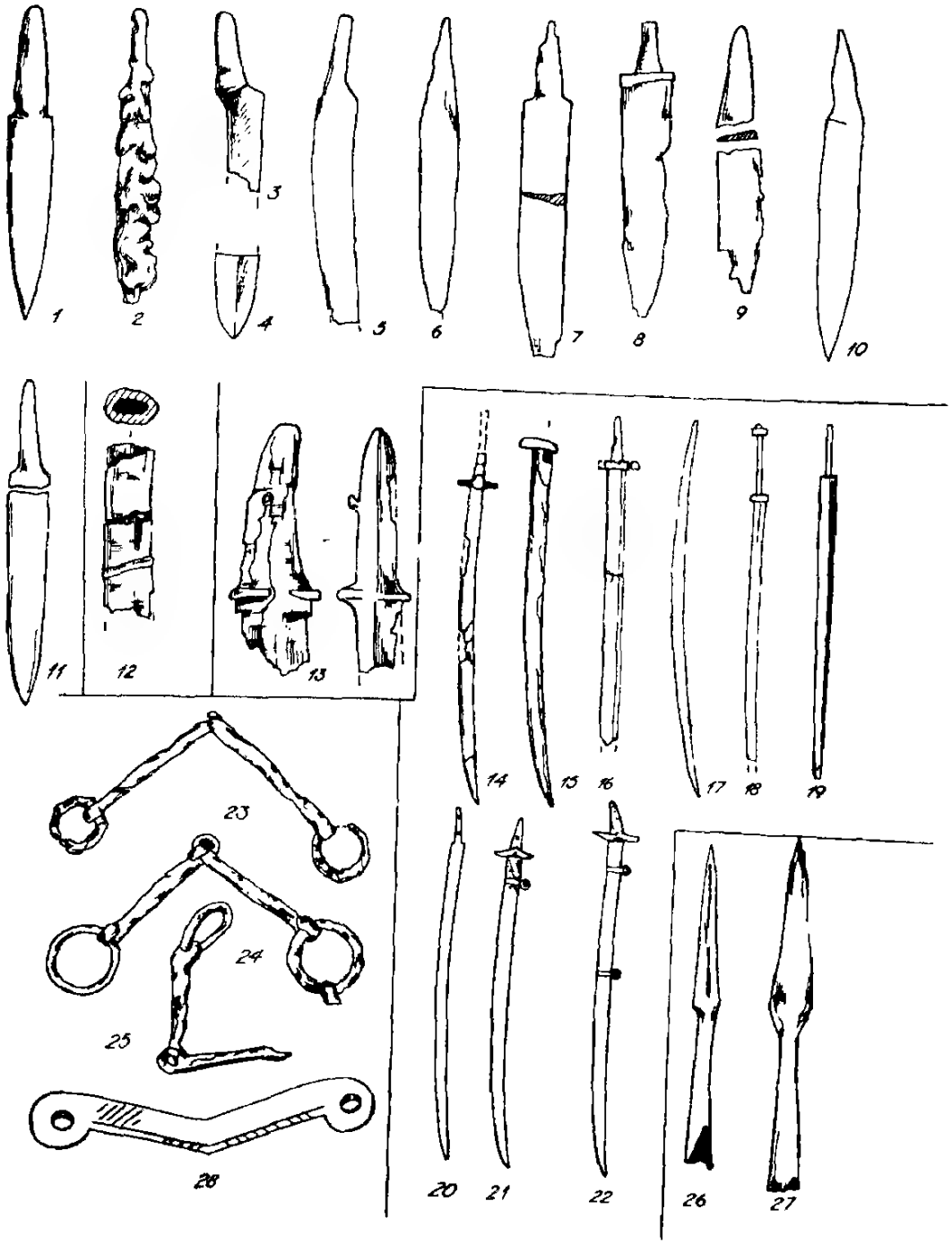


Рис. 22. Ножи (1–12), сабли (13–22), удила (23–25, 28), наконечники копий (26–27) из погребений огузов печенегов (без масштаба)· *1* – Ровное; *2* – Рубежка; *3* – Быково I, 10/16; *4* – Калиновский, 1/7; *5* – Калиновский, 3/5, *6* – Калиновский, 4/1, *7* – Калиновский 12/19; *8, 15* – Новоникольский I, 7/13, *9* – Верхнее Погромное, I/12 *10* – Лакедемоновка, II/I, п.5; *11* – Лапас, *12* – Верхнее Погромное, 3/7, *13* – Челкар; *14* – Ольховатка, *16* – Калиновский, 26/2, *17* – Яман, *18* – Кара-Су, 10, *19* – Частые могилы, *20* – Бузовка III, 4/1, *21* – Степанцы, 215, *22* – Степанцы, 216, *23* – Кагарлык, 217, *24* – Зеленки, 312; *25* Бурты, 262, *26* Зеленки, 311, *27* – Краснополка, Кагарлык, 275; *28* – Гороховатка, 283

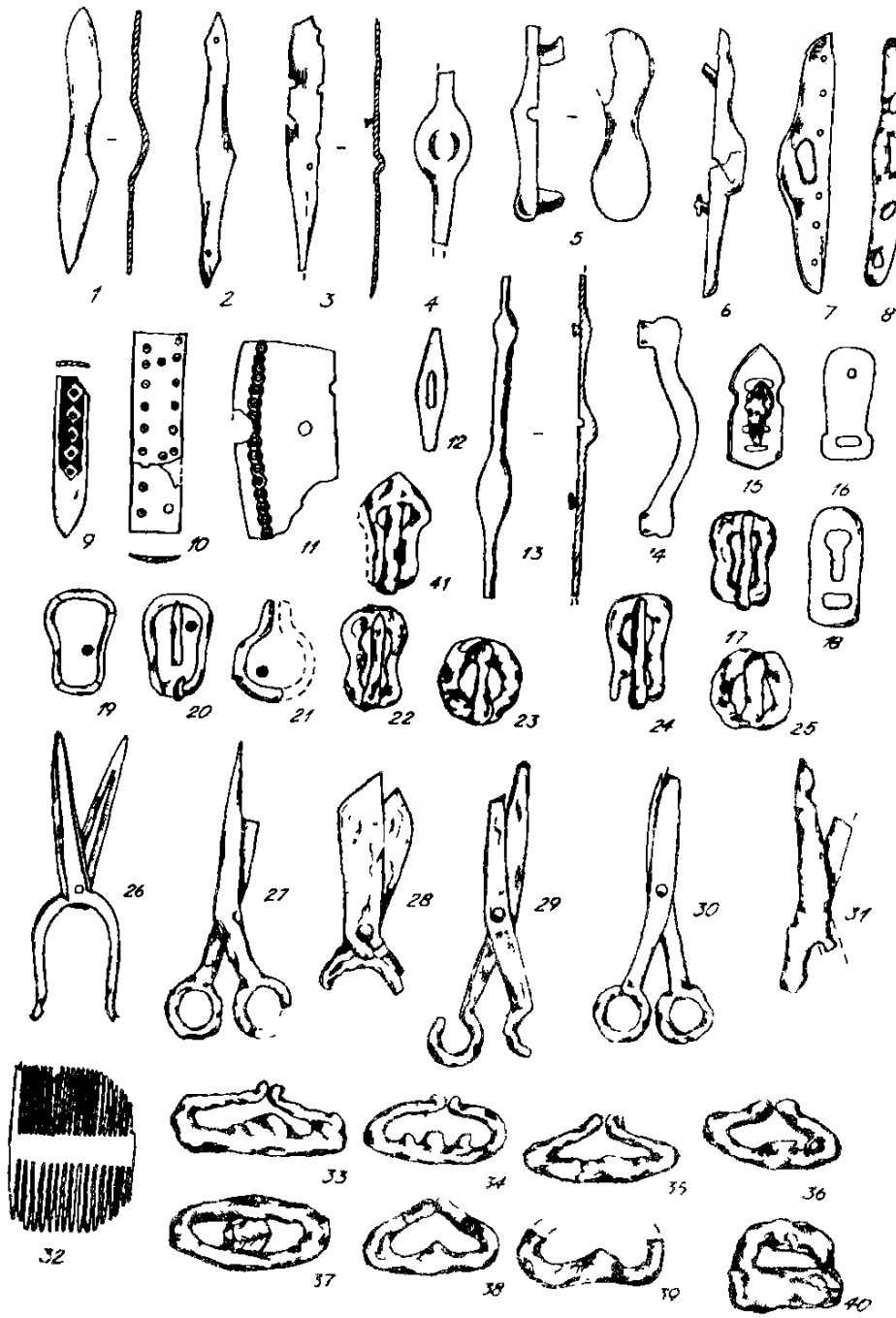


Рис. 23. Колчанные петли, подпружные пряжки, накладки, кресла, ножницы (без масштаба): *1* – Кос-Оба; *2* – Кара-Су, 10, *3* – Быково I, 16/9; *4* – Беглица (16 участок), 2/2; *5* – Русский колодец. Южная группа, VII/4, п. 6; *6, 22* – Саркел, 54; Саркел, 49; *8* - Джангала, I/I; *9* – Саркел, 5, *10* – Саркел, I, *11* – Пролетарское XXX 5; *12–31–32* – Болгарка I; *13* – Колпаковка; *14* – Градиштя; *15* – Бузовка, *16* Сероглазинка; *17* – Колпаковка XXVII, 3/1; *18* – Быково I, 16/9; *19* – Лакедемовка II/I, п. 5; *20* – Рувский колодец, VII/4, п. 6; *21* – Русский колодец. Южная группа VII/3, п.I; *23* – Степанцы, 215; *24–35* – Градиштя; *25* – Гороховатка, 284/I; *26* Флоринское; *27* – Успенка; *28* – Саркел, 37; *29* – Саркел, 47; *30* – Градиштя; *33* Саркел, 21; *34* – Костешты 1, 3/3; *36* – Зеленки, 310; *37* – Частые могилы, *38* Лакедемовка, II/1, п.5; *39* – Новоникольское, 7/13; *40* – Яман

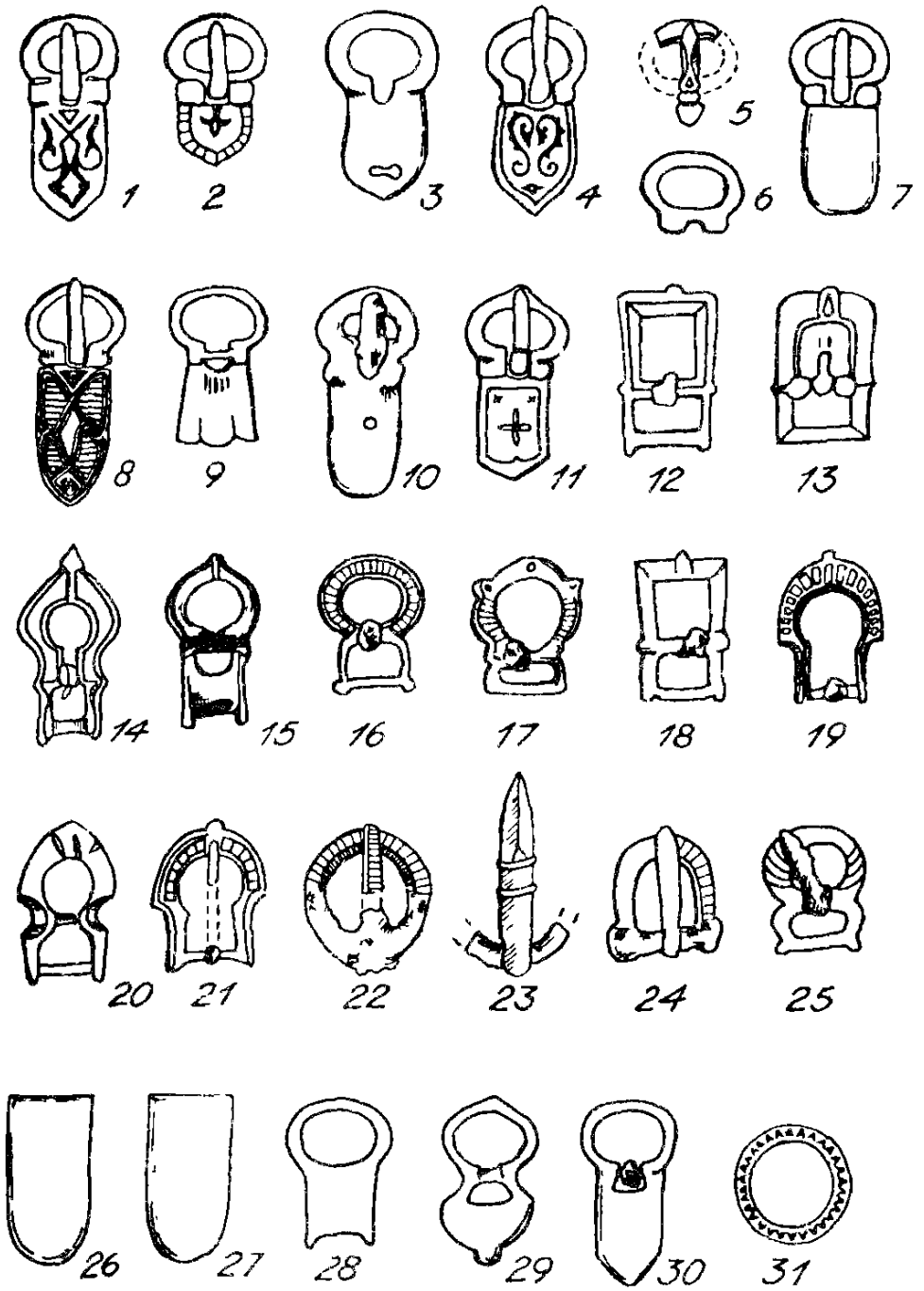


Рис. 24. Пряжки и наконечники поясных и уздечных ремней из погребений огузов и печенегов (без масштаба). *1* - Алебастрова гора; *2* – Верхнее Погромное I, 1/1; *3* - Ак-Булак, *4* – Гаевка, *5* – Челкар, *6* – Барановка, 23/I, *7* – Тамар-Уткуль, 3; *8* Ново-Каменка; *10* – Болгарка I, *11* – Кара-Су, 20; *12, 13* – Большемихайловка II, 2/3; *14* – Рубежка; *15* - Быково I; *16* – Саркел, *54* Желтый Яр, I/3, *17* – Степанцы, 215, *18* – Кагарлык, 218; *19* – Поток, 452/I; *20* – Павловка, *21-24* – Частые могилы, *25* Кырнацены, 4/5; *26* – Яман; *27* - Тамар-Уткуль 3, *28* Калиновка, 4/1; *29* – Сарайлы-Кият, *30* Котовка; *31* - Шандры, 409/3

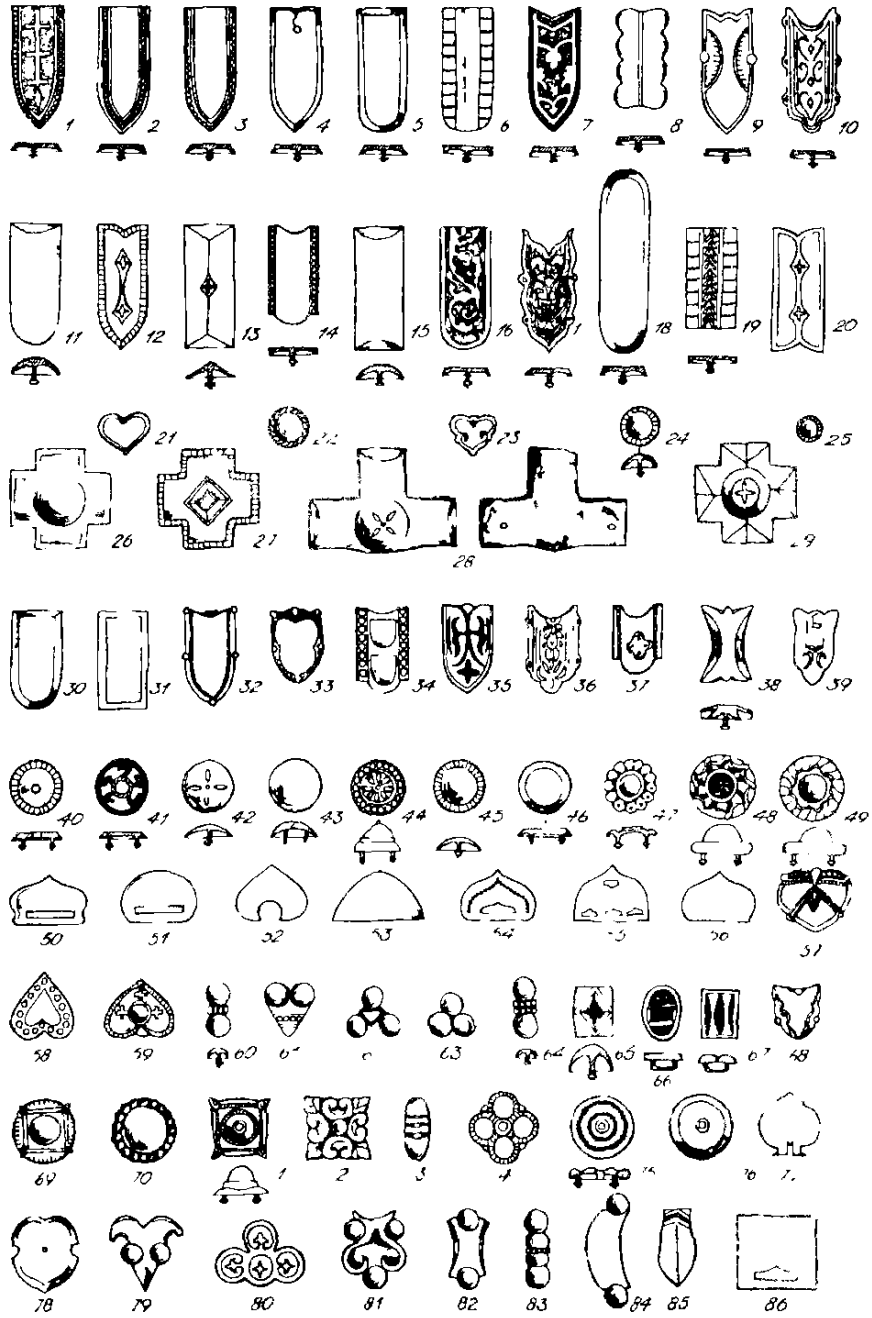


Рис 25 Поясные накладки и бляшки конских оголовий, нашивки одежды (без масштаба) *1* Болгарка 1, *2, 3, 37* - Бес-Оба, *4, 21, 22, 46, 47, 76* – Быково II, 3/5, *5, 18, 26, 30, 38, 75* Калиновка, 4/1, *6, 19* – Средняя Ахтуба, *7, 9, 14, 32, 33, 57* Новоникольский I, 7/13; *8* - Челкар III; *10, 36* – Ханская могила; *11, 15, 28, 40, 42* Никольское V, 1/4, *12, 27* – Рахинка; *13, 29, 86* – Царев, *16, 66–67* – г.Волгоград (случайные находки), *17, 23, 35* – Челкар, *20* – Ак-Булак, *24, 25, 45, 60, 79* – Увак *31* Новониколаевское (случайные находки), *34, 74* – Тузла, *39* – Кривая Лука VI, 1/5, *41* Барановка, 23/2; *44, 48, 49, 65, 71, 85* - Мирное, *50, 77* Яман; *51–53* - Тамар Уткуль, 3; *54 55, 58* - Кара-Су, 20; *59* – Калиновский, 1/7; *61* - Колпаковка XXVI 3/3, Успенка; *62, 70, 81, 82* Успенка, 63, 72 – Лапас, *64* Колпаковка, *68* – Кривая Лука III, 1/23; *69* – Гаевка; *73* Антоновка, *78* Кировский II, 2, *80* – Васильевка *84* – Малиновский, Антоновка

Рис. 26. Принадлежность поясных наборов, конских оголовий, накладки из погребений огузов и печенегов (без масштаба) *1, 16, 17* – Болгарка I, *2* – Калиновский, I/7, *3, 9* – Антоновка, *4* – Колпаковка XXVI, 3/3; *5* – Малиновский; *6* – Челкар, *7–8* – г Волгоград (случайные находки), *10–12* – Челкар III, 13; *13* – Тузла, *14* – Мирное, *15* – Первоконстантиновка; *18-19, 24* – Сараилы Кият, *20, 22* – Верхний Балыклей II, 5/1, *21* – Дарьино (случайная находка), 23 – Гаевка

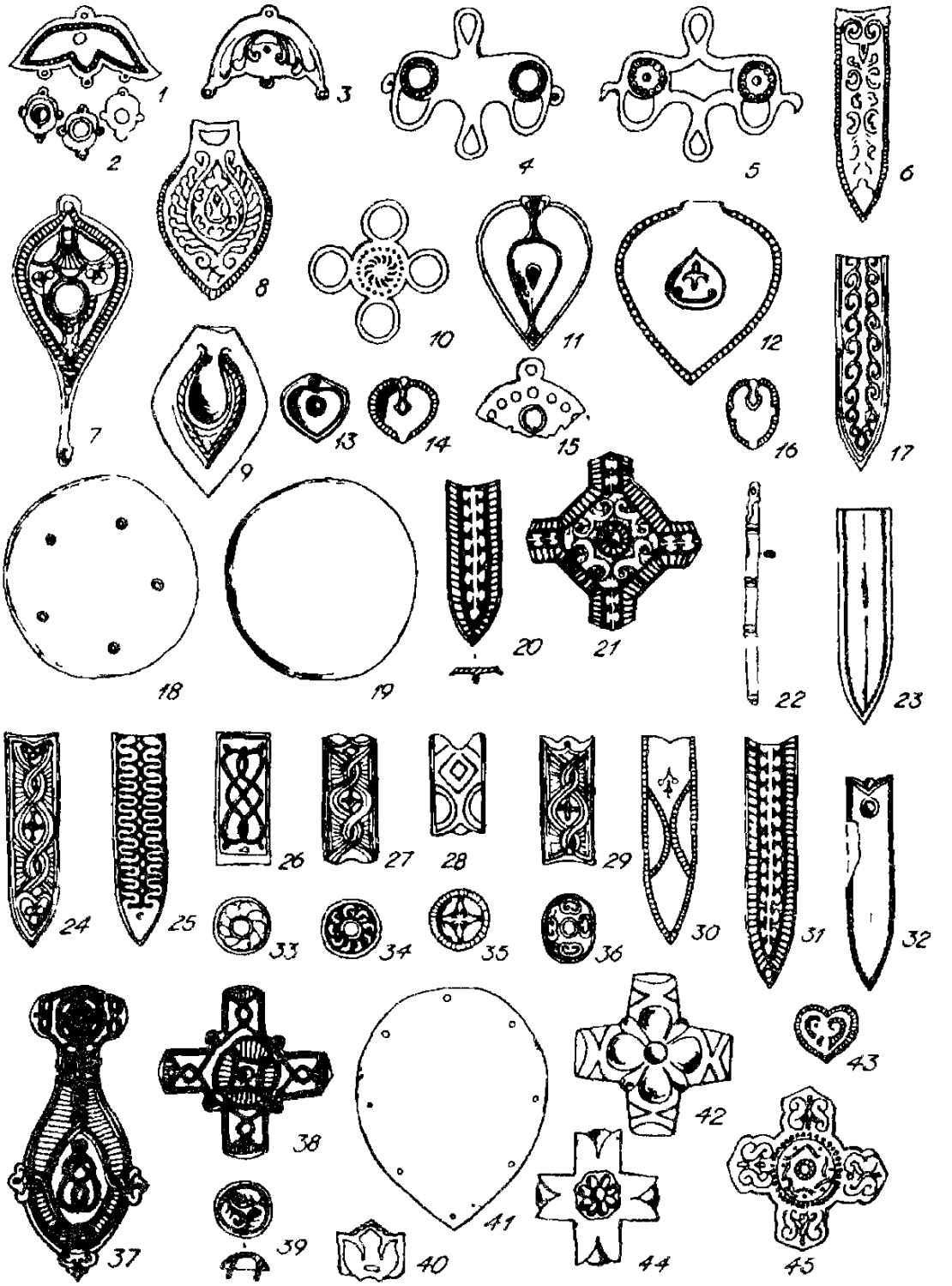


Рис. 27. Подвески, нашивки, зеркала, предметы убранства конских оголовий из погребений огузов и печенегов (без масштаба). *1, 2, 4* – Царев; *3* – Мирный (по В.А.Кригеру); *5* – Увак, *6, 8, 45* – Старо-Шведское, *7* – Верхнее Погромное I, I/3, *9, 42 44* – Гороженко, *10* – Эльтон, 7/I (по В.А.Кригеру); *11, 12, 14, 16, 35* – Рахинка; *15* – Калиновский, 30/I; *13, 20, 21, 31, 34* – Гаевка, *17* – Каменка; *18* – Болгарка I, *19* – Калиновский, 12/19, *22* – Саркел, 37, 23, *30* – Котовка, *24, 27–29, 33, 36–39* Ново-Каменка; *25–26* – Первоконстантиновка; *32, 41* – Сарайлы-Кият; *40* – Ченин

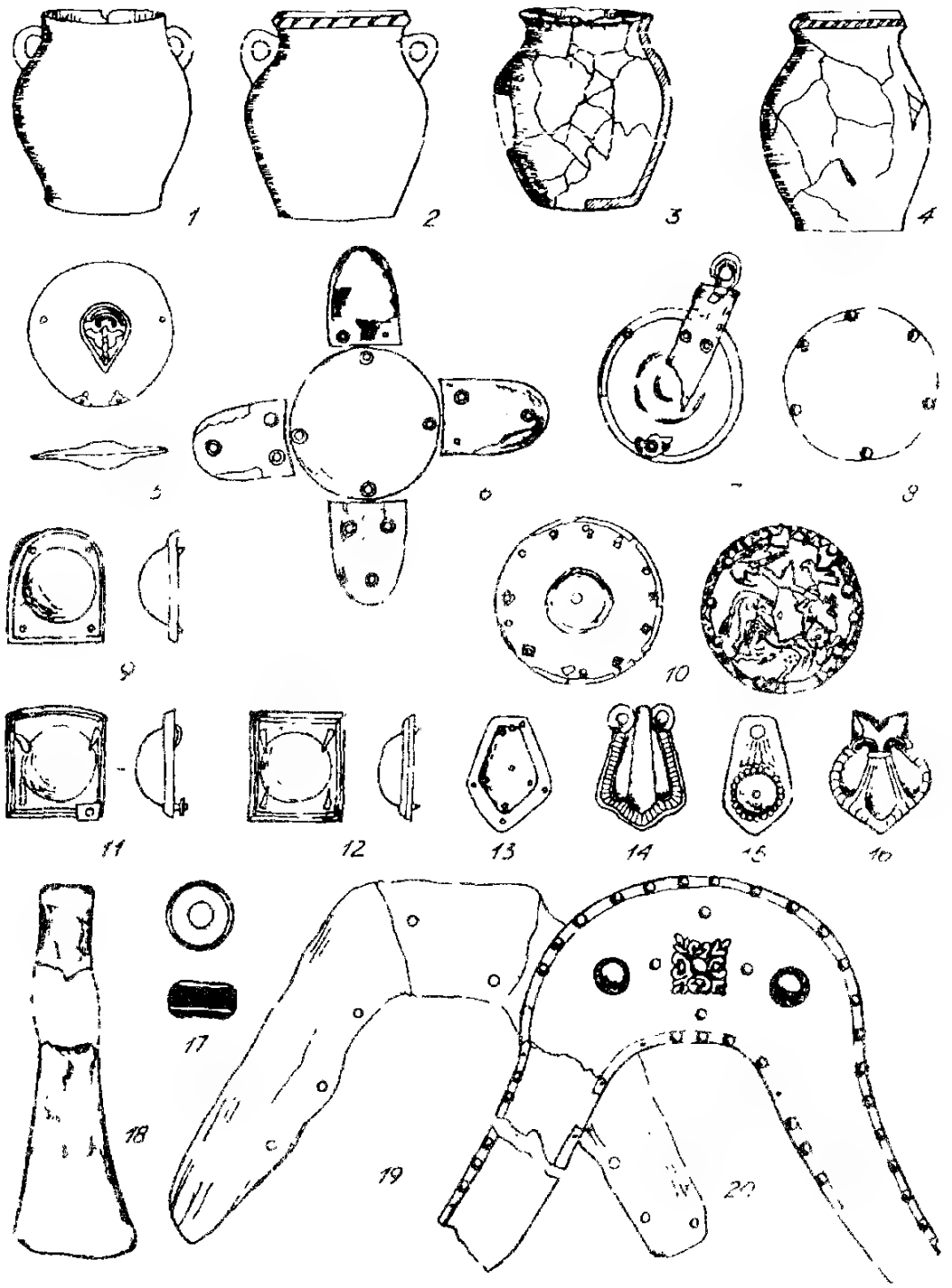


Рис. 28. Инвентарь погребений огузов и печенегов (без масштаба): *1* – Кара-Оба, 10/I. *2* – Быково I, 10/11; *3* – Урсоая, 2/7, 10; *4* – Тузла, *5* – Быково,16/9; *6–7* – Алебастрова гора; *8, 10, 20* – Никольское V, 1/4; *9, 11, 12, 19* Болгарка I; *13* Флоринское: *14* – Мирное; *15* – Хистрия; *16* – Гаевка, *17* – Саркел, 3, *18* – Поток, 400/I

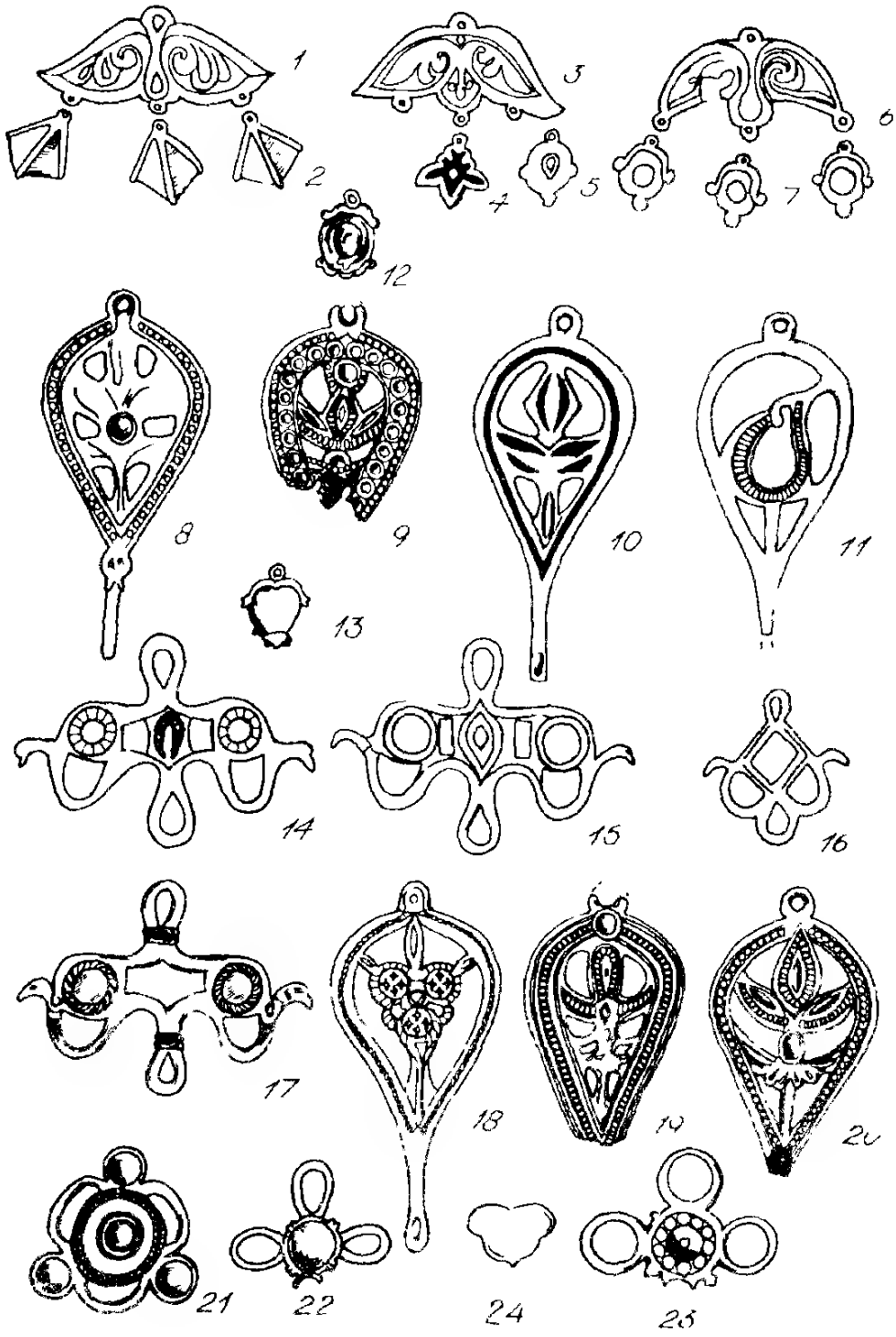


Рис. 29. Копоушки и птицевидные накладки погребении огузов и печенегов (без масштаба): *1* – Верхнее Погромное I, 3/4, Сухая Саратовка, Лапас; *2, 3* – Верхнее Погромное I, 1/3; *4* – Мирный, *5* – Калиновский 9/3; *6* – Эльтон, Лапас, Увак, Сухая Саратовка, Мирный; *7* – Увак, Эльтон, *8, 16* – Лапас, *9, 20* – Хистрия *10, 17* – Быково I, 10/11; *11, 15* – Средняя Ахтуба; *12* – Болгарка I; *13* – Тамар-Уткуль, I *14* – Янайкино *18* – Эльтон *19* – Саркел, 59, Кано, *21* – Гаевка; *22* – Саркел, 37; *23* – Саркел, 59; *24* – Сараджин III, Бахтияровка II, 55/5

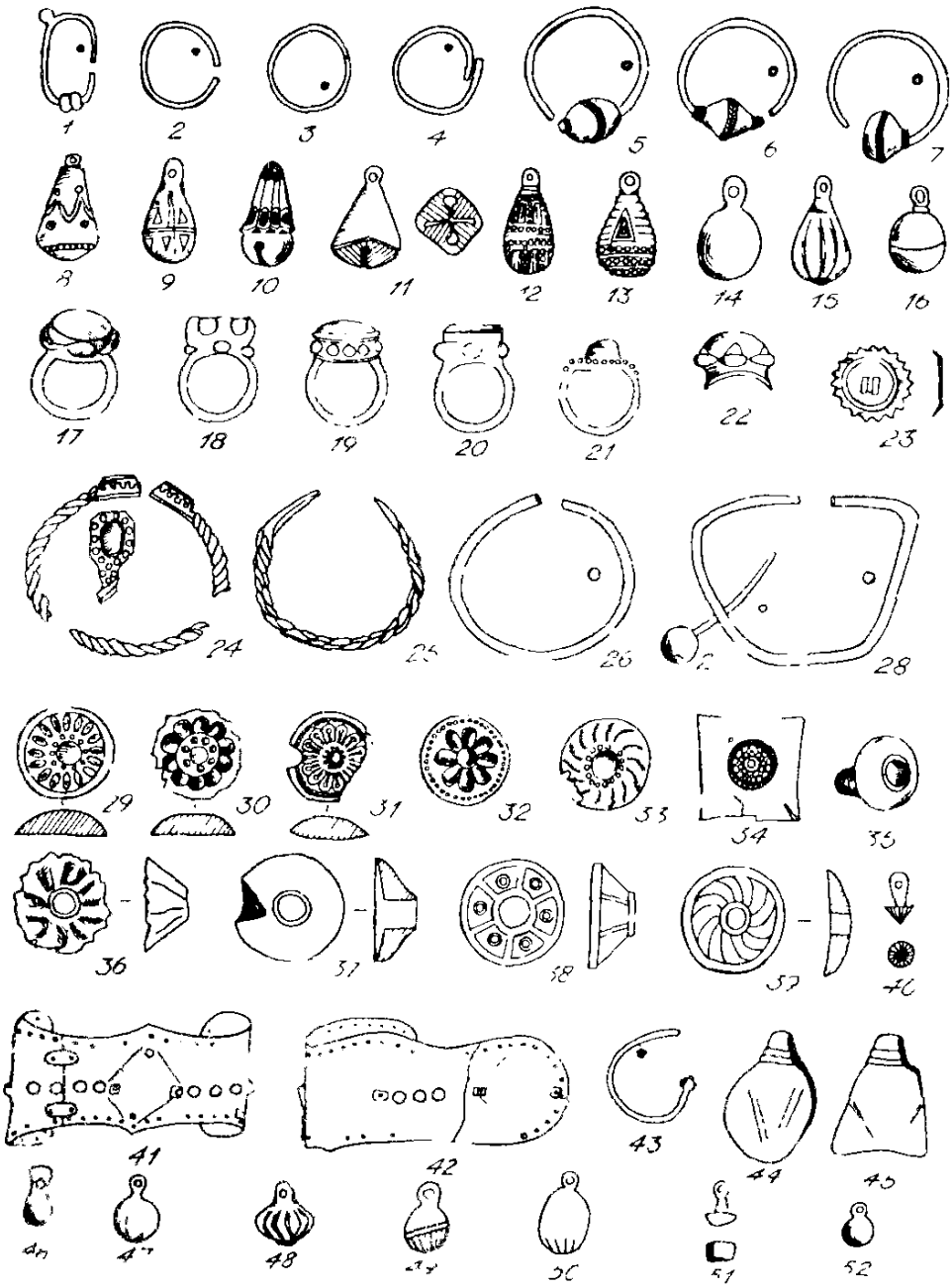


Рис. 36. Женские украшения и принадлежности костюма из погребений огузов и печенегов (без масштаба). *1* – Яман; *2, 16, 18, 34, 37* – Калиновский, 12/19; *3* – Ьолгарка I; *4* – Кара-Су I, 10, Челкар и т.д.; *5, 11, 13, 21, 24* – Саркел 37, *6, 25* – Флоринское; *7* – Коминтерн, I/1, *8, 12, 29* – Верхнее Погромное, I/3, *9* – Яблона, I/12, *10* – Увак, *11* – Саркел, 37, Коминтерн, I/1 и т.д.; *14, 50* – Лапас, *15* – Урсоая, 2/7, Новочерноморское, 3/3 и т.д.; *17* – Пчельник II, I; *19, 41, 42, 32* – Успенка, *20, 27, 28, 33, 50* – Лапас, *22* – Царев; *23* – Верхнее Погромное, 3/7, *26* – Янайкино, Успенка, и т.д., *30* – Шевченко I, 2/2; *31* – Верхнее Погромное, I/3, Успенка, *35, 48* – Гаевка, *36* – Ьыково II, 3/5; *38* – Колпаковка XXVI, 3/3, Ьольшемихайловка II, 3, *39* – Ольховатка, *40* – Быково I, 16/9; *43* – Петродолинское, 3/5, *44, 45* – Занзели, *46* – Аккермень I, *47* – Средняя Ахтуба, Никольское V, 1/4 и т.д., *49* – Беляевский, *51* – Барановский, 23/1, *52* – Казанка

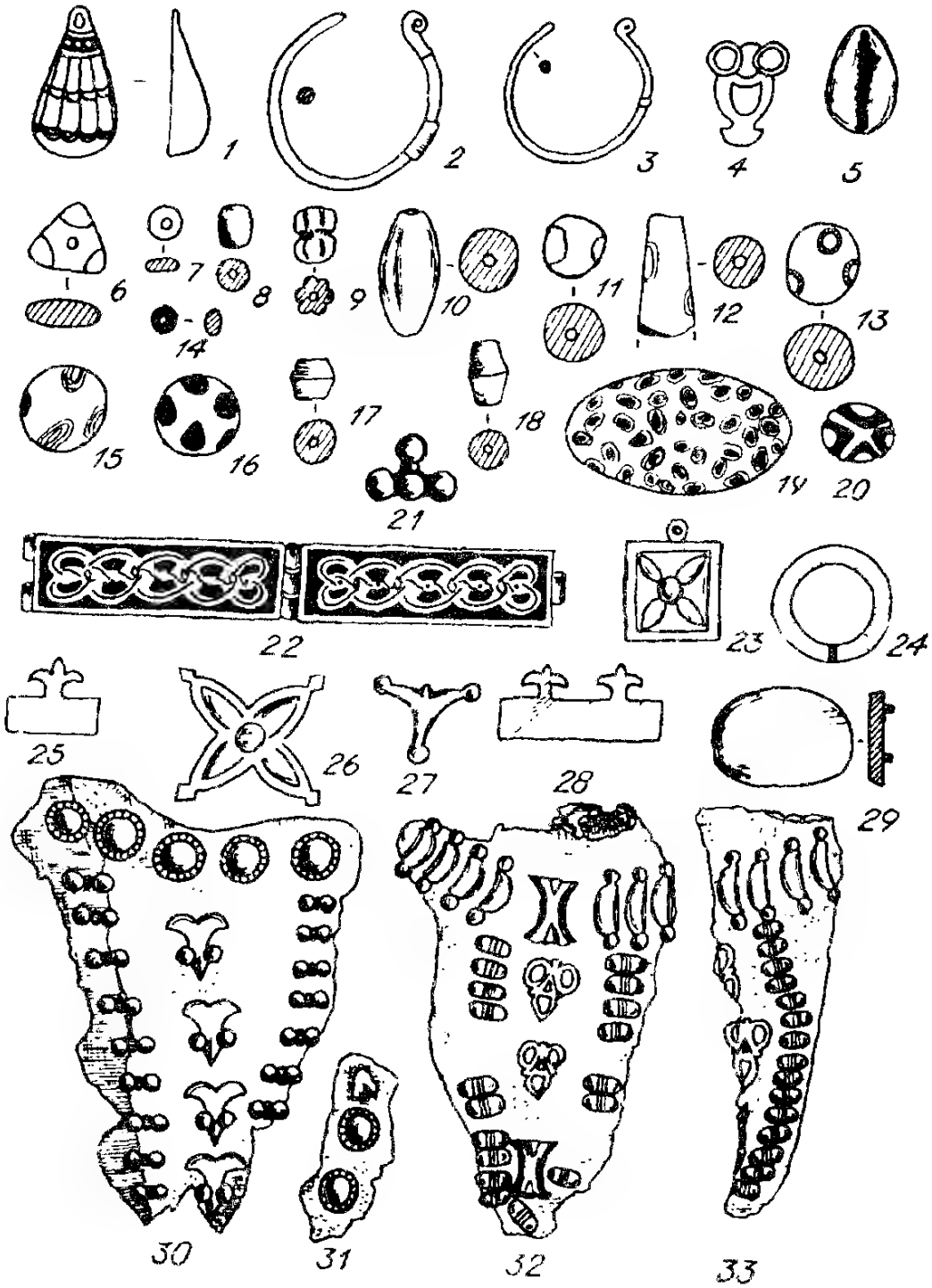


Рис. 31. Женские украшения из погребений огузов и печенегов (без масштаба): *1* – Царев, *2, 3* – Бурты, 276; *4* – Большемихайловка, 2/1, Киляковка, 4/1 *5* – Гороховатка, 284/1; *6, 7* – Красное, 5/2, *8* – Челкар; *9–16* – Краснополка, Кагарлык, 277/2, *17, 18* – Юзефовка, 247/2; *19* – Бурты, 278, *21, 29* – «Человечья голова (случайные находки, Самарская область); *22* – Саркел, 37; *23–28* – Новониколаевское (случайные находки 1926 г., Волгоградская область); *30, 31* – Увак; *32, 33* – Антоновка

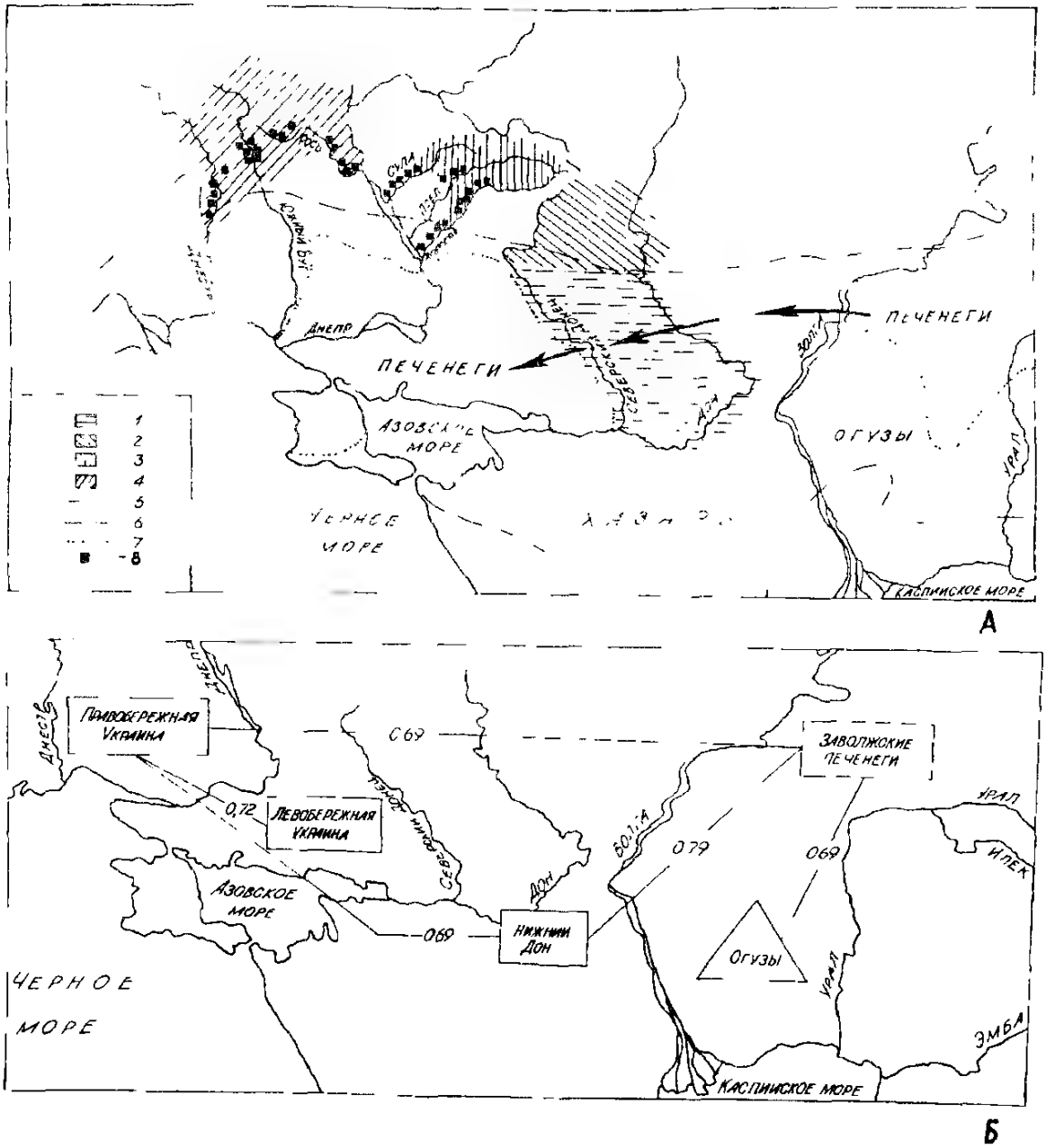


Рис. 32. А. Границы Европейской и Заволжской Печенегии в X в.: *1* **– Степной вариант салтово-маяцкой культуры (по Г.Е. Афанасьеву);** *2* **– лесостепной вариант салтово-маяцкой культуры (по Г.Е. Афанасьеву);** *3* **– роменская культуры;** *4* **– славянские племена (хорваты) в IX (по В.В.Седову);** *5* **– границы степи;** *6* **– границы пустыни;** *7* **– границы Заволжской и Европейской Печенегии;** *8* **– крепости по границам Руси X–XI вв.**

Б. Графы формально-типологического сходства погребений огузов и печенегов X–XIвв.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1. Список курганов и погребений огузов и печенегов*

1 ЗАВОЛЖЬЕ И ПРИУРАЛЬЕ

1 Буранный Оренбургская губерния, Оренбургский уезд (Оренбургская область, Соль–Илецкий район), станица Буранная, местность «Чернышева балка»

В 1899 г местными жителями был раскопан земляной курган содержащий основное (?) погребение IX–XI вв

Шукшинцев И.С Сведения о курганах Оренбургской губернии // ТОУАК Вып VI Оренбург, 1900 С 78–79

2 Колычевский П Оренбургская область, Октябрьский район, в 1,5 км к северу от д Колычево, на левом берегу р Салмыш

В 1974 г Н А Мажитов в кургане № 2 вскрыл впускное погребение 2 X–XI вв.

Мажитов Н А , Рутто Н.Г Отчет 1974 г / Архив ИА РАН, р-1, № 5500

3 Бриенский. Оренбургская губерния, Оренбургский уезд (Оренбургская область), р Ак-Яр

В XIX в местными жителями был раскопан курган, содержащий погребение IX–XI вв

Шукшинцев И С Сведения С 108–109

4 «Близнецы» Оренбургская область, Новоорский район, пос Кумакский, на территории базы колхоза им «8 Марта»

В 1957 г К Ф Смирновым в кургане № 3 вскрыто впускное погребение 3

Смирнов К Ф Отчет 1957 г / Архив ИА РАН, р-1, № 1686

---

* При статистических подсчетах элементов погребального обряда (глава 3) не использовались разрушенные захоронения и погребения у которых в данном перечне после номера стоят буквы «А», «Б», «В»

5 Мертвецовский Оренбургская область, Соль-Илецкий район, в 12 14 вер (12,8 14,9 км) от Илецкой Защиты (г Соль-Илецк), правый берег р Илек

В 1987 г Ф Д Нефедов в кургане № 10 вскрыл погребение IX–XI вв

Нефедов Ф Д Отчет об археологических исследованиях в Южном Приуралье, проведенных летом 1887 и 1888 гг // МАВГР М , 1899 Т III С 24

5-А Покровский 1 Оренбургская область, Соль-Илецкии район, на первой надпойменной террасе р Большая Хобда

В 1993 г экспедицией под руководством Л Т Яблонского в кургане № 17 исследовано впускное погребение 2

Раскопки курганных могильников Покровка 1 и 2 в 1993 г / Л Т Яблонский, Т Н Трунаева, Дж Веддер и др // Курганы левобережного Илека Вып 2 М , 1994 С 29 -30, рис 31

5-Б Покровский II Оренбургская область, Соль-Илецкий район, в 2 км к югу от р Большая Хобда

В 1992 г в земляном кургане № 1 раскопано впускное погребение 1, разрушенное грабителями

Курганы левобережного Илека Раскопки могильников Покровка 2 и Покровка 8 в 1992 г / Дж Веддер, В Егоров, Дж Дэвис-Кимболл и др Вып 1 М , 1993 С 18, 23–24

5-В Покровский VIII Оренбургская область, Соль-Илецкий район, на первой надпойменной террасе левого берега р Большая Хобда, в 5 км к востоку от с Покровка

В 1992 г экспедицией под руководством Л Т Яблонского в кургане № 4 вскрыто впускное захоронение I IX–XI вв

Там же С 44, рис 41

6 Илецкая Защита Оренбургская область, Соль-Илецкий район В 5–6 вер (5,3–6,4 км) от Илецкой Защиты (г Соль-Илецк)

В 1888 г Ф Д Нефедов вскрыл в кургане № 13 основное погребение

Нефедов Ф Д Указ соч С 24

7 Ханская могила Оренбургская область, Оренбургский район, на юго-запад от станицы Павловской, на «Алебастровых горах», по левому берегу р Донгуд

В 1887 г Ф Д Нефедов вскрыл в кургане основное погребение

Нефедов Ф Д Журнал курганныхх раскопок 1887 -88 гг в Южном Приуралье // МАГВР Т III М , 1899 С 32–33

8 Яман Оренбургская область, Илекский район, в 3 км к северо-востоку от с Яман, на возвышенности правого берега р Урал

В 1976 г С А Попов вскрыл в кургане № 2 впускное погребение 2, VIII–IX вв

Попов С А Отчет 1976 г / Архив ИА РАН. р-1 № 5960

9 Увак Оренбургская область, Соль-Илецкий район, левый берег р Илек, с Увак

В 1957 г. К Ф Смирновым в кургане № 2 исследовано впускное погребение 6

Смирнов К Ф Отчет 1957 г / Архив ИА РАН р-1 № 1686

10 Увак Оренбургская область, Соль-Илецкий район, с Увак, на левом берегу р Илек

В 1960 г Э А Федоровой-Давыдовой в кургане вскрыто впускное погребение IX–XI вв

Федорова–Давыдова Э.А Погребение знатной кочевницы в Оренбургской области // Древности Восточной Европы М , 1969 С 262–266

11 Тамар-Уткуль (Черный Яр) Оренбургская область, Соль-Илецкий район, урочище Черный Яр, в 4,5 км к юго-западу от пос Кумакского, правый берег р Илек

В 1956 г К Ф Смирнов в кургане № 1 вскрыл основное погребение В 1983 г В А Иванов и В С Горбунов в кургане № 3 вскрыли основное погребение VIII–IX вв

Смирнов К Ф Отчет 1956 г / Архив ИА РАН р-1 № 1255, *Иванов В А., Горбунов В.С* Отчет 1983 г / Архив ИА РАН

12 Ак–Булак Оренбургская область, Акбулакский район, левый берег р Илек

В 1935 г И А Зарецкий вскрыл курган с погребением IX–XI вв *Зарецкий И А.* Пос Благославенка и Ак-Булак // Археологические исследования в РСФСР 1934–1936 гг М , Л , 1941 С 153

13 Пчельник П Оренбургская область, Соль–Илецкий район, в 1 вер (1,07 км) от Илецкой Защиты (г Соль-Илецк), на правом берегу р Илек

В 1887 г Ф Д Нефедов в кургане № 1 вскрыл основное погребение

Нефедов Ф Д Отчет С 21

14 Пчельник 1 Оренбургская область, Соль-Илецкий район, в 1 вер (1,07 км) от Илецкой Защиты (г Соль-Илецк), на правом берегу р Илек

В 1884 г Ф Д Нефедов и К А Фишер исследовали в курганах № 2 и 6 основные погребения

Нефедов Ф Д Журнал курганных раскопок, произведенных летом 1884 г в Тургайской области Ф.Д.Нефедовым и К А Фишером // Антропологическая выставка 1879 г Т III, ч 1/ИОЛЕАЭ Т 35, ч I, Вып 2 М , 1880 С 482–484

15 Красный Яр Оренбургская область, Илецкий район, в 2 км к юго-западу от с Студеное, на берегу оз Шляпное

В 1984 г. А Х Пшеничнюком в кургане № 17 исследовано впускное погребение (I).

Пшеничнюк А Х Сарматский могильник Красный Яр в Оренбургской области // Материалы по эпохе бронзы и раннего железа Южного Приуралья и Нижнего Поволжья Уфа, 1989 С 114–116, Vladimir A Ivanow, Gennadij N Garustovic The Results of the Statistical Analyses of Funeral Rites of the Nomads in the «Great Steppe Belt n the 10 th–11th Genturies and their Ethnic Interpretation // The Archaeology of the Steppes methods and strategies Napoli, 1994 P 573–589

16 Алебастровая гора Оренбургская область, Оренбургский район, пос Нежинский, на правом берегу р Урал

В 1927 г Б Н Граков вскрыл погребение IX–XI вв

Кривцова-Гракова О А. Погребения поздних кочевников из раскопок в Оренбургском уезде летом 1927 г // ТСА РАНИОН Т IV. М , 1928 С 288

17 Сорочинский. Оренбургская область, Сорочинский район, вблизи железнодорожной станции Самара

В 1887 г Ф Д Нефедов исследовал основное погребение в кургане № 1

Нефедов Ф Д. Отчет. С.34

18 Каратугайская волость. Аул № 1. Казахстан, Актюбинская область, Мартукский район (п Каратогай), левый берег р Илек, в 67 вер (71,5 км) от Илецкой Защиты г. Соль-Илецк), в 0,5 верстах от оз. Кара-Бутак.

В 1888 г Ф Д Нефедов исследовал основные погребения в курганах № 1 и 2

Нефедов Ф Д Журнал С 20

19 Жаман-Каргала Казахстан, Актюбинская область, Актюбинский район, в 12 верстах (12,8 км) от г Актюбинска, на берегу р Жаман-Каргала

В 1909 г И А Кастанье при раскопках большого кургана № 3 вскрыл впускное погребение 1

Кастанье И А. Отчет о раскопках кургана в Актюбинском уезде (Тургайской области) летом 1909 г // ТОУ АК Вып 23 Оренбург 1911 С. 72

20. Жаман-Каргала I Казахстан Актюбинская область Актюбинский район

В 1987 г С Ю Гуцаловым вскрыто в кургане № 25 основное погребение (1) и обломки двух черепов (2)

21. Атпа II. Казахстан, Актюбинская область Карабутакский район

В 1986 г С Ю Гуцаловым в кургане № 2 вскрыто основное погребение

Гуцалов С Ю Погребение средневекового воина в восточных отрогах Мугоджар // Кочевники Урало-Казахстанских степей Екатеринбург, 1993 С 162–166. *Бисембаев А А , Гуцалов С Ю* Средневековые погребения с территории Актюбинской области // Вопросы археологии Западного Казахстана Самара, 1996 С 247–248.

22 Болгарка I Казахстан Актюбинская область, Алгинский район, в 1,5 км к юго-востоку от пос Болгарский, на правом берегу р Сары-Хобда

В 1984 г С Ю Гуцаловым в кургане № 1 вскрыто впускное погребение 3

Гуцалов С Ю Погребение огузо-печенежского времени в кургане Болгарка I (Актюбинская область) // Новое в средневековой археологии Евразии Самара, 1993 С 91–94, *Бисембаев А А , Гуцалов С Ю* Средневековые погребения С 245–247, рис 1

23 Саралжин III Казахстан Актюбинская область, Уильский район, р Уил

В 1986 г В А Кригером и В А Ивановым исследовано в кургане 3 основное погребение

Кригер В А , Иванов В А Отчет 1986 г / Архив ИА МН–АН РК

24 Кара-Су I Казахстан, Уральская область, Джангалинский район

В 1975 г Г А Кушаев, Б Ф Железчиков исследовали курганы № 1–2, 4,8, 10 -11, 17 -18, 20,24 (погребения 1 -2)

Кокебаева Г К Памятники поздних кочевников Западного Казахстана // История материальной культуры Казахстана Алма Ата, 1980 С 95–103, *Кушаев Г А* Этюды древней истории степного Приуралья Уральск, 1993 С 104–105, 108 -109

25 Рубежка Казахстан, Уральская область, Приуральный район левый берег р Рубежка, у переправы «I Карашаевский слаз»

В 1979 г. Б.Ф.Железчиков доисследовал три погребения из развеянного кургана, одно из которых (3) было впускное, средневековое

Кригер В.А., Железчиков Б.Ф. Позднекочевнические погребения у пос. Рубежка и Алебастрово Уральской области / СА 1980 № 1 С.300

26. Челкар. Казахстан Уральская область, Чапаевский район, в 1,5 км к юго-востоку от п. Челкар, на г. Сасай

В 1961 г. Г.К. Максимов доисследовал разрушенное при строительстве погребение

Максимов Е.К. Позднекочевнические погребения Урало-Волжского региона // Древности Восточной Европы. М., 1969. С. 130–138.

27. Челкар III. Казахстан, Уральская область, Чапаевский район, на возвышенном плато идущего от северного берега оз. Челкар

Кушаев Г.А. Этюды. С. 103–104, 98–99.

В 1969 г. М.Г. Мошковой и Г.А. Кушаевым в кургане № 12 исследовано основное погребение.

В 1970 г. на г. Сантас в карьере было разрушено захоронение с вещами IX–XI вв.

28. Челкар II, IV, V. Казахстан, Уральская область, Чапаевский район, на возвышенном плато, идущем от северного берега оз. Челкар, Г.А. Кушаевым в кургане № 8, 13 и других курганах исследованы погребения IX-XI вв.

АО-1971 г. М., 1972. С. 498–499, *Кокибаева Г.А.* Указ. раб. С. 95–103, *Кушаев Г.А.* Этюды. С. 99.

29. Кос-Оба. Казахстан, Уральская область, Джангалинский район, пос. Маштексай, р. Большой Узень.

В 1977 г. Б.Ф. Железчиковым в кургане № 11 вскрыто впускное погребение 2.

Кригер В.А. Погребение и случайные находки IX–XI вв. на территории Уральской области // Древняя история Поволжья / НТКГПИ. Т. 230. Куйбышев, 1979. С. 174–179.

30. Кара-Оба (Джангала). Казахстан, Уральская область, Джангалинский район, в 6 км к северо-востоку от пос. Джангала (Новая Казанка) в местности Джас–аул, на левом берегу р. Малый Узень.

В 1950 г. И.В. Синицын в кургане № 10 исследовал впускное погребение 1, датированное им IV–VIII вв.

Синицын И.В. Археологические исследования в Саратовской области и Западном Казахстане // КСИИМК. Вып. 45. С. 62–73.

31 Кара-Оба Казахстан, Джангалинский район Уральской области

В 1975 г Г А Кушаевым и Б Ф Железчиковым в кургане № 1 вскрыто погребение IX–XI вв , в 1974 г они же в кургане № 6 исследовали впускное погребение 1

Кушаев Г А , Железчиков Б Ф Отчет 1975 г / Архив ИА МК–АНРК Они же Отчет 1974 г / Архив ИА МН АНРК.

32 Джангала (Новая Казанка) Казахстан, Уральская область, Джангалинский район

В 1949 г И В Синицын в кургане № 1 вскрыл впускное погребение (1)

Синицын И В Археологические исследования в Нижнем Поволжье и Западном Казахстане // КСИИМК Вып 37 М , 1951 С 97-103

33 Жана-Унем Казахстан, Уральская область, Джангалинский район, в 1 км к юго-западу от пос Жана-Унем

В 1951 г на соре Камыш-Самарских разливов обнаружены остатки 5 погребений IX–XI вв , с западной ориентировкой костяков, обнаженные выдувом дюны.

Федин Н Ф , Владимиров Н М Археологические находки междуречья Волги и Урала // ВАН КазССР № 2(107) 1954 Алма-Ата С 75–81

34 Бек-Бике Казахстан, Уральская область, Джангалинский район

В кургане № 20 И В Синицын в 1951 г вскрыл погребение IX–XI вв

Кокибаева Г К Памятники С 95–103

35 Бес-Оба Казахстан, Гурьевская область, Денгизский район, в 8 км к юго-западу от колхоза им Чкалова на берегу сора Бес-Оба, на дюне

В 1953 г между солянокупольными поднятиями Бесхоча и Худайберген обнаружено погребение человека и лошади, обнаруженные выдувом

Гладков И И , Гладкова В И , Мнушкин Л Б О новых археологических находках в Западном Казахстане // ВАН Каз ССР 1955 № 4 (121) Алма-Ата С 88–94

36 Красный Октябрь I Самарская область

В земляном кургане были расчищены два впускных погребения 1 и 2, в которых выявлены мужские костяки с оружием и конским снаряжением

37 Волчанское погребение Самарская область.

В 1979 г Л В Кузнецова в кургане исследовала впускное погребение

Васильева И Н Новые погребения средневековых кочевников в Куйбышевской области // Древности Среднего Поволжья Куйбышев, 1985 С 173–174

38 Александровка на реке Вязовке Самарская область, Красноармейский район, у с Александровка на р Вязовке

В 1923 г В В Гольмстен доисследовала частично разрушенное погребение

Гольмстен В В Доисторическое прошлое Самарского края // Краеведение ч I Самара, 1924 С 168, *Васильева И Н* Погребения средневековых кочевников на территории Куйбышевского Поволжья // Древняя история Поволжья / НТК ГПИ Т 230 Куйбышев, 1979 С 216

39 Гришанкин Саратовская область, Перелюбский район, близ пос Гришанкин

В Пугачевский музей погребения переданы вещи из разрушенного огузского погребения стремена, ременные накладки и копоушка

Гарустович Г Н, Ракушин А И, Яминов А Ф Средневековые кочевники Поволжья (конца IX–XV века) Уфа, 1998 С 113

40 Кировский II Самарская область, Красноармейский район, в 1,5 км к юго-западу от центральной усадьбы совхоза им Кирова, на высоком плато

В кургане № 2 выявлено впускное погребение

Васильева И Н Погребения С 232–233

41 Осинковский I Самарская область, Безенчукский район

В 1975 г Г Г Пятых в кургане № 4 вскрыл впускное погребение 1 *Пятых Г Г* Отчет 1975 г / Архив ИА РАН р-I, № 5870

42 Васильевский. Самарская область, Кошкинский район, в 100 м к северу от д Васильевка, на р Кондурча

В кургане выявлено грабленное парное погребение

Васильева И Н Погребения С 213

43 Близ г Саратова Саратовская область

В 1934 г П С Рыков исследовал впускное погребение в кургане, датированное VII–VIII вв

Рыков П С Очерки по истории Нижнего Поволжья по археологическим материалам Саратов, 1936 С 112, *Гарустович Г Н, Ракушин А И, Яминов А Ф* Средневековые кочевники С 164

44 Сухая Саратовка Группа 1 Саратовская область, в 50 м к востоку от правого берега р Сухая Саратовка

В 1975 г Л Л Галкин в кургане I вскрыл впускное погребение 5
Галкин Л Л Отчет 1975 г Архив ИА РАН р-1 № 6469

45 Ровное. Саратовская область, Ровенский раион, к югу от с Ровное, левый берег р Волги

В 1957 г И В Синицын в кургане № 4 исследовал впускные погребения 7 и 8

Синицын И.В Древние памятники Саратовского Заволжья // Археологический сборник 1966 С 36-38

46 Мирный (Фриденберг) Саратовская область, Ровенский район, в 3 км к северу от пос Мирный, на правом берегу р Еруслан

В 1981 г В А Лопатин в кургане № 1 исследовал впускное погребение 6, датированное XI–XII вв

Лопатин В А Отчет 1981 г / Архив ИА РАН р 1 № 8487

47 Фриденберг Группа I Саратовская область, Ровенский район, р Еруслан, пос Мирный (Фриденберг)

В 1925 г П С Рыков в ходе раскопок земляного кургана № 7 вскрыл впускное погребение 1

Рыков П С Археологические раскопки и разведки в Нижнем Поволжье и Уральском крае летом 1925 г // ИКИ ИЮВО Т 1 Саратов, 1926 С 123, *Гарустович Г Н, Ракушин А И, Ямпнов А Ф* Средневековые кочевники С 134

48 Новоузенск Саратовская область, Новоузенский район в 5 км от станции Новоузенск, вдоль железнодорожного полотна Новоузенск -Александров Гай, у полустанка «Казарма 114 км»

В 1977 г М Г Ким исследовал курган № 2, где выявлено впускное погребение 1

Ким М Г Отчет 1977 г / Архив ИА РАН р-1 № 6773

49 Черная Падина Саратовская область, Ершовский раион, правый берег р Узень

В 1961 г в обрыве берега реки расчищено погребение с двумя монетами VIII–IX вв

Максимов Е К. Позднекочевнические погребения С 130-138

50 «Кураевский сад» Саратовская область, Питерский раион в 300 м от урочища «Кураевский сад», близ дороги Агафоновка – Малыи Узень, на правом берегу р Малыи Узень

В 1975 г Л П Галкин в кургане № 2 исследовал впускное погребение 7

Галкин Л П Отчет 1975 г / Архив ИА РАН р-1 № 6469

50-А Суслы Саратовская область, Марксовский район, в 12 вер (12,8 км) от села

В 1912 г. А Вейсбекер, П Вайнгель и П Берац в кургане вскрыли впускное (?) захоронение с вещами X–XI вв

Гарустович Г Н, Ракушин А И, Яминов А Ф Средневековые кочевники С 98

51 Бережновский II Волгоградская область, Николаевский район, в устье р Еруслан

В 1955 г И В Синицын исследовал курган № 74, содержавший основное погребение XI–XIII вв

Синицын И В Древние памятники в низовьях Еруслана // МИА № 78, *Древности Нижнего Поволжья* Т II М, 1960 С 10–120

52. Бережновка «Лесной кордон» Волгоградская область Николаевский район, в 3 км к северо-востоку от с Бережневка, в пойме левого берега р Волги

В 1955 г И В Синицын в одиночном кургане вскрыл впускное погребение 2

Синицын И В Древние памятники С 10–120

53 Политотдельное Волгоградская область, Николаевский район в 7–9 км к юго-западу от с Новая Молчановка, в местности «Ямки» на левом берегу р Волги

В 1955 г И В Синицын в кургане № 1 вскрыл два впускных погребения 5 и 6

Синицын И В. Древние памятники... С 10–138

54 Новая Молчановка Волгоградская область, Николаевский район, в 7 км к юго-востоку от с Новая Молчановка, на левом берегу р Волги

В 1955 г И В Синицын в кургане № 1 вскрыл впускное погребение 1

Синицын И В Древние памятники С 10–132

55 Кано (Блюменфельд Группа В) Волгоградская область, Старополтавский район

В 1925 г П С Рыков и Б Н Граков в кургане № 1 вскрыли впускное погребение 1

Кушева-Грозевская А Золотоордынские древности государственного исторического музея из раскопок 1925–1926 гг в Нижнем Поволжье Саратов, 1928 С 5, *Гарустович Г Н, Ракушин А И, Яминов А Ф* Средневековые кочевники, С 139

55-Б Блюменфельд (Цветочное) Волгоградская область, Старополтавский район, с Цветочное

В 1920 г П Д Рау и А А Кротковым в кургане № 2 было вскрыто парное захоронение или два погребения IX–XI вв

Рау П Д Отчет 1920 г / АИИМК Личный фонд И В Синицына ф –79 № 36. *Гарустович Г Н, Ракушин А И, Яминов А Ф* Средневековые кочевники С 168–170

56 Ловатка Волгоградская область, Старополтавский район, на северо-восточной окраине с Иловатка, на левом берегу р Волги

В 1951 г К Ф Смирнов исследовал два кургана № 1 и 2, представляющие из себя поминальные (?) насыпи

Смирнов К Ф Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области // МИА № 60 М, 1959. С 208–226, *Смирнов К Ф.* Работы первого Нижневолжского отряда Сталинградской экспедиции // КСИИМК Вып 55 М., 1954 С 75

57 Торгунское Волгоградская область, Старополтавский район, в 3 км к юго–западу от с Торгун, левый берег р Волги

В 1982 г. А В Лукашов в кургане № 1 вскрыл впускное погребение 5

Лукашов А В Отчет 1982 г / Архив ИА РАН

58. Водянские курганы Самарская губерния, Новоузенский уезд (Волгоградская область, Старополтавский район, устье р Водянки, берег р Торгун)

В 1891 г Н Спиридонов сделал описание кургана, раскопанного местными жителями, в котором выявлено впускное погребение IX–XI вв

Спиридонов Н. К вопросу об археологических памятниках в Торгунской и Савинской волостях Новоузенского уезда Самарской губернии. Приложение 1 к протоколу № 404–405. // Древности. Труды Императорского Московского археологического общества Т 16 М, 1900. С 144–146

59. Быково 1 Волгоградская область, Быковский район, на северо-восточной окраине пос. Быково, на левом берегу р Волги

К Ф Смирнов исследовал курганы № 10 (впускные погребения 11 и 16), № 14 (впускное погребение 3), № 16 (впускное погребение 9), содержащие захоронения IX–XI вв

Смирнов К Ф Быковские курганы // МИА № 78 С 169-215

60 Быково II Волгоградская область, Быковский район, на левом берегу р Волги

В 1952 г К Ф Смирнов исследовал курган № 3, содержащии впускное погребение 5

Смирнов К Ф Быковские курганы С 229

61 Калиновский. Волгоградская область, Быковский район, между сел Рахинка и Калиновка, на левом берегу р. Волги.

В 1951 г. В П Шилов исследовал курганы № 1 (впускное погребение 7), № 3 (впускное погребение 1), № 4 (впускное погребение 1 № 9 (впускное погребение 3), № 12 (впускное погребение 19), № 26 (основные погребения 1 и 2) № 28 (впускное погребение 1), № 42 (впускное погребение 1), № 62 (впускное погребение 1).

Шилов В.П. Калиновский курганный могильник // МИА № 60 М., 1959 С 323-381

62 Верхний Балыклей II Волгоградская область, Быковский район, в 8 км к северу-северо-востоку от пос Верхний Балыклеи

В 1980 г А С Скрипкин исследовал в курганах № 5 (впускное погребение 1), 6 (впускные погребения 5 и 10), 7 (впускное погребение 1), 8 (впускное погребение 1)

Скрипкин А С. Отчет 1980 г / Архив ИА РАН р 1. № 8082. *Яворская Л.В* Средневековые погребения у пос Верхнии Балыклей // Историко-археологические исследования в Нижнем Поволжье Вып 2 Волгоград. С. 148 160

63. Новоникольский 1 Волгоградская область, Быковский район в 60 км севернее г. Волгограда, на левом берегу р Волги

В 1954 г В П.Шилов в курганах № 3 (впускное погребение 8) и 7 (впускное погребение 13) исследовал погребения IX XI вв

Шилов В П Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья Л 1975. С 28, *Komantseva A S.* Les sepultures nomades tardives du cimetiere de Novonikolskoe // Les Anciens Hongrois lest es ethnies Voisines A L Est Akademiai kiado Budapest, 1977 S 309-359

64 Барановский 1 Волгоградская область, Камышинский район на правой надпойменной террасе р Иловли, в 1,5 км к западу от с. Барановка

В 1983 г И В Сергацков исследовал основное погребение в кургане

Сергацков И В Отчет 1983 г / Архив ИА РАН

65 Киляковка Волгоградская область, Среднеахтубинский район

В 1984 г Е П Мыськов исследовал в курганах № 1 впускное погребение 5, № 3 впускное погребение 2, № 4 впускные погребения 1 и 2

Мыськов Е П Отчет 1984 г / Архив ИА РАН р-1 № 10256, *Мыськов Е П* Погребения кочевников IX–XI вв на Ахтубе // Древности Волго-Донских степей Вып 3 Волгоград, 1993 С 70 81

66 Рахинка Волгоградская область, Среднеахтубинский район, в 1,6 2 км к северо-западу от пос Рахинка

В 1985 г В А Кригер исследовал основное погребение в кургане № 3

Кригер В А Отчет 1985 г / Архив ИА РАН

67 Средняя Ахтуба Волгоградская область, Среднеахтубинский район, с Средняя Ахтуба

В 1960 г при строительстве разрушено погребение с двумя костяками

Конкин В Н Украшение из половецкого погребения // СА 1969 № 2 С 269–271

68 Верхнепогромное Волгоградская область, Среднеахтубинский район, севернее г Волгограда, на левом берегу р Волошки, левого притока р Волги

В 1954 г В П Шилов исследовал курганы № 1 (впускные погребения 3 и 12), 3 (впускные погребения 4 и 7), 15 (впускное погребение 2)

Шилов В П Отчет 1954 г / Архив ИА РАН

68-А Краснооктябрьский Волгоградская область, Среднеахтубинский район, в 2,5 км к западу-юго-западу от пос Красный Октябрь

В 1995 г в кургане № 1 вскрыто впускное погребение 2

Новожилов В В., Клепиков В.М. Охранные раскопки в Среднеахтубинском районе Волгоградской области//Историко–археологические исследования в Нижнем Поволжье Вып 2 Волгоград, 1997 С 63–65, рис 8,10

68-Б Заяринский Волгоградская область, Среднеахтубинский район, на пологом склоне, выходящем к р Ахтубе

В 1928 г П Н Шишкиным и А Н Ильиной в кургане № 1 расчищены огузские впускные погребения «А», 2 3, относящиеся к IX XI вв

Шишкин П Н., Ильина А Н Отчет 1928 г / АИИМК ф–1 оп 1 1928 д 224, *Гарустович Г Н., Ракушин А И., Яминов А Ф* Средневековые кочевники С 119–122

69 г Волжский Волгоградская область, в 2 км к востоку-юго-востоку от Волжской ГЭС, на левом берегу р Ахтубы

В 1983 г Е П Мыськов в кургане № 2 вскрыл впускные погребения 4 и 9

Мыськов Е П Погребения кочевников С 69–70

70 «15-й поселок» Волгоградская область, Среднеахтубинский район, левый берег р Ахтубы

В 1958 г В П Шилов в кургане № 3 вскрыл впускные погребения 1,4,7

Шилов В П Отчет 1958 г / Архив ИА РАН р-1, № 1850

70–А «Журов курган» (Колобовский) Волгоградская область, Ленинский район, урочище «Журов», к востоку от пос Колобовка, на краю надпойменной террасы Ахтубы

В 1978 г В И Мамонтов в кургане № 2 выявил впускное погребение 1, представляющее собой кенотаф, содержащий кости ног лошади и вещи IX XI вв

Круглов Е В Печенежский кенотаф из «Журова кургана» // Исследования по археологии юга Восточной Европы Элиста, 1992 С 135 -139

70–Б Солодовскии 1 Волгоградская область, Ленинский район, в 0,3 км к северу от с Солодовка

В кургане № 5 было расчищено впускное погребение 4

Мыськов Е П Погребения кочевников С 81 -83

70 -В Зубовский Волгоградская область, Ленинский район, на второй надпойменной террасе Ахтубы

В И Мамонтов в кургане № 9 обнаружил впускное погребение 2, содержащее птицевидные огузские накладки

Мамонтов В И Курганный могильник Зубовка // Древности Волго-Донских степей Волгоград, 1992 С 32–35

71-А Царевский Волгоградская область, Ленинский район, на первой надпойменной террасе Ахтубы, в 1,5 -2 км к юго-востоку от с Царев

В ходе работ экспедиции под руководством В И Мамонтова в курганах № 11, 23 (погребение 1), 66 (погребение 2) раскопаны захоронения IX– XI вв

Мыськов Е П Погребения кочевников С 80–81, *Мамонтов В И*, *Ситников А В* Средневековые погребения Царевского могильника // Древности Волго-Донскиxx степеи Вып 3 Волгоград, 1993 С 195–196, 201–203

71 Бахтияровский I Волгоградская область, Ленинский район, в 1,5 км к северо-западу от пос Бахтияровка, на краю второй террасы р Ахтуба

В 1984 г В А Кригер исследовал курган 32, содержавший впускное погребение 12

Кригер В А Отчет 1984 г / Архив ИА РАН

72 Бахтияровский II Волгоградская область, Ленинский раион, в 1,5 км к северо-западу от пос Бахтияровка, на второй террасе р Ахтуба

В 1983 г В А Кригер в кургане № 55 вскрыл впускное погребение 5

Кригер В А. Отчет 1983 г / Архив ИА РАН

73. Ленинск Волгоградская область, Ленинский район между железнодорожной линией и северо-западной окраиной с Ленинск на левом берегу р Ахтубы

В 1956 г В.П.Шилов в кургане 3 вскрыл впускные погребения 2 и 3а в кургане № 4 впускное погребение 4

Шилов В П Отчет 1956 г / Архив ИА РАН р-1 № 1314

74. Заплавное. Волгоградская область, Ленинский район между сел Средняя Ахтуба и Заплавное

В 1958 г В П Шилов исследовал в кургане № 2 (впускное погребение 1), 3 (впускные погребения 3,6,7) погребения IX XI вв

Шилов В П Отчет 1958 г / Архив ИА РАН р-1, № 1850

75. Шульц Группа III Волгоградская область, Палласовский район левый берег р Торгун, вблизи хут Шульц

В 1924 г П.Д Рау и Т М Минаева в кургане № 11 выявлено впускное погребение 1

Минаева Т М., Рау П Д Отчет об археологических разведках по р Торгуну в 1924 году // Тр Нижне-Волжского об.науч.об-ва краевед Вып. 35, ч 1 Саратов, 1926 С 19 20, *Гарустович Г Н, Ракушин А.И., Яминов А Ф* Средневековые кочевники. С 174

76. Эльтон. Приозерный Волгоградская область, Палласовский район, к северо-востоку от оз Эльтон и к югу от совхоза Приозерный

В 1985 г А В.Лукашов исследовал в курганах № 2 впускное погребение 3, № 4 впускное погребение 1, № 7 впускное погребение 1

Лукашов А В Отчет 1985 г Архив ИА РАН р-1 № 11403

77. Эльтон Волгоградская область Палласовский район, на левом берегу р Хара

В 1984 г. А.В.Лукашов исследовал курганы № 1 (впускное погребение 3), 2 (впускное погребение 5) 7 (впускное погребение 2).

Лукашов А В Отчет 1984 г Архив ИА РАН

78. Ченин Волгоградская область, Палласовский район, в 1 км к югу-юго-востоку от хут Ченин напротив отметки «89 км» шоссе Палласовка–Эльтон

В 1980 г А В Лукашов в кургане № 8 исследовал впускное погребение 4

Лукашов А В Отчет 1980 г / Архив ИА РАН

79. Досанг Астраханская область, станция Досанг, погребения на дюне

В 1928 г П С Рыков на дюне доисследовал захоронение IX–XI вв

Рыков П С. Археологические разведки и раскопки в Нижне-Волжском крае, произведенные в 1928 году // ИНВИК, Т III Саратов, 1929, *Гарустович Г Н, Ракушин А И, Яминов А Ф.* Средневековые кочевники С 151–152

80 Успенка Астраханская область, Ахтубинский район, левый берег р Волги

В 1984 г Е В Шнайдштейн доисследовал безкурганное погребение

Шнайдштейн Е В. Раннесредневековое погребение на р Ахтубе в низовьях Волги // Ранние болгары в Восточной Европе Казань, 1989. С 60–63, *Шнайдштейн Е В* Средневековое погребение на реке Ахтуба в Астраханской области // СА 1989 № 4 С 269–272, *Шнайдштейн Е В* Археологические исследования Астраханского пединститута // Материалы второй краеведческой конференции Астрахань 1989 С 6-7, АО-1984 г, М, 1985 С 162

81 Успенский Астраханская область, Ахтубинский район, в 2,9 м к юго-востоку от с Успенка

В 1984 г Е В.Шнайдштейн исследовала в кургане № 2 основное погребение

Шнайдштейн Е В Отчет 1984 г / Архив ИА РАН р-1 № 10341

81–А Батаевский Астраханская область, Ахтубинский район, в 1,5 км к югу от с Батаевка

В 1981 г Е В Шнайдштейн на пашне доисследовала огузское захоронение с керамикой и птицевидными накладками

Пигарев Е М. Погребения эпохи средневековья на Нижней Волге (в печати)

82 Дорога Волгоград-Астрахань Астраханская область, Ахтубинский район, в 175 м к востоку от дороги

В 1982 г Е В Шнайдштейн исследовала в кургане № 1 впускное погребение 15

АО-1982, М, 1983, С 187, *Шнаидштейн Е В* Археологические исследования С 4

83 Дюна Лапас Астраханская область, Харабалинский район, вблизи с Лапас

В 1955 г обнаружено развеянное погребение X в., с монетами *Филипченко В А* Погребение X в в Астраханской области у с Лапас // СА 1959 № 2 С 239–242

84 Гаевка Воронежская губерния, Валуйский уезд (Белгородская область)

В начале XX в было разрушено погребение с золотой монетой и серебряными вещами

ОАК 1905 г С 95–96, *Кирпичников А Н* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв // САИ Вып Е1-36 Л , 1973 С 26–28 Табл VIII–IX

85 Ольховатка Воронежская область, Ольховатский район, с Ольховатка

В 1976 г Ю Д Матвеев доисследовал разрушенный курган, где найдено погребение X–XI в

Цыбин М В Погребения средневековых кочевников X–XIV вв в Среднем Подонье // СА 1986 № 3 С 257–259

86 Николаевка Саратовская область, Балашовский район, с Николаевка

На территории городища было найдено грунтовое погребение *Цыбин М В* Погребения средневековых кочевников X–XIV вв в Среднем Поволжье // СА 1986 № 3 С 257

86-А Свинуха (Лесное) Саратовская область, Балашовский район, р Хопер

В 1931 г Н К Арзютов в кургане № 13 было исследовано основное погребение с вещами IX–XI вв

Арзютов Н К Отчет 1931 г / АИИМК Личный фонд И В Синицына ф –79, № 120, *Гарустович Г Н, Ракушин А И., Яминов А.Ф.* Средневековые кочевники С 199–200

86-Б «Мишкина Пристань» Волгоградская область (Царицынский уезд) Группа I

В 1900 г П П Греков в кургане № 2 было вскрыто грабленное захоронение

Греков П П Отчет 1900 г / АИИМК ф-1 1900 № 28, *Гарустович Г Н, Ракушин А И , Яминов А Ф* Указ.раб

87 Первомайский VII Волгоградская область, левый берег Цимлянского водохранилища, р Дон

В 1986 г В И Мамонтов в земляном кургане выявил кенотаф *АО*-1986 С 135

88 Букановский Волгоградская область, Подтелковский район, станица Букановская

В ходе раскопок кургана выявлено погребение X–XI вв

Цыбин М.В Погребения С 257

89 Глазуновский Волгоградская область, Подтелковский район в 2 км южнее станицы Глазуновской, в 1 км к северо-западу от р Медведицы

В 1971 г В И Мамонтов исследовал основные погребения в курганах № 1 и 5

Мамонтов В И Отчет 1971 г / Архив ИА РАН р-1 № 4456

90 Кленовский Волгоградская область, Жирновский район, р Щелкан

В 1965 г В С Кальянов в кургане № 1 вскрыл впускное погребение 2

Кальянов В.С. Отчет 1965 г / Архив ИА РАН р-1, № 3096

91 Дмитриевскии Волгоградская область, Городищенский район, в 7 км к северу-северо-востоку от хут Дмитриевка

В 1986 г В М Клепиков в кургане № 8 раскопал впускное погребение 2

Клепиков В.М. Отчет 1986 г / Архив ИА РАН

91-А Алешкин Волгоградская область, Чернышковский район, в 1,5 км от пос Алешкин, на землях совхоза Чернышковский

В 1991 г Л В Гуренко в одиночном земляном кургане вскрыл впускное захоронение 2 с вещамиии IX-XI вв

Гуренко Л В. Новые курганные материалы Донского Правобережья // Древности Волго–Донских степей Вып 3 Волгоград, 1993 С 36–38

92 Хут Кузин Астраханская область, Черноярский район, в 30 км к юго-востоку от Черного Яра, на берегу высохшего Караульного озера

В 1961 г В.П Шилов в кургане № 1 вскрыл впускное погребение 1

Шилов В П. Отчет 1961 г / Архив ИА РАН р-1 № 2380

93 Старица Астраханская область, Черноярский район, в 200 м к северо-востоку от с Старица, в пойме р Волги

В 1960 г В П Шилов исследовал в курганах. № 5 (основное погребение), № 7 (впускные погребения 9,16,18)

В 1961 г при продолжении раскопок в курганах. № 7 (впускное погребение 5), № 21 (впускные погребения 2 и 3), № 30 (впускное погребение 4) исследованы погребения IX–XI вв

Шилов В П. Отчет 1960 г / Архив ИА РАН р-1 № 2155, *Шилов В П* Отчет 1961 г / Архив ИА РАН р-1 № 2380

94 Капитанский хутор Астраханская область, Черноярский район, в 15 км к северо-востоку от с Соленое Займище, на водораздельном хребте

В 1964 г. В П Шиловым в курганах № 11 и 12 исследованы впускные погребения (1 и 1)

Шилов В П Отчет 1964 г / Архив ИА РАН р-1, № 3156

95 Кривая Лука III Астраханская область, Черноярский район, вблизи сухого русла протоки Волги «Кривая Лука»

В 1973 г Г А Федоров–Давыдов и В В Дворниченко в кургане № 1 вскрыли впускное погребение 23

Дворниченко В В, Малиновская Н В, Федоров-Давыдов Г А Раскопки курганов в урочище Кривая Лука в 1973 году // Древности Астраханского края Вып 4 М, 1977 С 29, 32–36

96 Кривая Лука VI Астраханская область, Черноярский район, в 23 км от пос Черный Яр, справа от дороги Царицын–Черный Яр

В 1973 г. Г А Федоров-Давыдов и В В Дворниченко в кургане № 1 вскрыли впускное погребение (5)

Дворниченко В В. Малиновская Н В, Федоров-Давыдов Г А Раскопки курганов С 61–62

97. Барановский Астраханская область, Черноярский район

В 1970 г Е В Шнайдштейн в кургане № 1 вскрыла впускные погребения 1 и 2

Шнайдштейн Е В Отчет 1970 г / Архив ИА РАН р-1 № 4711

В 1972 г на могильнике продолжили раскопки Г А Федоров–Давыдов и В В Дворниченко В курганах № 2 (погребение 3) и 23 (погребения 1 и 2) были вскрыты впускные и основное захоронения

Дворниченко В В, Федоров-Давыдов Г А Раскопки курганов в зоне строительства Калмыцко-Астраханской и Никольской оросительных систем // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья М, 1989, С 19–20, 26, 51

98 Черноярский грунтовый (?) могильник Астраханская область. Черноярский район, в 5 км к северо-западу от Черного ЯРА, в обрыве береговой террасы В 1930 г Е В Шнайдштейн исследовала три погребения.

Шнайдштейн Е В Отчет 1970 г / Архив ИА РАН р-1 № 4711

99 Черноярский курганный могильник Астраханская область, Черноярский район

В 1970 г Е В Шнайдштейн исследовала курганы № 1 (основное погребение 1), № 2 (основные погребения 1 и 2)

Шнайдштейн Е В Отчет 1970 г / Архив ИА РАН р-1 № 4711

100 Никольское V Астраханская область, Енотаевский район, к западу от с Никольское и к востоку-юго-востоку от с Грачи Курган одиночный

В В Дворниченко вскрыл в кургане впускное погребение 4

Дворниченко В В, Федоров-Давыдов Г А Раскопки курганов С 107–114

100-А Волжский Астраханская область, Енотаевский район, на территории совхоза «Волжский»

В 1990 г при строительстве было разрушено захоронение с керамикой, птицевидными накладками и копоушкой, оставленное огузами

Пигарев Е М Погребения эпохи средневековья

101 Зензели Астраханская область, Лиманский район, на дюнах вблизи с Зензели, за высоким ильменем, на вершине бугра

В 1930 г А Н Дашук доисследовал на дюне погребение 1 XI в

Синицын И В Древние памятники Приморского района Калмобласти // ИНВИК Т VI Саратов, 1933 С 89–102, *Гарустович Г Н, Ракушин А.И, Яминов А Ф* Средневековые кочевники С 203

102 Восточный Маныч Калмыкия, бассейн Восточного Маныча

В 1967 г У Э Эрдниев вскрыл в кургане № 9 впускное погребение 1

Эрдниев У Э Археологические памятники Южных Ергеней Элиста, 1982 С 20-21

103 Восточный Маныч Группа 1 Калмыкия

В 1966 г И В Синицын исследовал в курганах № 48 и 19 - основные погребения

Синицын И.В., Эрдниев У.Э. Древности восточного Маныча // Археологические памятники Калмыкии эпохи бронзы и средневековья Элиста, 1981 С 57

104 Восточный маныч Группа III Калмыкия

В 1966 г И В Синицын исследовал в кургане № 10 впускное погребение 3

В 1967 г У Э Эрдниев исследовал в кургане № 4 впускное погребение 2

Синицын И.В Отчет 1966 г / Архив ИА РАН, *Эрдниев У Э* Археологические памятники Южных Ергеней Элиста, 1982 С 9

105 Эвдык Калмыкия, Приозерный район

В 1983 г В П Шилов в кургане № 7 вскрыл впускное погребение 8

Шилов В П Отчет 1983 г / Архив ИА РАН р-1 № 9589

106 Калмбазар Калмыкия, по дороге Калмбазар–Элиста, в 1 км к западу от станции № 5, на высоте лиманной полосы, на дюне

В 1929 г П С Рыков доисследовал развеянный курган X–XI вв

Арзютов Н Погребения поздних кочевников Калмыцкой области по материалам 1929 г // ИСНВИК Т IV Саратов 1933 С 103–113, *Гарустович Г Н, Ракушин А И, Яминов А Ф* Средневековые кочевники С.153 154

106-А КВЧ Гр 48. Калмыкия, Яшкульский район, трасса канала Волга-Чограй в 4,5 км к северо-западу от пос Цаган-Угн Группа 48

В кургане № 1 Н А Николаева в ходе работ 1986 г исследовала кенотаф IX–XI вв (впускное погребение 2)

Васюткин С М., Кольцов П М, Николаева Н А Средневековые погребения зоны канала Волга -Чограй // Исследования по археологии юга Восточной Европы Элиста, 1992 С 125–127

107 Иджил. ЮВ группа Калмыкия, Октябрьский район, пос. Иджил.

В 1984 г С М Васюткин в кургане № 2 вскрыл впускное погребение 3

АО-1984 М , 1986.С. 120.

108 Джангар Калмыкия, Октябрьский район.

В 1981 г В П Шилов исследовал в кургане № 31 впускное погребение.

В 1981 г. С М Васюткин вскрыл основное погребение в кургане № 33.

В 1985 г Н А Николаева вскрыла основное погребение в кургане № 6.

Шилов В П Отчет 1981 г / Архив ИА РАН р-1 № 10968, *Васюткин С.М* Отчет 1981 г / Архив ИА РАН р-1. № 8801, *Николаева Н А* Отчет 1985 г / Архив ИА РАН р 1 № 10969

109 Купцын Толга Калмыкия, Малодербетовский район, вблизи с границей с Астраханской областью, урочище Купцын–Толга

В 1974 г Е В Шнайдштейн в кургане № 46 исследовала впускные погребения 1 2 5

Шнаидштейн Е В. Раскопки курганной группы Купцын Толга // Археологические памятники Калмыкии эпохи бронзы и средневековья Элиста, 1981 С 107–109, *Шнаидштейн Е В* Отчет 1974 г / Архив ИА РАН р-1 № 5434

110 Саркельский Ростовская область, р Дон, вблизи крепости Саркел-Белая Вежа (ныне затоплена Цимлянским водохранилищем)

В 1934 г А П Круглов исследовал курганы с основными погребениями № 1–3, 5–9, 11–16 и курганы № 4 и 10 содержащие по два основных погребения

В 1949 г О А Артамонова исследовала курганы № 20 21, 27–29, 33–34, 36–37, 40–43, 53–54, 56,59, содержащие основные погребения и курганы 35 и 38, содержащие по два основных погребения

В 1949–1950 гг О А Артамоновой и С А Плетневой в насыпи № 15 вскрыты погребения 3 и 4 В 1936 г А П Кругловым в насыпи № 18 вскрыто погребение IX–X вв

В 1949 г О А Артамоновой в насыпи 19/1 вскрыты погребения 15,22,26,29

В 1951 г С А Плетневой в насыпи 60 найдена шкура лошади, а в насыпи 25/1 исследовано погребение IX–XI вв

Плетнева С А. Кочевнический могильник близ Саркела–Белои Вежи //МИА, Вып 109, М , Л , 1963, *Плетнева С.А* Печенеги и гузы на Нижнем Дону М , 1990 Гл I

111 Нагишкин Ростовская область, близ хут Нагишкин

В 1934 г А А Миллер в кургане расчистил печенежское захоронение с конским снаряжением и оружием

112. Филипповский. Донской округ (Ростовская область)

В курганах найдены погребения IX–XI вв

Попов Х И Описание археологического отдела Донского музея Новочеркасска Б/г С 266

113 Ясырев I Ростовская область, Цимлянскии район, левый берег р Дон, в 3 км от хут Ясырев

В 1970 г М Г Мошковой и Э А Федоровой-Давыдовой в кургане № 5 выявили кенотаф (Тризна 1)

Мошкова М Г, Федорова-Давыдова Э.А Работы Цимлянской экспедиции 1970 года // Археологические памятники Нижнего Подонья I М , 1974 С 37–38.

114 г Новочеркасск Область Войска Донского (Ростовская область), в 3 верстах к северо-западу от г Новочеркаска

Во 2 половине XIX в в кургане № 2 вскрыто впускное (?) погребение

Антропологическая выставка 1879 г Т 31 М , 1978 С 243 / ИОЛЕАЭ

115 Богоявленское Ростовская область, Константиновскии район

В 1970 г. Е И Савченко в кургане № 1 вскрыл впускное погребение 4

Савченко Е И Отчет 1970 г / Архив ИА РАН р-1 № 4150

116 Кастырский V Ростовская область, Константиновский район, к востоку от г Константиновка, в междуречье рек Дона и Северного Донца

В 1986 г В Г Житников в кургане № 11 вскрыл погребение IX–X вв

Житников В Г Отчет 1986 г / Архив ИА РАН р-1 № 11373

117 Слободской Ростовская область, Багаевскии район, водораздел рек Сал и Маныч, совхоз «Слободской»

В 1974 г М А Романовская в кургане № 3 исследовала основное погребение IX в

Романовская М А Отчет 1974 г / Архив ИА РАН р-1 № 5662

118 Арпачин II Ростовская область, Багаевский район, нижний Маныч

В 1975 г Ю А Смирнов вскрыл в кургане № 40 погребение 1

Смирнов Ю А Отчет 1975 г / Архив ИА РАН р-1 № 6032 № II

119 Тузлуки Ростовская область, Багаевский район, в 4 км от хут Тузлуки

В 1980 г Е И Беспалый в кургане № 8 вскрыл впускное погребение 2

Беспалый Е И Отчет 1979 г / Архив ИА РАН р-1 № 8087

120 Кулешовка Ростовская область, Азовский район

В 1982 г Е И Беспалый в кургане № 1 вскрыл впускное погребение 5

Беспалый Е И Отчет 1982 г / Архив ИА РАН р-1 № 8978, *АО*-1982 М , 1984 С 109

121 Ново–Батайск Ростовская область, Азовский район

В 1980 г Г С Бейсов в кургане № 1 вскрыл впускное погребение 1

Бейсов Г С Отчет 1980 г / Архив ИА РАН р-1 № 8085

122 Ново-Александровский I Ростовская область, Азовский район, на водоразделе рек Дон и Кагальник

В 1984 г Е И Беспалый в кургане № 35 вскрыл впускные погребения 2 и 4

Беспалый Е И Отчет 1984 г / Архив ИА РАН, *АО*-1984 г М , 1986 С 94

123 Высочино IV Ростовская область, водораздел рек Дон и Кагальник

В 1986 г Е И Беспалыи в кургане № 2 вскрыл впускное погребение 5

Беспалый Е И Отчет 1986 г / Архив ИА РАН р-1 № 10859

124 Курган «Бугазскии» Краснодарский край, Темрюкский район, южное побережье Таманского полуострова

В 1968 г Н И Сокольский в одиночном кургане вскрыл впускное погребение 3

Сокольский Н И Отчет 1968 г / Архив иа ГАН р-1 № 3710

125 «Русский колодец» Южная группа Могильник VII Ростовская область, Неклиновский раион, устье р Миус, Таганрогский залив, Миусский лиман

В 1976 г Л С Ильюков в кургане № 2 вскрыл впускное погребение 10

В 1979 г Л.С Ильюков и Л М Казакова вскрыли в курганах № 3 (впускное погребение 1) № 4 (впускные погребения 4 и 6)

Ильюков Л С Казакова Л.М Курганы Миусского полуострова Ростов-на-Дону, 1988 С 117,119

126 Беглица (16-й участок) Ростовская область, Неклиновскии район. Таганрогскии залив, Миусский лиман

В 1979 г Л С Ильюков и Л М Казакова в курганах № 1 (впускное погребение 3) и № 2 (впускные погребения 1 и 3) исследовали захоронения IX–XI вв

Ильюков Л С , Казакова Л М Курганы С 129–131

127 Лакедемоновка Группа I Ростовская область, Неклиновскии район, Таганрогский залив, Миусский лиман

В 1977 г Л С Ильюков в кургане № 2 выявил впускное погребение 2

Ильюков Л С , Казакова Л.М Курганы С 129–131

128. Лакедемоновка. Группа II Ростовская область, Неклиновский район, Таганрогский залив, Миусский лиман

В 1977 г Л С Ильюков в кургане № 1 вскрыл впускное погребение 5

Ильюков Л С , Казакова Л.М Курганы С 132

129 Лакедемоновка I руппа III Ростовская область, Неклиновскии район, Таганрогский залив, Миусский лиман

В 1977 г Л С Ильюков в кургане № 1 вскрыл впускное погребение 3

Ильюков Л С , Казакова Л М Курганы С 133

130. Гаевка-Каймакчи. Группа XV Ростовская область Неклиновский район, Таганрогский залив, Миусский лиман

В 1975 г Л М.Казакова в кургане № 4 вскрыла впускное погребение 3
Ильюков Л.С., Казакова Л.М. Курганы .. раб. С. 153

III ПРИДНЕПРОВЬЕ (ЛЕВОБЕРЕЖНАЯ УКРАИНА)

131 Новониколаевка1 Украина Донецкая область, Славянский район, в 3 км к западу от с Новониколаевка

В 1983 г в кургане № 1 вскрыто впускное погребение 2

Отчет 1983 г / А А Моруженко, Н П Зарайская, С Н Санжаров / Архив ИА АНУ, 1983/50.

132 Острый Украина Донецкая область, Маринский район, в 1 км к северо-северо-востоку от пос Острый

В 1983 г кургане № 2 вскрыто впускное погребение 1

Отчет 1983 г / А А Моруженко, Н П.Зарайская, С Н Санжаров и др / Архив ИА АНУ, 1983/50

133 Малый Янисол Украина Донецкая область, р Кальчик правый приток р Кальмиус

В 1904 г Е П Трефильев исследовал погребение X–XI вв в земляном кургане

Тр XIII АС С 368

134 Пришиб. Украина Луганская область, Славяно-сербский район

В 1978 г С Н Братченко в кургане № 2 вскрыл впускные погребения 4 и 13

Отчет 1978 г. / С Н Братченко, Я П Гершкович, Л Ф Константинеску и др / Архив ИА АНУ, 1978/1

135 Благовка Луганская область, Свердловский район, в 8 км к югу-юго-востоку от с Благовка

В 1981 г в кургане № 5 вскрыто впускное погребение 2

Отчет 1981 г. / А А Моруженко, В А Посредников, А И Привалов и др / Архив ИА АНУ, 1981/132

136 Горшковка Луганская область Новоайдарский район, левый берег р Айдар

В кургане исследовано погребение IX в

Красильников К И Раннепеченежское погребение в с. Горшковке // СА 1978 № 4

137 Верхняя Маевка Группа XIV Днепропетровская область, Днепропетровский район, совхоз «Петриковский», на водораздель

ном плато над долиной р Кильчени

В 1975 г в кургане № 2 вскрыты впускные погребения 8 и 11

Исследование курганных могильников у с Верхняя Маевка в степном междуречье рек Орели и Самары / И Ф Ковалева, С С Волкобей, З.П.Марина и др // Курганные древности степного Поднепровья (III–I тыс до н э) Вып 1 Днепропетровск, 1977 С 40

138. Вербки. Группа IV Днепропетровская область, Покровский район, правый берег р Самары, с Благодатное

В 1982 г в кургане № 5 (погребение 1) вскрыто впускное погребение

Марина З.П , Ромашко В А , Фещенко Е Л. Курганы эпохи бронзы Присамарья // Проблемы археологии Поднепровья Днепропетровск,1986 С 18–19

139 Вербки Группа V. Днепропетровская область, Покровский район, правый берег р. Самары, с Благодатное

В 1982 г в кургане № 1 вскрыто впускное погребение 1

Марина З.П., Ромашко В.А , Фещенко Е.Л Курганы . С 32.

140 Большемихайловка Группа II Днепропетровская область, Покровский район, левый берег р. Волчья

В 1983 г. И Ф Ковалевой в курганах № 2 (впускное погребение 3) и № 3 (основное) исследованы погребения IX–XI вв

Шалобудов В.Н., Яремака В.Н. Кочевнические захоронения X–XII вв на р Волчьей // Проблемы археологии Поднепровья Вып 2 Днепропетровск, 1985 С 139–142.

141 Большемихайловка Группа IV Днепропетровская область, Покровский район, левый берег р Волчья

В 1984 г И Ф ковалевой в кургане № 2 вскрыто впускное погребение I

Шалобудов В Н., Яремака В Н. Кочевнические захоронения . С 142–143

142 Шандровка Группа II Днепропетровская область, Павлоградский район

В 1983 г И Ф Ковалева в кургане № 1 исследовала впускные погребения 3 и 1

Отчет 1983 г. / И Ф Ковалева и др. / Архив АНУ 1983/44

143 Преображенка Группа II Днепропетровская область, Павлоградский район, среднее течение р Орель, с Преображенка

В 1983 г в кургане № 1 вскрыты впускные погребения 1 и 3

Раскопки курганов в Среднем Приорелье / И Ф Ковалева,

А В Андросов, С Е Мухопад и др // Проблемы археологии Поднепровья Вып 2 Днепропетровск, 1985 С 20

144 Бузовка Екатеринославская губерния, Новомосковский уезд, левый берег р Орель

В 1903 г Д И Эварницкий в кургане № 2 вскрыл основное погребение Тр XIII АС С 120

145 Бузовка Днепропетровская область, р Орель

В кургане № 1 Д Я Телечин вскрыл впускное погребение 2

Беляев О С., Молодчикова И О Погребения кочевников на р Орель // Археология Вып 28 1978 Киев С 85 86

146 Бузовка Группа XXIX Днепропетровская область, вдоль дороги на с Перещепино

В 1980 г в кургане № 6 вскрыто впускное погребение

Шалобудов В Н, Кудрявцева И В Позднекочевнические погребения Приорелья // Степное Поднепровье в бронзовом и раннем железных веках Днепропетровск, 1981 С 94–98

147 Бузовка Группа III Днепропетровская область, в 1 км к юго-западу от с Бузовка

В 1978 г И Ф Ковалева выявила в кургане № 4 впускное захоронение I IX–XI вв

Марина З П, Костенко В И, Никитин С В Курганный могильник у с Бузовка // Степное Поднепровье в бронзовом и раннем железном веках Днепропетровск, 1981 С 7

148 Колпаковка Группа XXVI Днепропетровская область, на гребне коренного берега р Орели

В 1980 г в курганах № 1 (погребение 1), № 3 (погребение 3) и № 4 (погребение 7) вскрыты впускные погребения

Шалобудов В Н, Кудрявцева И В Позднекочевнические погребения С 94–98

149 Колпаковка Группа XXVII Днепропетровская область, на гребне коренного берега р Орели

В 1980 г в кургане № 3 вскрыто впускное погребение 1

Шалобудов В Н, Кудрявцева И В Позднекочевнические погребения С 95

150 Пролетарское Группа XXX Днепропетровская область, на склоне берега долины р Орели

В 1980 г в кургане № 5 вскрыто впускное погребение 8

Шалобудов В Н, Кудрявцева И В Позднекочевнические погребения С 94–98

151 Марьевка Группа 1 Днепропетровская область, Магдалинский район, вблизи с Марьевка

В 1978 г И Ф Ковалева в кургане № 2 вскрыла впускное погребение 2

Ковалева И Ф Отчет 1978 г / Архив ИА АНУ, 1978/43

152 Александровка II Днепропетровская область, Новомосковский район, р Самара, на СВ окраине с Александровка

И Ф Ковалева в 1979 г в кургане № 2 вскрыла впускные погребения 4 и 11

Ковалева И Ф, Марина З П Раскопки курганов эпохи бронзы в нижнем Присамарье // Курганы степного Поднепровья Днепропетровск, 1980 С 6–7

153 Котовка Группа 1(XXXV) Днепропетровская область, Магдалинский район, на территории Котовского аэродрома

В 1981 г в курганах № 4 (погребение 3), № 10 (погребение 2) исследованы впускные погребения

Ковалева И Ф, Марина З П, Ромашко В А Отчет 1981 г / Архив ИА АНУ 1981/105

154 Юрьевка Группа 1 Днепропетровская область, Царичанский район, в 0,45 км к западу от с Юрьевка, в долине р Орель

В 1982 г И Ф Ковалева и З.П Марина в кургане № 3 вскрыли впускное погребение 1

Ковалева И Ф, Марина З П Отчет 1982 г / Архив АНУ 1982/50

155 Курган «Мухина Гора» Днепропетровская область, (Екатеринославская губерния, Павлоградский уезд)

В 1885 г Д И Нарницкий в земляном кургане выявил впускное захоронение IX–XI вв

Протокол № 228 от 11 октября 1885 г // Древности / Тр МАО, Т 11, Вып 2 М, 1886 С 51–52

156 Стратилатовка (Каменка) Харьковская губерния, (Харьковская область), Изюмский уезд, в 6 верстах от слободы Долгенькой

В 1903 г В А Городцов в курганах № 8 и 9 вскрыл основные погребения

Труды XII АС С 280–281

157 Ковалевка Харьковская губерния, Изюмский уезд (Харьковская область)

В 1903 г В А Городцов в кургане № 2 вскрыл впускные погребения 1 и 2

Труды XII АС С 297

158 «Шуркино поле» Харьковская губерния, Изюмскии уезд, р Северный Донец (Харьковская губерния)

В 1903 г В А Городцов в кургане № 2 вскрыл впускное погребение 1

Труды XII АС С 236

159 Слобода Ямполь Харьковская губерния, Изюмский уезд (Харьковская область)

В 1903 г В А Городцов при раскопках кургана № 1 выявил впускное захоронение 6

Труды XII АС С 48, 247

160 Переездная Екатеринославская губерния, Бахмутский уезд, долина р Бахмут

В 1903 г В А Городцов в кургане № 3 выявил впускное захоронение 1

Труды XIII АС, Т 1 С 309–310

161 Чермалык Екатеринославская губерния, Мариупольский уезд, р Кальмиус

В 1904 г Е П Трефильев в курганах № 2 и 5 вскрыл основные погребения

Труды XIII АС С 367

162 Григорьевка Нижнее Поднепровье, Александровский уезд

Д.И Эварницкий в кургане № 2 вскрыл основное погребение

Труды XIII АС Т 1 С 146

163 Аккермень 1 Запорожская область, Ново-Васильевский район, левый берег р Молочной, напротив с Терпинского

Курганы около с Ново-Филипповки и совхоза Аккермень / М И Вязьмитина, В А Ильинская, Э Ф Покровская и др // Археологічні памятки УРСР Т VIII Киев, 1960 С 124–125 (на украинском языке)

164 Долина Запорожская область, Ново-Васильевский район, левый берег р Молочной, между сел Долина и Рыбаловка

В 1952 г А И Фурманская в кургане № 1 вскрыла впускные погребения 3 и 10.

Фурманская А И Курган около с Долина // Археологічні памятки УРСР Т VIII Киев, 1960 С 139

165 Ново-Филипповка Запорожская область, Ново-Васильевский раион, долина р Молочнои, к югу от с Ново-Филипповка

В 1951 г О И Тереножкин в кургане № 1 вскрыл впускное погребение 18

Вязьмитина М И , Ильинская В А и др Археологічні памятники С 27, Археліія Украіиской РСР Т III Киев, 1975 С 440

166 Рясные могилы Запорожская область, Васильевский раион, в 2 км к северу-северо-западу от с Балки

В 1973 г И П Савовский в кургане № 1 исследовал впускное погребение 1, В В Отрощенко в кургане № 5 вскрыл впускное погребение 5

Отрощенко В В , Савовский И П , Томашевскии В А Курганная группа Рясные могилы у с Балки // Курганные могильники Рясные могилы и Носаки Киев, 1977 С 17–19

167 Гайманово Поле Украина, Запорожская область, Васильевский район, с Балки, в 6 км к юго-западу от села вблизи от кургана «Гайманово Могила»

В 1968 г А И Тереножкин в кургане № 27 вскрыл впускное погребение 5

Тереножкин А И , Ильинская В.А , Мозолевский Б Н Скифский курганный могильник Гайманово Поле // Скифы и сарматы Киев С 186

168 Вильнянка Запорожская область, Вильянский район, левый берег р Днепр (оз Ленина) в 2 км к северу от хут Подпорожного, в устье балки Вильной

В 1968 г С В Смирновым в кургане № 4 в насыпи выявлен кенотаф, В Н Корпусовой в кургане № 16 вскрыто впускное погребение 9 (кенотаф). С Н Братченко в кургане № 17 вскрыл впускное погребение 3

Вильнянская курганная группа / Д Я Телегин, В А Круц, С Н Братченко и др // Вильнянские курганы в Днепровском надпорожье Киев, 1977 С 52–55, 75, 77

169 Ясиноватое Запорожская область, Вильнянский район, в 2,5 км к западу от с Ясиноватое

В 1983 г С Н Ляшко в кургане № 28 вскрыл впускное погребение 4

Отчет 1983 г / В В Отрощенко, Ю Я Рассамакин, О В Битковскии и др / Архив ИА АНУ, 1983/1

170 Юрьевка Запорожская область, на водоразделе рек Большой и Малый Утлюк, в 4 км к северо-западу от с Юрьевка

В 1981 г О В Битковский в кургане № 3 вскрыл впускное погребение 1

Битковский О В Отчет 1981 г / Архив ИА АНУ, 1981/19

171 Шевченко 1 Запорожская область, Токмакский район на берегу р Чингул, долина р Молочной, вблизи хуторов Шевченко и Садовый

В 1952 г К Ф Смирнов в кургане № 1 вскрыл впускное погребение 7

Смирнов К Ф Курганы около Великого Токмака // Археологічні пам ятки УРСР Киев, 1960 С 166

172 Благовещенка Запорожская область, Каменско-Днепровский район, с Благовещенка

В 1986 г А Г Плешивенко и З Х Попандопуло исследовали впускное погребение в кургане

АО-1986 г М , 1988 С 327

173 Демьяновка. (Запорожская область), Таврическая губерния, Мелитопольский уезд, вблизи с Демьяновка, в 150 саженях от красной межи

В 1899 г при пахоте разрушены погребения, в одном из которых найдены удила без перегиба

Ленц Э Предметы вооружения и конского убора, найденные близ с Демьяновки, Мелитопольского уезда // ИАК Вып 2 СПб , 1902 С 81–83, рис 1

174 Светлогорск. Полтавская область, Кобелякский район с Светлогорск

В 1978 г Л Н Корнилко в кургане № 1 исследовал впускное погребение 1

Корнилко Л Н Отчет 1978 г / Архив ИА АНУ, 1978/65

175 «Частые могилы» Киевская область, Переслав-Хмельницкий район, в 2 км к западу от с Подолия, в урочище «Частые могилы»

В 1975 г В О Круц в кургане № 6 вскрыл впускное погребение

Орлов Р С , Погорелый В И Погребение кочевника у с Подолье на Киевщине // Археологія Вып 24 Киев, 1977 С 87–89

176 Кагарлык. Группа 1 Киевская область, правый берег р Роставы, Кагарлыкский район

В 1890 г в кургане № 217 Н Е Бранденбург исследовал основное погребение

Журнал раскопок Н Е Бранденбурга 1888-1903 г СПб , 1908, № 6

Плетнева С А Древности черных клобуков / САИ Вып Е1-19, М 1973 С 30

177 Кагарлык Группа II Киевская область, правый берег р Ро

савы, Кагарлыкский район

В 1890 г в кургане № 218 Н Е Бранденбург вскрыл основное погребение

Журнал № 7, *Плетнева С А* Древности С 30

178. Кагарлык Группа III. Киевская область, правый берег р Росавы, Кагарлыкский район

В 1890 г в кургане № 238 Н Е Бранденбург вскрыл впускные погребения 1 3

Журнал . , I, II, Плетнева С А Древности С 30, 33

179 Кагарлыкское поселение Киевская область, правый берег р Росавы, Кагарлыкский район.

В 1895 в кургане № 239 Н Е Бранденбург вскрыл впускные погребения 2 и 3

ОАК-1891 г С 91 92, Журнал № 12, *Плетнева С А* Древности С 30

180 Кагарлыкская Слобода. Группа 1 Киевская область, правый берег р Росавы, Кагарлыкский район

В 1895 г в кургане № 241 Н Е Бранденбург вскрыл основное погребение

Журнал № 14, *Плетнева С А* Древности С 30

181 Зеленки Группа 1 (Зеленьки) Киевская область, р Росава – левыи приток р Рось Мироновский район

В 1890 и 1894 гг в курганах № 219, 305-307 Н Е Бранденбург вскрыл основные погребения, а в кургане № 220 впускное погребение 1

Журнал... № 22, 23, 36, 38, *Плетнева С А* Древности С 30

182 Зеленки Группа IV Киевская область, р Росава, Мироновский район

В кургане № 309 Н.Е Бранденбург вскрыл основное погребение Журнал № 40, *Плетнева С А* Древности С 30

183 Зеленки Группа V Киевская область, р Росава, Мироновский район

В 1894 г в кургане № 310 Н Е Бранденбург вскрыл впускное погребение 2

Журнал № 41, *Плетнева С А* Древности С 30

184. Зеленки Группа III Киевская область, р Росава, Мироновский район

В 1894 г в кургане № 312 313 Н Е Бранденбург вскрыл основное погребение

Журнал № 43–44, *Плетнева С А* Древности С 30

185. Зеленки Группа VII Киевская область, р Росава, Мироновский район

В кургане № 343 Н Е Бранденбург вскрыл впускные погребения 6 и 6а

Журнал № 52; *Плетнева С А* Древности С 30, 33

186. Зеленки Группа II Киевская область, р Росава, Мироновский район

В кургане № 311 Н Е Бранденбург вскрыл основное погребение

Журнал № 57, 42, *Плетнева С А* Древности С 30–33

187. Гадомка Группа I. Киевская область, Катарлыкский район

В 1890 г в кургане № 221 Н Е Бранденбург вскрыл впускное погребение 1

Журнал № 60, *Плетнева С А* Древности С 30

188. Краснополка Киевская область, левый берег р Росавы Катарлыкский район

В 1893 г в курганах № 224, 274 Н Е.Бранденбург вскрыл впускные погребения 1,

Журнал № 63; *Плетнева С А* Древности... С 30

189 Краснополка Группа II. Киевская область, левый берег р Росавы, Катарлыкский район.

В 1893 г в кургане № 275 Н.Е Бранденбург вскрыл впускное погребение 1, в кургане № 276 впускные погребения 1 и 2

Журнал № 67–68 *Плетнева С А* Древности С 30

190 Степанцы. Киевская область (Каневский уезд Киевской губернии), урочище «Палиев Яр»

В 1890 г Н.Е Бранденбург в курганах № 215–216 вскрыл основное погребение

Журнал № 3; *Плетнева С А* Древности С 29

191. Краснополка Группа III Киевская область, левый берег р Росавы, Катарлыкский район

В курганах № 280–281 Н Е.Бранденбург вскрыл основные погребения

Журнал № 70–71, *Плетнева С А* Древности С 30

192. Забара Киевская область, Катарлыкский район В 1894 г в курганах № 321 322 Н Е Бранденбург вскрыл впускные погребения 2 и 3

Журнал № 75–76, *Плетнева С А* Древности С 30

193 Юзефовка. Киевская область (Киевская губерния, Киевс

кии уезд)

В 1891 г в кургане № 248 Н Е Бранденбург вскрыл основное погребение, в кургане № 2277 – впускное погребение 2

Журнал... № 98–99, *Плетнева С А* Древности С 30

194 Цозаровка. Киевская область, Катарлыкский район

В 1891 г в кургане № 256 Н Е Бранденбург вскрыл впускные погребения 4 и 5, в кургане № 269 основное погребение

Журнал. № 101 102, *Плетнева С А* Древности С 30

195 Бурты Группа II. Киевская область, Катарлыкский район

В 1892 г Н Е Бранденбург в кургане № 262 вскрыл основное погребение, в кургане № 263 - впускные погребения 1 и 3

Журнал № 107-108, *Плетнева С А* Древности С 30

196. Бурты. Киевская область, Катарлыкский район, на южной окраине села, на левом берегу р Сухой Катарлык

В 1893 г Н Е.Бранденбург в одиночном кургане № 278 вскрыл впускное погребение 2

Журнал С 73 74, *Плетнева С А* Древности... С 29, 30.

197. Липовец. Киевская область, Катарлыкский район, по правому берегу р Росавы

В 1892 г в курганах № 264, 266 Н Е Бранденбург вскрыл впускные погребения 1; в кургане № 265 - впускные погребения 1 и 2, в кургане № 267 - основное погребение

ОАК-1892 г С 39 *Журнал* № 121/124 *Плетнева С.А* Древности С 30

198 Гороховатка. Киевская область, Катарлыкский район левый берег р Гороховатки

В 1893 г. Н Е.Бранденбург в курганах № 283–284 исследовал впускные погребения 1 и 1-2

Журнал № 127/128; *Плетнева С А* Древности С 30

199. Поток Киевская область, Мироновский район

В 1897 г Н Е Бранденбург в курганах № 400–401, 415, 452 вскрыл впускные погребения, в кургане № 417 - основное погребение

Журнал № 180–181 184, 185 *Плетнева С А* Древности С 30

200 Шандры Киевская область, Мироновский район

В 1898 г Н Е Бранденбург в кургане № 409 вскрыл впускное погребение 3

Журнал № 193, *Плетнева С А* Древности .. С 30

201 Бурты Группа III Киевская область, Катарлыкский район

В 1895 г в кургане № 337 Н Е Бранденбург вскрыл впускное погре-

бение 1

Журнал № 117, *Плетнева С А* Древности С 29

202 Каланчакский Херсонская область, Каланчакский райн в 3,5 км к западу-северо-западу от пос Каланчак

В 1978 г в кургане № 2 выявлено впускное поогребение 5, в кургане № 3 впускное погребение 2

Отчет 1978 г / Г Л Евдокимов , А В Николаева, Ю Я Рассамакин, С В Полин / Архив ИА АНУ, 1978/16

203 Бабенковский Херсонская область, Каланчакский район, в 15 км к юго-востоку от р Каланчак, возле с Бабенково

В 1962 г А А Щепинскии в кургане № 2 вскрыл впускное погребение 2

Щепинскии А А Отчет 1962 г / Архив ИА АНУ, 1962/161

204 Первомаевка Группа II Херсонская область, Верхне-Рогачинскии район, в 3,5–5 км к югу от с Первомаевка, слева от трассы Каменка-Днепропетровская -Каховка

В 1981 г в кургане № 2 исследовано впускное погребение 2

Евдокимов Г Л., Поруцкий А Г., Гершкович Я П Отчет 1981 г / Архив ИА АНУ, 1981/21

205. Водославка Херсонская область, Новотроицкий район, вдоль поймы высохшеи речки, впадавшей в Сиваш

В 1983 г С А Куприи в кургане № 10 вскрыл впускное погребение 1; Н.П.Шевченко в кургане № 12 вскрыл впускное погребение 9

Отчет 1983 г / А И.Кубышев, В В Дорофеев, Ю А Шилов и др / Архив ИААНУ, 1983/26

206 Долинское Херсонская область, Чаплинский район

В 1983 г Ю А Шилов в кургане № 4 исследовал впускное погребение 2

Отчет 1983 г /А И Кубышев, В В Дорофеев, Ю А Шилов и др / Архив ИА АНУ, 1983/26

207 Ново-Каменка Херсонская область, Каховский район, с Ново-Каменка

В 1974 г в кургане № 5 вскрыто впускное погребение

Кубышев А И , Орлов Р С Уздечный набор XI в из Ново-Каменки // СА 1982 № 1

В 1983 г С А Куприй в кургане № 3 исследовал впускное погребение 1

Отчет 1983 г /А И Кубышев, В В Дорофеев, Ю А Шилов / Архив ИА АНУ 1983/26

208 Первоконстантиновка. Херсонская область

В 1971 г в кургане № 8 вскрыто впускное погребение 2

Кубышев А И , Орлов Р С Уздечный набор из Ново-Каменки // СА 1982 № 1

209 Шевченко I Херсонская область, Скадовский район, в окрестностях г Скадовска, у юго-восточной окраины с Шевченко

В 1961 г в кургане № 2 вскрыто впускное погребение 2

Черненко Е В , Яковенко Э В , Корпусова В Н Раскопки в окрестностях Скадовска // Памятники эпохи бронзы юга европейскои части СССР Киев 1967 С 22–24, Археологія Українськоі РСР Т III Киев, 1975 С 438, W A Ivanov, G N Garustovic The Results of the Statistical Analyses of Funeral Rites of the Nomads in the «Great Steppe Belt» in the 10 th-11 the Centuries and their Ethnic Interpretation // The Archaeology of the Steppes methods and strategies Napoly, 1994 P 573 589

210 Широкое Херсонская область, Скадовский район, на окраине с Широкое

В 1961 г в кургане № 6 вскрыты впускные погребения 2,4,5

Черненко Е В , Яковенко Э В , Корпусова В Н., Раскопки С 30–31

211 Широкое III Херсонская область, Скадовский район, на северной окраине с Широкое

В 1968 г Е В Черненко в кургане № 1 вскрыл впускное погребение 1

Черненко Е В , Симоненко А В Курганная группа Широкое III / Курганы южнои Херсонщины Киев 1977 С 5

212 Красное. Херсонская область, Скадовскии район, с Красное

В 1963 г А М Лесков в кургане № 5 вскрыл впускное погребение 5

Крылова Л П , Кубышев А И Яковенко Э В Отчет 1963 г / Архив ИА АНУ, 1961 1963/4

213. «Коминтерн» Херсонская область, Голопристанский район на 151 км трассы Краснознаменского канала, на землях совхоза «Коминтерн»

В 1962 г Э А Федорова-Давыдова в кургане № 1 исследовала впускное погребение 1

Федорова-Давыдова Э А Раскопки курганов в Голопристанском районе в 1962 г // Памятники эпохи бронзы юга европейской части СССР Киев, 1967 С 47–48

214 Новочерноморское Херсонская область, Голопристанский район, к западу от с Новочерноморье

В 1963 г в кургане № 3 вскрыто впускное погребение 3, в кургане № 4 впускное погребение 7

Ковпаненко Г Т, Качалова Н К, Шарафутдинова И Н Курганы у с Новочерноморье Херсонской области // Памятники эпохи бронзы юга европейской части СССР Киев 1967 С 64

215 Мамай Крымская область. Евпаторийский район. пос Мамай

В 1962 г А А Щепинский в кургане № 1(3) вскрыл впускное захоронение 5

Черепанова Е Н, Щепинский А А Погребения поздних кочевников в степном Крыму // Археологические исследования средневекового Крыма 1968 С 192

216 Матвеевка Крымская область, Первомайский район, в 2,5 км к северо-западу от с Матвеевка

В 1981 г В А Колотухин в кургане № 15 вскрыл впускное погребение 1

Колотухин В А Отчет 1981 г / Архив ИА АНУ, 1981/25

217 Казанка Крымская область, Бахчисарайскии раион

В 1958 г А А Щепинский в курганах № 1 и 3 вскрыл впускные погребения

Черепанова Е.Н, Щепинский А А Погребения С 192

218 Джанкой Крымская область

В 1930 г Н Л Эрнст в кургане «Джанкой-2» вскрыл впускное погребение

Черепанова Е Н, Щепинский А А Погребения С 199

219 Красный Крымская область, близ г Симферополя

В 1892 г Н И Веселовский в кургане № 1 вскрыл впускное погребение

Черепанова Е Н, Щепинский А А Погребения С 195

220 Рисовое Крымская область, Красноперекопский район, в 2 км к западу от с Рисового

В 1963 г А А Щепинский в кургане № 13 вскрыл впускное погребение 13

Щепинскии А А Отчет 1963 г. / Архив ИА АНУ, 1963/5 «а»

221 Красноперекопский Крымская область, Красноперекопский район, в 5–6 км к северу от Красноперекопска

В 1963 г А А Щепинский в кургане № 14 исследовал конское захоронение

Щепинский А А Отчет 1963 г. / Архив ИА АНУ, 1963/5 «а»

222 Кураевка Крымская область, Красноперекопский район, возле с Кураевка.

В 1963 г А А Щепинский в кургане № 6 вскрыл впускное погребение 12

Щепинский А А Отчет 1963 г / Архив ИА АНУ, 1963/5 «а»

223 Карасу Таврическая губерния, Крымская область, Феодосийский уезд, при впадении р Карасу в Сиваш

В 1878 г Н И Шатилов вскрыл погребение в кургане

Шатилов Н И Описание раскопок в Таврической губернии // Антропологическая выставка 1879 г / ИОЛЕАЭ Т 31 М , 1878 С 307

224 Сарайлы-Кият (Крымская область), Таврическая губерния, Симферопольский уезд, имение А И Паснака «Сарайлы-Кият»

В 1892 г Н И Веселовский в кургане вскрыл погребение с серебряными бляхами уздечного набора

ОАК-1892 г С 7, Рис 1, 3, *Кирпичников А Н* Снаряжение Табл XI

225 Близ г Симферополя (Крымская область), Таврическая губерния, Симферопольский уезд, на землях С А Крыма

В 1895 г Н И Веселовский в кургане вскрыл погребение, впущенное в скифскую могилу

ОАК-1895 С 13–14

IV СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ (ПРАВОБЕРЕЖНАЯ УКРАИНА, МОЛДОВА)

226 Кривой Рог. Украина, Днепропетровская область, г Кривой Рог

В 1965 г Л П Крылова в кургане № 2 вскрыла основное погребение

Крылова Л П Отчет 1965 г / Архив ИА АНУ, 1965/38

227 «Круглая могила» Украина Днепропетровская область, Никопольский район, правый берег р Днепр

В 1983 г в кургане № 10 вскрыто впускное погребение 4

Отчет 1983 г / Б Н Мозолевский, А В Николова, Е П Бунятян, О Л Москадыня / Архив ИА АНУ, 1983/20

228. Верхнетарасовский Украина, Днепропетровская область, Томаковский район, в 10 км к западу от с Верхнетарасовка

В 1974 г Н Н Чередниченко в кургане № 57 вскрыл впускное погребение 11

Евдокимов Г Л Курганы эпохи бронзы Верхнетарасовского могильника // Курганы юга Днепропетровщины Днепропетровск, 1977 С 51

229 «Рядовые могилы» Украина, Херсонская область, п г т Нововоронцовка

В 1978 г В В Дорофеев в кургане № 1 вскрыл впускные погребения 6 -23

О В Битковский в кургане № 2 вскрыл впускное погребение 1 *Кубышев А И , Дорофеев В В , Симоненко А В* Отчет 1978 г Архив ИА АНУ, 1978/17

230 Змеевка Херсонская область, Бериславский район, правый берег р Днепр, на южной окраине с Змеевка

В 1952 г А В Бураков на территории поселения эпохи бронзы, в раскопе III выявил два средневековых грунтовых погребения

Бураков А В Поселение эпохи бронзы у с Змеевка // Археологічні пам'ятки УРСР Т X Киев, 1961 С 36

231 Мигеи Херсонская губерния, с Мигеи, р Буг

При раскопках курганов в XIX в обнаружены захоронения X–XII вв

Кнауэр Ф И О курганах, раскопанных в южной Бессарабии // ЧИОНЛ, Кн 3 Киев, 1889 С 48

232 Веселый Кут Николаевская область, Снегиревский район, у с Веселый Кут

В 1983 г В Н Фоменко в кургане № 3 вскрыл впускное погребение 12

Отчет 1983 г / О Г Шапошникова, Ю С Гребенников, В Н Фоменко и др / Архив ИА АНУ, 1983/4

233. Антоновка Николаевская область, Новоодесский район, у с Антоновка

В 1975 г В М Клюшинцевым и О Г Шапошниковой в кургане № 5 исследовано впускное погребение X- XI вв

Орлов Р С , Клюшинцев В Н Новый памятник художественного ремесла кочевников // Археологія Вып 27 Киев, 1978 С 75 -79

233-А «Ананьина могила» Николаевская область, Новоодесский район, бассейн р Южный Буг, в 5 км к северо-западу от с Новошмидтовка

В земляном кургане «Ананьина могила» найдено впускное захоронение X -XI вв

Волосюк Г Е Позднекочевническое погребение из кургана «Ананьина могила» // Некоторые вопросы археологии Украины Киев, 1977 С 83-87

234. Соколовка Южная группа. Николаевская область, Баштанский район, в 700 м к юго-западу от с Соколовка, в пойме р Ингул

В Н Никитин в кургане № 1 вскрыл впускное погребение 2

Никитин В Н Курган к югу от с Соколовка // Археологические памятники Поингулья Киев, 1980 С 125–127

235 Соколовка Северная группа Николаевская область, Баштанский район, на северной окраине с Соколовка, левый берег р Ингул

В 1969 г Н И Шарафутдинова в кургане № 1 исследовала впускное погребение 2, в кургане № 2 – впускное погребение 23

Шарафутдинов Н И Северная курганная группа у с Соколовка // Археологические памятники Поингулья Киев, 1980 С 72, 23.

236 Старогороженое Николаевская область, Баштанский район, между селами Старогороженое и Соколовка левый берег р Ингул.

В кургане № 3 вскрыто впускное погребение 2

Шапошникова О Г, Фоменко В Н, Балушкин А М Курганная группа близ с Старогорожена // Древности Поингулья Киев, 1977 С. 126

237 Дымовка Херсонская губерния, Херсонский уезд, р Гнилой Еланец приток р Буг (Николаевская область)

В 1893 г В И Гошкевич в кургане № 2 вскрыл впускное погребение 2

Авенариус Н Материалы по доисторической археологии России // ЗРАИО Т VIII Вып 1–2, новая серия Спб С. 172

238 Градешка. Одесская область, Измаильский район

В 1983 г Л В Субботин в кургане № 7/1 вскрыл впускное погребение 1

Добролюбский А О Кочевники северо-западного Причерноморья в эпоху средневековья Киев, 1986 С 160

239. Петродолинское Одесская область, Измаильский район

В 1979 г И Л Алексеева в кургане № 3 исследовала впускное погребение 5

Добролюбский А О Кочевники С 97 98, № 114

240. Каменка. Одесская область, Измаильский район

В 1970 г Н.М.Шмаглий в кургане № 4 вскрыла впускное погребение 1, в 1971 г. в кургане № 2 расчищено впускное погребение 1

Добролюбский А.О., Дзиговский А Н Памятники кочевников IX XIV вв. на западе причерноморья // Памятники древних культур Северо-западного Причерноморья. Киев С 138–140.

241 Гребенники Бессарабия, в 5 верстах от г Тирасполя (УССР, Одесская область)

В 1903 г И Я Стемиковский в кургане № 1 вскрыл впускное погребение 1

«Бессрабия» 1903 11 нояб № 299, *ИАК* Прибавление к вып 5 Спб , 1903 С 58

242 Каланчакскии Одесская область, Измаильский район, в 0,5 км к юго-востоку от с Каланчак

В 1982 г А В Гудкова исследовала в курганах № 1 (впускное погребение 2) и 3 (впускные погребения 4 и 7)

Гудкова А В Отчет 1982 г / Архив ИА АНУ, 1982/6

243 Холмское Одесская область, Измаильский район, в 4–5 км к юго-востоку от с Холмское, на левом берегу р Таштык

В 1978 г А В Гудкова в кургане № 7 исследовала впускное погребение 1 Погребение этого же времени вскрыто также в кургане № 13 (погребение 1)

Гудкова А В Отчет 1978 г / Архив ИА АНУ, 1978/1, *Добролюбский А С*, *Дзиговский А Н* Памятники С 139

244 Дзинилор Одесская область, Измаильский район

В 1979 г А В Гудкова в кургане № 5 вскрыла впускное погребение 1

Добролюбский А О Кочевники С 98, № 116

245 Фрикацей Одесская область, Измаильский район

В 1981 г А В Гудкова исследовала в курганах № 1 (впускное погребение 1), 4 (впускное погребение 13), 5 (впускное погребение 2), 8 (впускное погребение 2) захоронения IX–XI вв

Добролюбский А О Кочевники С 101, № 143–145

246 Нерубайское. Одесская область, Беляевский район

В кургане выявлено впускное погребение 2

Захарук Ю М Розкопки около с Нерубайское пид Одесою // АП 1 Киев, 1949 С 140–141

247 Нагорное Одесская область, Измаильский район, Ренийский сельсовет, к северо-востоку от с Нагорное, в 1 км к юго-востоку от насосной станции

В 1982 г А В Гудкова в кургане № 18 исследовала впускное погребение 3

Гудкова А В Отчет 1982 г / Архив ИА АНУ, 1982/6

248 Приморское Одесская область, Измаильский район

В 1976 г Г Чеботаренко в кургане № 1 вскрыл впускное погребение 6

Добролюбский А О Кочевники С 98, № 115

249 Тузлы Одесская область, Белгород-Днестровский район

В Н Станко вскрыл погребение в кургане (?), датированное XI в

Станко В Н Детское захоронение кочевника XI в возле с Тузлы // Записки Одесского археологического общества Т 1 (34) Одесса, 1961 С 281–284

250 Желтый Яр Одесская область, Татарбунарский район, в 1–2,5 км восточнее сел Желтый Яр и Царичанка

В 1981 г в кургане № 1 вскрыто впускное погребение 3

Отчет 1981 г / Л В Субботин, А С Островерхов, А Н Дзиговский и др / Архив ИА АНУ, 1981/7

251 Борисовский Одесская область, Татарбунарский район, в 2 км к северу от с Борисовка, на плато западного берега оз Сасык

В 1965 г Н М Шмаглий и И Д Черняков в кургане № 13 вскрыли впускное погребение 2

Шмаглий Н М, Черняков И Д. Отчет 1965 г / Архив ИА АНУ, 1965/15

252 Помазаны Группы V Одесская область, Килийский район, Шевченковский сельсовет

В 1978 г А В Гудкова в кургане исследовала впускное погребение 6

Гудкова А В Отчет 1978 г / Архив ИА АНУ, 1978/15, *Добролюбский А.С., Дзиговский А.Н* Памятники С 138–139

253 Флоринское Одесская область, Ширяевский район, с Флоринское, на правом берегу р Большой Куяльник, местность «Дудкин Яр»

В 1967 г в осыпи берега оврага выявлено погребение (грунтовое?)

Кравченко А А Кочевническое погребение XII в у с Флоринское // Археологические исследования северо-западного Причерноморья Киев, 1978 С 196–204

254 Траповка Одесская область, на водоразделе лимана Сасык, в 1 км к востоку от с Траповка

В 1974 г в кургане вскрыты впускные погребения 4 и 10 Еще ранее Н М Шмаглий и И Т Черняков выявили впускное погребение 4

Ванчугов В П., Загинайло А Г, Тощев Г Н Охранные раскопки кургана у с Траповка Одесской области // Археологические и археографические исследования на территории Южной Украины Киев, Одесса, 1976 С 214–222, *Шмаглий Н М, Черняков И Т* Курганы

степной части междуречья Дуная и Днестра // МАСП 1970 Вып 6 С 67

255 Мирное Одесская область, Беляевский район, в 2,5 км к ЮЗ от с Мирное, на плато правого берега р Барабои

В 1968 г А И Милюкова в кургане вскрыла впускное (?) погребение

Доконт Н Г Кочевническое погребение XI в у с Мирное // Археологические исследования северо-западного Причерноморья Киев 1978 С 193 196

В 1979 г И А Алексеева в кургане № 1 вскрыла впускное погребение 3

Добролюбский А О Кочевники С 97, № 113

256 Плавни Одесская область, Измаильскии район

В 1982 г А В Гудкова в курганах № 12 (впускное погребение 4), 20 (впускное погребение 3), 30 (впускное погребение 1) вскрыла захоронение IX-XI вв

Добролюбский А О Кочевники С 100, № 135

257 Буторы Одесская область, Измаильский район В кургане № 2 выявлено впускное погребение 1

Добролюбский А О Кочевники С 100, № 137

258. Вишневое Одесская область, Измаильскии район

В 1980 г Л В Субботиным в кургане № 54 вскрыто впускное погребение 5

Добролюбскии А О Кочевники С 100, № 138

259. Огородное Одесская область, Измаильский район

В 1980 г Л В Субботиным в кургане выявлено впускное погребение 3

Добролюбский А О Кочевники С 100, № 13

260 Белолесье Одесская область, Измаильский район

В кургане № 9 вскрыто впускное погребение 1

Добролюбский А О Кочевники С 100, № 140

261 Павловка Бессарабская губернии, Аккеманский уезд (Одесская область), с Павловка

В 1891 г Ф И Кнауэр в кургане № 1 вскрыл впускное погребение 10 ОАК-1891 г С 83-84

262. Фриденсфельд (Одесская область) Аккерманский уезд Бессарабской губернии

В 1896 г Ф И.Кнауэр в кургане № 3 расчистил впускное захоронение

ОАК-1899 г С 40 41

263 Сарата (Одесская область) Аккерманскии уезд Бессарабской губернии, к северу от села, на горе, р Сарата

В конце XIX в Ф И Кнауэр произвел раскопки курганов, где обнаружены впускные (?) захоронения X–XII вв (курганы № 1 4)

Кнауэр Ф И О раскопках курганов в южной Бессарабии // ЧИОНЛ, Кн 3 Киев, 1889 С 32 33

264. Беляевский Одесская область, пос Беляевский

В 1966 г И Л Алексеева и С А Булатович в курганах исследовали впускные захоронения X–XII вв

Алексеева И Л Раскопки Беляевского кургана в 1966 г // МАСП, Вып 7 Одесса, 1971 С 32 41, *Булатович С А* Отчет за 1966 г / Архив ИА АНУ, 1966/55

265. Баштановка. Одесская область, Татарбунарский район, с Баштановка

В 1966 г при раскопках курганов (№ 4,6), проведенных Н М Шмаглий и И Т Черняковым, выявлены впускные погребения (5 и 3)

Шмаглий Н М, Черняков И.Т Отчет за 1966 г / Архив ИА АНУ,1966/27

266. Корпач. Группа I Молдова, Единецкий район

В 1976 г В А Дергачев в курганах № 1 и 3 исследовал впускные погребения 1

Дергачев В А Материалы С 34–38

267 Ханкауцы Молдова, Единецкий район, на юго-западнои окраине с Ханкауцы

В 1976 г В А Дергачев в кургане № 1 вскрыл впускное погребение 10

Дергачев В А Материалы С 43–46

268. Старые купонешты II Молдова, Единецкий район, на плато левого берега р Прут, в 0,8 1 км к востоку от с Старые Купонешты

В А Дергачев в распаханном кургане (пятно 41) вскрыл впускное погребение 2

Дергачев В А Материалы С 122

269 «Аккерманские сады». Бессарабская губерния, под г Аккерманом, вблизи от Черкасской дороги, в урочище «Аккерманские сады»

В 1890 г А А Матвеев вскрыл в одиночном кургане впускное погребение 3 (?)

ЛАК-1890 г С 50 51

270 Старые Дубосары Молдова, Криулянский район, в 1,2 км к юго-востоку от села

В 1984 г в кургане № 1 исследовано впускное захоронение 2

Борзияк И А , Левицкий О Г Исследование двух курганов в Криулянском районе // Археологические исследования в Молдавии в 1984 г Кишинев, 1989 С 114

271 Суклея Херсонская губерния, Тернопольский уезд (Молдова). В 1899 г И Я Стемпковский в курганах № 193 и 197 вскрыл впускные погребения

Добролюбский А О Древности средневековых кочевников в нижнем Поднестровье (Материалы раскопок И Я Стемпковского) // Курганы в зонах новостроек Молдовии Кишинев, 1984 С 172, *Добролюбский А О* Кочевники С 94 № 80 81

272. Терновка Херсонская губерния, Тернопольский уезд (Молдова).

В 1899 г И Я Стемпковский в кургане № 117 вскрыл впускное погребение

Добролюбский А О Древности С 167, № 38, *Добролюбский А О* Кочевники С 88, № 38

273 Тараклия Молдова, Чадыр-Лунгский район, п т г Тараклия

В 1979 г В А Дергачев в кургане № 2 вскрыл впускное погребение 3

Добролюбский А О Кочевники С 103, № 159

274 Парканы Херсонская губерния, Тернопольский уезд (Молдова)

В 1897 г И Я Стемпковский в кургане № 40 вскрыл основное погребение, также основное погребение в кургане № 85 выявлено им же в 1897 г

Добролюбский А О Древности С 167, № 36, *Добролюбский А О* Кочевники С 85,87, № 36. 20

275 Яблона Молдова

В 1980 г Е В Яровой в кургане № 1 вскрыл впускное погребение 12

Добролюбский А О Кочевники С 102, № 150

276 Плоское Херсонская губерния, Тираспольский уезд (Молдова)

В 1898 г И Я Стемпковский в кургане № 36 (Здесь и далее сплошная нумерация всех раскопанных курганов) вскрыл впускные погребения 1 и 2

Добролюбский А О Древности С 166 № 27, Он же Кочевники С. 86 № 27

276-А Паланка Молдова, Дрокиевский район, с Паланка

В 1990 г при раскопках земляного кургана № 1 было расчищено впускное погребение 26, в котором наидены огузские копоушки

Гукин В Д , Курчатов С И Позднекочевническое погребение у села Паланка // Археологические вести № 4 Спб , 1995 С 143 145

277 Сербка Херсонская губерния, Тираспольский уезд (Молдова)

В 1899 г И.Я Стемковский в кургане № 181 вскрыл два погребения (основное и впускное)

Добролюбский А О Древности С 171, № 73, Он же, Кочевники С. 93, № 73

278 Олонешты Молдова, правый берег р Днестр

В 1980 г Е В Яровой в кургане № 2 вскрыл впускное погребение 11

Добролюбский А О Кочевники С 102, № 151

279 Кырнацены. Молдова, левый берег Нижнего Днестра, возле с Кырнацены

В 1985 г в кургане № 1 вскрыто впускное погребение 1, в кургане № 3 впускное погребение 2, в кургане № 4 – впускное погребение 5, в кургане 5 впускное погребение 12, в кургане № 6 – впускные погребения 5 и 8, в кургане № 9 впускное погребение 2, в кургане № 10 впускное погребение 1

Демченко Т И , Чеботаренко Г Ф Погребения кочевников в курганах Нижнего Поднестровья // Средневековые памятники Днестровско-Прутского междуречья Кишинев, 1988 С 95 105

280 Красное Молдова, Григориопольский район, левобережье нижнего течения р Днестр

В 1979 г Н Л Серова в кургане № 5 исследовала впускное погребение 2, в 1983 г Е В Яровой в кургане № 9 вскрыл впускное погребение 22

Кетрару Н А , Серова Н Л Курганная группа у с Красное // Археологические исследования в Молдавии в 1979–1980 гг Кишинев,1983 С 143-144, *Серова Н Л Яровой Е В* Григориопольские курганы Кишинев, 1987 С 33, 75

281 Гура-Быкулуй Молдова, Новоанненский район, на высоком правом берегу р Днестр, возле с Гура-Быкулуи

В 1974 г В А Дергачев в кургане № 1 вскрыл впускное погребение 1

Дергачев В А Курганы у с Гура-Быкулуй // Курганы в зонах новостроек Молдавии Кишинев, 1984 С 3-4

282. Градиштя (р Когильник) Молдова, Чимитлийский район, с Градиштя долина р Когильник

В 1946 г Т Г Оболдуева в одиночном кургане исследовала впускное погребение 11

Оболдуева Т Г Курган эпохи бронзы на р Когильник // Известия Молдовского филиала АН СССР, № 5 (25) Кишинев, 1955 С 31–48

283 Костешты Молдова, Рышканский район, в 0,5–1 км к северу от с Костешты

В 1975 г В А Дергачев в кургане № 1 вскрыл впускное погребение 10, в кургане № 3 - впускное погребение 3

Дергачев В А Материалы раскопок археологической экспедиции на Среднем Пруте (1975-1976 гг) Кишинев, 1982 С 5 10

284 Киркаешты Молдова, Каушанский район, с Киркаешты

Н Тельнов и Г Ф Чеботаренко исследовали в земляных курганах погребения X–XI вв курган № 1 (погребения 1–4); 2 (погребения 1 3, 5), 4 (погребения 3,5,8), 5 (погребения 1,3)

Чеботаренко Г Ф , Яровой Е В , Тельнов Н.П Курганы Буджакской степи Кишинев, 1989 С 134-141, 147 152

285 Хаджимус Молдова, Каушанский район, с. Хаджимус.

Н П Тельнов и Г Ф Чеботаренко при раскопках земляных насыпей вскрыли впускные погребения в кургане № 1 (погребения 2–3); 2 (погребения 2,5-6,14), № 3 (погребение 3).

Чеботаренко Г Ф , Яровой Е В , Тельнов Н П Курганы С 156-157, 159, 166, 173

286. Фрумушика Молдова, Флорештский район, на юго-западной окраине с Фрумушика

В 1975 г при строительстве обнаружено погребение X -XII вв

Гросу В И Погребения у с Фрумушика // Археологические исследования в Молдавии (1974–1976 гг) Кишинев С 159-163

287. Капланы Молдовы, к юго-западу от дороги Каушаны–Белгород-Днестровский в 5 км к северо-востоку от с Капланы

В 1980 г С М Агульников в земляном кургане вскрыл впускное погребение 13

Агульников С М Курган эпохи бронзы у с Капланы // Курганы в зоне новостроек Молдавии Кишинев, 1984 С 90 95

288 Балабановский Молдова, на границе Чадыр-Лунгского и Тараклийского районов, с Балабан, р Ялпуг

В 1971 г Г Ф Чеботаренко в курганах № 8,9,17 вскрыл по одному впускному погребению X -XI вв

Чеботаренко Г Ф , Яровой Е В , Тельнов Н П Курганы С 42,44,66

289 Каушаны Молдова, Каушанский район, г Каушаны

В 1972 г Г Ф Чеботаренко исследовал впускные погребения X–XI вв в курганах № 1 (погребения 1,6), 2 (погребения 1,3), 4 (погребение 1),

Чеботаренко Г Ф , Яровои Е В , Тельнов Н П Курганы С 72, 79, 89, 90–91, 95

290 Урсоая Молдова, Каушанский район, с Урсоая, р Ботна и Урсоая

В 1983 г Г Ф Чеботаренко при исследовании насыпей, подвергающихся распашке, вскрыл впускные погребения в курганах № 1 (погребение 4), 2 (погребения 2–3, 6–7), 3 (погребения 7–8, 14)

Чеботаренко Г Ф , Яровой Е В , Тельнов Н П С 106,109–111, 118–119, 127

Случайные находки

291 Переметное Казахстан, Уральская область, Зеленовский район, пос Переметное

В 1908 г найдено бронзовое стремя с широкой полукруглой подножкой с выделенным выступом для отверстия под ремень

Кригер В А Погребения и случайные находки С 176–177

292 Янайкино Казахстан Уральская область, Чапаевский район, пос Янайкино

В 1958 г при строительных работах найдены бронзовая птицевидная бляшка и 2 бронзовых браслета

Там же С 177

293 г Уральск Казахстан Уральская область, г Уральск, ул Физкультурная, правый берег р Урал При строительстве разрушено погребение, где найдены две копоушки

Там же С 177

295 Дьяков Казахстан, Уральская область, Приуральский район, пос Дьяков (Озерное) На песчанных выдувах собраны наконечники стрел IX–XI вв , Там же С 177

296 Рубежка Казахстан, Уральская область, Приуральский район, пос Рубежка На песчанных выдувах собраны наконечники стрел IX–XI вв

Там же С 177

297 Отрадное Казахстан, Уральская область, Чингирлауский район, в песках Ак-Кум, в 1963 г найдены наконечники стрел IX–XI вв

Там же С 177

298. Карагач. Казахстан, Уральская область, Чингирлауский район, найдены наконечники стрел IX–XI вв

Там же С 177

299 Енбек Казахстан, Уральская область, Чингирлауский район, найдены наконечники стрел

Там же С 177

300 Царев Волгоградская область, вблизи г Волгограда разрушено погребение IX–XI вв , где найдены бронзовые птицевидные бляшки, накладки ремня и т д

ОАК-1893 С 90, рис 49–50

301 Волгоград Волгоградская область, вблизи г Волгограда в погребении найдены серебряные литые бляхи

Федоров-Давыдов Г А Кочевники Восточной Европы под властью золотордынских ханов М , 1966 С 53, рис 9–1

302 Сероглазинка Астраханская область, Енотаевский район, близ ст Сероглазинки найдена костяная пряжка IX–XI вв

ОАК-1893 С 94, рис 58–1

303 Малиновский Калмыкия, Черноземский район, на вершине бугра в 3 км от с Басы, на юго-восток от ильменя Басы

В песках, среди погребений XIII–XIV вв встречались костяки с чучелом лошади и накладки-лунницы

Синицын И В Древние памятники Приморского района Калмобласти // ИСНВИК, Т VI Саратов, 1933 С 100–101, *Синицын И В* Археологические памятники Северо-Западного Прикаспия // ТСОМК Вып III, 1960 С 135–136, рис 23

304 «Мечеть» (Ростовская область) Донецкий округ

В 1886 г случайно найдены вещи IX–XI вв

Попов Х И Описание археологического отдела Донского музея Новочеркасска б/г С 204

305 Головая (Ростовская область) Донецкий округ Среди случайных находок встречались вещи IX–XI вв

Попов Х И Донецкий округ С 209

306 Нижне-Журовская (Ростовская область) Донецкий округ Случайные находки

Попов Х И Донецкий округ С 223

307 За Капитанской горой Волгоградская область (Камышлинский уезд), вблизи дер Соломатино

В конце XIX в в результате случайных раскопок были разрушены захоронения, вещи из которых были переданы С А Щеглову и П П Грекову

ОАК-1902 г СПб , 1904 С 138

308 Гусевский Волгоградская область, Ольховский раион, с Гусевка

В начале XX в в крестьянской каменоломне с Гусевка было разрушено захоронение с вещами IX–XI вв ОАК-1902 г СПб , 1904 С 139–140

309 Каменка Екатеринославская губерния (Запорожская (?) область Украины), днепровские кучугуры

В 1849 г Д В Корейша в одном из кочевнических курганов (?) обнаружил богатое конское оголовье X–XI вв

Кирпичников А Н Снаряжение всадника С 28, Табл X

310 Котовка Екатеринославская губерния (Украина)

В состав собрания Алексеева входили решмы и накладки от конского оголовья X–XI вв , происходящие из кургана (?)

Там же С 28–29, Табл X

311 Старо-Шведское Украина, Нижнее Поднепровье (Херсонская (?) область)

Среди случайных находок имеются решмы и накладки конского оголовья X–XI вв

Там же С 29

312 Горожено Украина, Нижнее Поднепровье (Николаевская (?) область)

Крестовины и решмы уздечного набора X–XI вв хранятся в фондах областного музея

Там же

313 Кыз-Тепе Узбекистан, Камашинский район, в долине р Кашка-Дарья, в 1,5 км к востоку от кишлака Бердали

За пределами рассматриваемой нами зоны было обнаружено захоронение, по погребальному обряду и набору вещей весьма близкое огузским памятникам Нижней Волги В 1957 г С К Кабановым в процессе раскопок усадьбы начала I тыс найден костяк, сопровождаемый конским снаряжением и оружием

Кабанов С К Погребение воина в долине р Кашка-Дарья // СА 1963 № 3 С 236–240

Научное издание

Геннадий Николаевич Гарустович,
Владимир Александрович Иванов

ОГУЗЫ И ПЕЧЕНЕГИ В ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЯХ

Редактор: *Л.Н.Скальдина*
Корректор: *А.С.Малашонок, Н.В.Милицкая*
Компьютерная верстка: *Г.Ш.Самигуллина*

Лицензия № 05001 от 07 июня 2001 г
Подписано в печать с оригинала-макета 29 12 2000
Формат 60 x 84 1/16 Бумага офсетная
Гарнитура «Таймс» Печать офсетная Усл печ л 12 20
Уч -изд л 12 43
Тираж 300 экз Тип зак № 5

Издательство «Гилем».
450054, г Уфа, пр Октября, 71

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГП «ПРИНТ»
450054, г Уфа, пр Октября,71
Лицензия Б 848047 № 42 от 15 мая 1996 г